

НАГРАДА

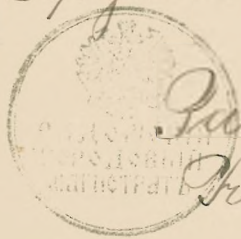
Награда.

Дана сия ученику I^{го} отд.

2го класса Гаданского Мемского
2го класса ученика Гай-
ковской Марии за отличное
поведение и хорошие успехи
в науках, оказанные ею в те-
чении 1894 учебного года.

Городъ Гаданъ в Июня 1894 г.

Президентъ. *В. Смирновъ*

Законодатель К. А. Курдюмовъ.
Губернаторъ.

Н. Смирновская

Секретарь. *С. Троценко*

172
P. 5

ПРИХОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА,

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ

А. Филонова.

РЕДАКЦІЯ

В. И. Шемакина.

МОСКВА.

Типографія Высочайше утв. Т-ва И. Д. Сытина, Валаовая ул., свой д.

1894.

151177

Дозволено цензурою. Москва, 17 іюня 1894 г.

Біографія А. С. Пушкіна.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ по-
лезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ“.

А. Пушкинъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ былъ великій русскій поэтъ.

Къ сожалѣнію, онъ мало жилъ на свѣтѣ, не болѣе *тридцати восьми* лѣтъ—отъ 1799-го до 1837-го года.

Преждевременную его смерть оплакала вся Россія. Императоръ Николай Павловичъ искренно любилъ поэта Пушкина, видѣлъ въ немъ высокій талантъ, уважалъ „его вдохновенье“, и когда онъ доживалъ послѣднія минуты, прислалъ *собственноручную* записку слѣдующаго содержанія: „Посылаю тебѣ совѣтъ умереть христіаниномъ; о женѣ и дѣтяхъ не заботься: я ихъ беру на свои руки“ *).

Разсматривая жизнь Пушкина, прежде всего по

*) Государь приказалъ снять съ имѣній наслѣдниковъ Пушкина всѣ долги и на печатаніе его сочиненій пожаловалъ 50.000 р. ассигн.—Два сына Пушкина зачислены были въ Пажескій корпусъ, а вдовѣ поэта назначена пенсія. Милости императора Николая Павловича къ Пушкину начались съ 1826 года и продлились во всю жизнь... На похороны Пушкина отпущено 10.000 р. ассигн.

ражаешься его *любовью къ труду*... Трудъ для Пушкина былъ непреложнымъ правиломъ всей его жизни, — для чего? для того, чтобы *перевоспитать* себя...

Дома плохо воспитывали молодого Пушкина, хотя родители, родственники и постоянные ихъ знакомые были и образованные люди, любившіе поэзію и другія изящныя искусства. Не хорошо было то, что мальчика окружили воспитателями и воспитательницами иностранными. У насъ существовалъ обычай ввѣрять воспитаніе дитяти французамъ: такъ дѣлалось во всѣхъ знатныхъ и богатыхъ семействахъ. Русскаго ребенка отдавали чужеземцу... Мать и отецъ таяли отъ удовольствія, видя, что ненаглядное ихъ дитя лепечетъ по-иностранному, лепечетъ младенческими устами. Та же доля постигла и Пушкина. Онъ слышалъ иноземную рѣчь, привыкъ къ ней, и въ самомъ дѣлѣ, отлично говорилъ по-французски, — и не говорилъ только, но и писалъ. Русскимъ учителемъ Пушкина былъ нѣкто Миллеръ. Но его труды не могли принести особенныхъ плодовъ, потому что маленькій Пушкинъ и сестра его, воспитывавшіеся вмѣстѣ, *говорили, писали и затверживали* уроки по всѣмъ предметамъ на языкѣ *французскомъ*. Главнымъ руководителемъ молодыхъ Пушкиныхъ былъ сперва графъ *Монфоръ*, образованный французъ: музыкантъ и живописецъ; за нимъ—г. *Русло*, потомъ—г. *Шедель* и другіе. Когда для сестры Пушкина наняли англичанку *миссъ Белли*, Пушкинъ сталъ учиться у ней по-англійски, но *плохо*; а по-нѣмецки *совсѣмь не учился*: гувернантканѣмка никогда не говорила на своемъ родномъ языкѣ. Среди этого множества учителей, собранныхъ съ разныхъ концовъ свѣта, былъ единственный дѣльный наставникъ—священникъ Бѣликовъ: онъ преподавалъ Пушкину русскій языкъ, ариѳметику и законъ Божій. Ученіе подвигалось медленно. Пушкинъ былъ очень лѣнивъ; самъ уроковъ почти не

училъ, а все повторялъ ихъ за сестрой и заливался горькими слезами надъ четырьмя правилами ариеметики, которую вообще понималъ плохо. Особенно дѣленіе, — говорятъ, — стоило ему многихъ слезъ.

Французскимъ вліяніемъ подавляемо было всякое другое вліяніе со стороны наставниковъ. Первые стихи Пушкина, первая попытка его авторства явились на *французскомъ* языкѣ.

До семилѣтняго возраста Пушкинъ не предвѣщалъ ничего особеннаго; напротивъ, своею неповоротливостію, тучностію, робостію и отвращеніемъ отъ движенія приводилъ свою мать въ отчаяніе. Отецъ Пушкина, занимаясь обязанностями офицера, не прилагалъ должнаго попеченія о воспитаніи своихъ дѣтей. Разнообразные учителя довели молодого Пушкина до „нестерпимаго состоянія“.

Но Пушкину - дитяти Богъ послалъ истиннаго воспитателя въ лицѣ няни, Арины Родіоновны. Арина Родіоновна — простая деревенская женщина, крестьянка. Она знала много русскихъ сказокъ, русскихъ пѣсенъ, пословиць, поговорокъ. Вѣдь и всякій изъ насъ знаетъ, что за чудо эти сказки и пѣсни русскія... Слушаешь, слушаешь — и весь вѣкъ слушалъ бы. Пѣсней убаюкивали насъ въ колыбели; сказкой забавляли въ долгіе осенніе вечера. Воображеніе наше уносилось въ тридевятое царство за тридесять земель. Съ этимъ роскошнымъ, дивнымъ міромъ познакомила малютку - Пушкина няня его, Арина Родіоновна. Она говорила ему сказки про царя Салтана, про купца Остолопа, про золотого пѣтушка, про мертвую царевну и семь богатырей, про рыбака и рыбку. Впоследствии эти сказки поэтъ переложилъ въ стихи и обогатилъ нашу словесность превосходнымъ описаніемъ увлекательнаго сказочнаго міра.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ,
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужить,
А бурый волкъ ей вѣрно служить;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свой мнѣ сказки говорилъ.

Эти стихи написалъ Пушкинъ на двадцать-девятomъ году своей жизни. Сказки всегда занимали его. Не пустое развлеченіе поэтъ видѣлъ въ нихъ, а высшую школу, которая *перевоспитывала* его. Въ

лѣта зрѣлыя, однимъ изъ лучшихъ его занятій и наслажденій были сказки. Онъ говорилъ: „Вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего... воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!“

Кромѣ сказокъ, няня пѣла Пушкину пѣсни русскія, пѣсни про синичку, про дѣвицу, шедшую за водой. Выла зимняя буря; вездѣ было уныло; вечеръ такой длинный, мрачный. Няня сидѣла у окна и прядла. Все молчало. Тогда поэтъ начиналъ умолять няню спѣть ему какую-нибудь пѣсню.

Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила,
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя: гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

Здѣсь поэтъ называетъ няню доброю подружкой бѣдной его юности. Надо сказать, что онъ всю жизнь помнилъ свою няню, питалъ къ ней чувства живѣйшей благодарности, и даже въ годы возмужалости и славы любилъ бесѣдовать съ нею по цѣлымъ часамъ. Самыми лестными словами называлъ онъ Арину Родіоновну:

*Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!*

Такими трогательными стихами выражалъ Пушкинъ нѣжнѣйшую свою привязанность къ нянѣ, простой деревенской женщинѣ. Могилу своей няни Пушкинъ чествовалъ, какъ что-то священное.

Въ началѣ разсказа мы замѣтили, что Пушкинъ любилъ трудъ, что онъ перевоспитывалъ себя, между прочимъ, чтеніемъ и изученіемъ русскихъ сказокъ.

Теперь укажемъ на другіе яркіе факты, показывающіе, какъ онъ постоянно работалъ надъ собою, совершенствовался, развивалъ себя *самовоспитаніемъ*.

Пушкинъ поступилъ въ Царскосельскій лицей въ 1811 году. Вообще говоря, поэтъ и учился и воспитывался тамъ плохо. Къ наукѣ онъ не прилежалъ. Иными предметами совсѣмъ не занимался и питалъ къ нимъ какое-то нерасположеніе.

Сохранились донинѣ и напечатаны нѣкоторыя отмѣтки наставниковъ о Пушкинѣ. Отмѣтки эти далеко не утѣшительны... Профессоръ логики въ Лицеѣ, Куницынъ, далъ Пушкину такую аттестацію: „Весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но *крайне непримжёнъ*. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, кои требуютъ *мало напряженія*; а потому *успѣхи его очень невелики*, особенно по части логики“. Профессоръ географіи, всеобщей и російской исторіи, Кайдановъ, писалъ о Пушкинѣ въ своей вѣдомости: „При *маломъ прилежаніи*, оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ *поведеніи рѣзвъ*, но менѣе противу прежняго“.

Въ 1811 году были выставлены на доскѣ въ Лицеѣ имена отличныхъ воспитанниковъ въ числѣ тринадцати, а Пушкина тамъ не оказалось. Въ 1817 г. окончилъ онъ курсъ ученія и окончилъ четвертымъ отъ конца.

Поэтъ самъ съ удивительною откровенностію рассказываетъ, что онъ нехорошо учился и нехорошо велъ себя въ Лицеѣ. Предметы пустые больше занимали его, нежели серьезные.

„Поэма“ для поэта имѣла тогда гораздо меньше значенія, чѣмъ мячикъ.

Пушкинъ въ Лицеѣ „*поэмъ рѣдкой* предпочиталъ мячикъ *мѣткой*“, „считалъ схоластику за вздоръ“*).

* Схоластика приучаетъ умъ человѣка къ основательности, къ строгости мышленія; требуетъ отъ ума, чтобы онъ непремѣнно

Вотъ какъ самъ онъ говоритъ о своемъ школьномъ легкомысліи:

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Елисея*),
А Цицерона проклиналъ.
Въ тѣ дни, когда поэмъ рѣдкой
Не предпочель бы мячикъ мѣткой,
Считалъ схоластику за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
Когда порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ.
Когда въ забвеньи, передъ классомъ,
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ надъ губой первый пухъ,
Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя...

Трудно начертать исторію своего недостаточнаго воспитанія откровеннѣе и картиннѣе.

Не занимаясь науками вообще, а на иные предметы не обращая почти никакого вниманія, Пушкинъ все-таки долженъ былъ чѣмъ-нибудь заниматься въ Лицеѣ, и, дѣйствительно, занимался. Рано сказалось поэтическое его дарованіе; на пятнадцатомъ году жизни онъ написалъ уже нѣсколько замѣчательныхъ стихотвореній и обратилъ на себя вниманіе всей лицейской молодежи; о немъ стали поговаривать въ обществѣ и литературѣ. Въ Лицей

далъ отвѣтъ на извѣстный вопросъ, привелъ основаніе той или другой мысли. Схоластика—это прекрасная, основательная школа для юноши.

*) Неприличная поэма В. И. Майкова.

пріѣзжалъ В. А. Жуковскій и читалъ Пушкину свои стихотворенія, а въ 1815 г. молодому поэту подарилъ свои произведенія. Въ Россіи занималась *новая* поэтическая заря и подымалась со стороны лицейской. Въ 1815 г. Пушкинъ написалъ стихотвореніе „принцу Оранскому“; оно понравилось императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и государыня прислала лицеисту Пушкину подарокъ—„золотые часы съ цѣпочкою“.

Существовало у насъ тогда литературное общество „Арзамасъ“; стихи Пушкина въ немъ принимались съ уваженіемъ. Поэтъ еще боялся подписывать свое собственное имя и подъ стихотвореніями своими подписывался „Сверчокъ“ *). Потомъ Пушкинъ въ самомъ Лицеѣ образуетъ литературные кружки; самъ руководитъ ими; издаетъ съ товарищами для домашняго обихода журналы. Всѣхъ журналовъ было четыре: „Лицейскій Мудрецъ“, „Для удовольствія“, „Неопытное перо“, „Пловцы“. За журналами своими лицеисты ухаживаютъ, какъ за милыми друзьями. Переписываютъ журналы, разрисовываютъ, переплетаютъ. Задуманное Пушкинымъ предпріятіе интересуетъ его. Вездѣ онъ впереди. *Самовоспитаніе* начинается...

Время идетъ. На одномъ публичномъ актѣ, 1815 года, шестнадцатилѣтній Пушкинъ былъ замѣченъ семидесятидвухлѣтнимъ Державинымъ (Державинъ род. 1743 г.), знаменитымъ поэтомъ временъ Екатерины II-й. Эта встрѣча стараго съ новымъ глубоко трогательна. „Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда этого не забуду, писалъ самъ Пушкинъ. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали

*) А можетъ быть и другая была причина. Сотрудники этого общества всѣ носили названія изъ балладъ Жуковского: самъ Жуковскій именовалъ себя въ „Арзамасъ“ не Жуковскимъ, а „Свѣтланю“.

мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобы дождаться его и поцѣловать руку, руку, написавшую „Водопадъ“. Державинъ пріѣхалъ... Онъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзамень нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, поджавши голову рукою; лицо его было безмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзамень русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблестали; разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ, вызвали меня. Я прочелъ мои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина *), голосъ мой отороческій зазвенѣлъ, а сердце забилося съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ... Державинъ былъ въ восхищеніи; онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли“...

Въ Царскомъ Селѣ, въ тѣ же лицейскіе годы Пушкина, жилъ другой знаменитый писатель, посвятившій лучшіе свои годы изображенію судебъ нашего отечества. Тотъ писатель задалъ себѣ великую задачу представить исторію Россіи отъ ея начала до послѣдняго времени. На этотъ великій подвигъ обрекъ онъ себя для блага милой своей родины и погрузился весь въ свое дѣло, рылся въ архивныхъ бумагахъ, перечитывалъ тысячи сочи-

*) Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь брали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

нений и допытывался отъ нихъ жизни. Этотъ писатель былъ Н. М. Карамзинъ (1766—1826 г.). Карамзинъ принималъ у себя Пушкина-лицеиста, какъ поэта (съ отцомъ Пушкина и его семействомъ историки былъ знакомъ еще въ Москвѣ). Читалъ ему свою „Исторію“ и почти всегда добродушно выслушивалъ пылкія его сужденія.

Литературныя занятія Пушкина въ Лицеѣ были весьма замѣтны: онъ, воспитываясь въ Лицеѣ, написалъ около *полтора*ста лирическихъ стихотвореній, которыя обыкновенно и называются „лицейскими“ въ собраніи его произведеній. Преимущественный предметъ „лицейскихъ“ стихотвореній—любовь, радости жизни, но нерѣдко затрогиваются и болѣе важные предметы: отечество, вѣра, государи наши, мѣсто воспитанія, вопросы нравственные и литературные *).

Проносится слухъ чуть ли не по всей Россіи, что въ Лицеѣ воспитывается великій поэтъ, что онъ пишетъ большую поэму. Слухъ совершенно справедливый. Пушкинъ въ Лицеѣ еще написалъ нѣсколько главъ „Руслана и Людмилы“, и этимъ произведеніемъ начинается *новый* періодъ въ русской литературѣ—„Пушкинскій“.

Въ 1817 г. Пушкинъ вышелъ изъ Лицея, и, видя всеобщее къ себѣ вниманіе, предался исключительно жизни разсѣянной... Передъ нимъ преклонялось высшее общество. Его посѣщеніе считалось знакомъ особой чести. Стихи, стихи и стихи... Пуш-

*) Замѣтимъ здѣсь, что „лицейскія“ стихотворенія показываютъ въ Пушкинѣ большого „пачетчика“ (старинное наше слово) разныхъ иностранныхъ писателей, особенно тѣхъ, которые любили „легкую“ поэзію. Тѣ же „лицейскія“ стихотворенія обнаруживаютъ въ немъ сильнаго знатока мнѳологіи грековъ и римлянъ. Основаніе для такого обширнаго знанія положено еще въ домѣ родителей. Отецъ Пушкина имѣлъ обширную библіотеку, изъ франц. писателей состоящую, и поэтъ нашъ перечиталъ ее всю до Лицея.

линъ и говорилъ стихами. Гдѣ ни являлся онъ всюду несъ съ собою поэтическую свою славу. Общество восхищалось, и „мелкія стихотворенія Пушкина, наскоро, на лоскуткахъ бумаги, карандашомъ написанныя, по словамъ И. И. Лажечникова (1794—1869 г.), разлетались въ нѣсколько часовъ огненными струями во всѣ концы Петербурга и въ нѣсколько дней Петербургомъ вытверживались наизусть“.

Является „Русланъ и Людмила“... Пушкина превозносятъ до небесъ... Его называютъ въ журналахъ „огненнымъ пѣвцомъ“...

Но вотъ, наконецъ, приходитъ пора разочарованія. Съ годами увлеченіе утихаетъ, пылъ охлаждается, и наступаетъ время думы... Человѣкъ собираетъ въ себя, запирается въ клѣти своего сердца и, при видимыхъ міру успѣхахъ, постигаетъ онъ свои несовершенства.

Такая пора настала для Пушкина послѣ 1825 года. Жизнь образумила его. Онъ принялся за свое *перевоспитаніе*. Шагъ трудный, но необходимый для каждаго, кто съ дѣтскихъ лѣтъ не воспитывался, какъ слѣдовало. Онъ объявилъ вслухъ всей Россіи, что *воспитаніе* его испорчено. Объявилъ и рѣшился преобразовать себя.

Какимъ же путемъ начало совершаться преобразование поэта?

Первый путь—*отреченіе отъ незаслуженной славы*. За поэмы „Русланъ и Людмила“, „Кавказскій Плѣнникъ“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“, „Братья-Разбойники“ превозносили Пушкина. Но онъ въ этихъ поэмахъ не находилъ ничего дѣйствительно славнаго, могущаго обезсмертить имя его. Онъ признавалъ хорошими только частности, а въ цѣломъ не одобрялъ этихъ своихъ произведеній.

Небольшую поэму свою „Братья-Разбойники“

Пушкинъ хотѣлъ даже сжечь. На такое отреченіе отъ незаслуженной литературной славы не всѣ способны.

Второй путь къ самовоспитанію — *сознательное чтеніе* книгъ. Жажда къ чтенію книгъ пробудилась въ Пушкинѣ весьма рано, еще въ домѣ родителей. Онъ перечиталъ почти все, что нашелъ въ библиотекѣ своего отца. „Чтеніе—лучшее обученіе“, — сказалъ въ послѣдствіи поэтъ. Эту великую истину онъ испыталъ на себѣ прежде всего. Пушкинъ читалъ книги такъ, какъ рѣдкій изъ насъ читаетъ ихъ. Садясь читать, онъ бралъ бумагу, перо или карандашъ; чуть что замѣчательное, — поэтъ переписывалъ прочитанное въ тетрадь, излагалъ свои мысли, соображенія. И у него, такимъ образомъ, накопилось много кабинетныхъ тетрадей. Эти тетради были превосходною справочною книгой при каждомъ изысканіи. Друзья Пушкина единогласно говорятъ, что, за исключеніемъ *двухъ* первыхъ годовъ его жизни въ свѣтѣ, никто такъ не трудился надъ дальнѣйшимъ своимъ образованіемъ, какъ онъ.

Третій путь къ самовоспитанію — изученіе родного языка въ мельчайшихъ его подробностяхъ. Никто изъ нашихъ поэтовъ, кромѣ Ломоносова, не обращалъ такого тщательнаго и постояннаго вниманія на языкъ, какъ Пушкинъ. Во-первыхъ, рѣшился онъ изучить слово народное. Мы уже знаемъ, какъ нравились ему сказки Арины Родіоновны. Сказки эти, а равно и собиравшіяся имъ на югѣ Россіи и въ Псковской губерніи произведенія народной словесности, довели Пушкина до слѣдующаго убѣжденія: „Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. *необходимо* для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка“. Чтобы постигнуть свойства и богатства родной рѣчи, поэтъ вмѣшивался въ толпы простого народа, ходилъ по базарамъ и изучалъ простонародный говоръ. Изученіе отечественнаго языка заставило Пушкина высказать: „*Разговорный*

языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) *достойнъ* также глубочайшихъ изслѣдованій“. Выраженія народныя Пушкинъ любилъ вносить въ свои высокія произведенія.

Кромѣ народнаго, онъ, во-вторыхъ, подробно изслѣдовалъ и языкъ литературный. Мелочи сильно занимали егс. Поэтъ задумывался надъ мелочами и поступалъ весьма основательно. Мелочей въ языкѣ нѣтъ: въ немъ все велико и значительно. Эту истину превосходно понималъ Пушкинъ, сдѣлавшись уже знаменитымъ русскимъ поэтомъ. Онъ бился надъ разрѣшеніемъ слѣдующихъ грамматическихъ задачъ: частица *не*, если при ней дѣйствительный глаголь, какого требуетъ падежа—родительнаго, или винительнаго? Какъ писать: *цыганы* или *цыгане*? Татары или татаре? На послѣдній вопросъ Пушкинъ отвѣчаетъ цѣлымъ грамматическимъ правиломъ: „Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*, *татары* а не *татары*. Почему? Потому что всѣ имена существительныя, кончающіяся на *анинъ*, *янинъ*, *аринъ* и *яринъ*, имѣютъ свой родительный во множественномъ на *анъ*, *янъ*, *аръ* и *яръ*, а именительный множественнаго на *ане*, *яне*, *аре* и *яре*. Всѣ же существительныя, кончающіяся на *анъ* и *янъ*, *аръ* и *яръ*, имѣютъ во множественномъ именительный на *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а родительный на *ановъ*, *яновъ*, *аровъ*, *яровъ*. Единственное исключеніе: имена собственные. Потомки г. Булгарина будутъ г-да Булгарины, а не Булгаре“.

Пушкина сильно интересовали грамматическія тонкости нашего языка.

Ни одной мелочи онъ не опускалъ изъ виду. Вы не вѣрите своимъ глазамъ, читая подобныя филологическія подробности. Не вѣрите и невольно спрашиваете: говорилъ, что „*схоластика—вздоръ?*“

Четвертымъ путемъ, которымъ Пушкинъ совер-

шаль свое самовоспитаніе были *историческіе труды*. Съ 1832 года поэтъ начинаетъ какъ бы охлаждать свой поэтическій жаръ. Онъ спускается съ высокоизящныхъ образовъ поэтическихъ къ серьезной и простой прозѣ, приступаетъ къ историческому труду и задасть себѣ громадную задачу—*написать исторію Петра Великаго*. Задача, говоримъ, громадная. О Петрѣ въ нашихъ архивахъ столько матеріаловъ, что только для прочтенія ихъ едва ли хватитъ жизни одного человѣка. Бумагами, относящимися ко временамъ великаго преобразователя Россіи, занято нѣсколько комнатъ. Но мало—изучить архивъ; надо еще перечитать все напечатанное о Петрѣ 1-мъ, а напечатано о немъ весьма много. Одинъ купецъ Голиковъ издалъ двадцать пять томовъ о Петрѣ. Множество есть современныхъ Петру записокъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ,—короче: задача самая обширная. Пушкинъ, поэтъ Пушкинъ, предпочитавшій когда-то мячикъ поэмѣ, не утратился этой исполинской задачи и рѣшительно приступилъ къ ней, со всей энергіей человѣка ученаго. Изъ письма Пушкина къ историку Погодину мы узнаемъ, съ какими чувствами и мыслями принялся онъ за многотрудное свое дѣло. „*Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ*, какъ вы къ исторической кафедрѣ“. Не слова это были!.. Пушкинъ работалъ много. Пять лѣтъ употребилъ онъ *только* на подготовленіе матеріаловъ. Въ черновыхъ его тетрадяхъ этотъ трудъ называется „*Матеріалы для исторіи Петра Великаго*“. Матеріалы эти, по словамъ Жуковскаго, составили бы два тома. Способъ работы, употребленный Пушкинымъ, весьма замѣчательнъ. Онъ дѣлалъ сводъ всѣмъ лѣтописямъ, запискамъ и документамъ, какіе имѣлъ подъ рукою, и составлялъ послѣдовательный рассказъ. Въ срединѣ рассказа ставилъ вопросительные знаки для привлеченія

мысли при будущемъ трудѣ. Такъ вель онъ свою работу, описывая жизнь Петра съ 1672 по 1689-й годъ. Но съ 1689-го года Пушкинъ измѣняетъ систему своего подготовительнаго труда. Съ этой поры, онъ сперва излагаетъ сводъ событій, и потомъ уже вычисляетъ указы, относящіеся къ извѣстному году. Эта система выдерживается до самой смерти Петра (до 1725 г.).

Въ началѣ 1836 года поэтъ для занятій командированъ былъ въ Москву, въ *главный архивъ*. Эти занятія его должны были состоять въ дополнителномъ сборѣ историческихъ матеріаловъ.

Рѣшенію этой исторической задачи Пушкинъ посвящалъ почти все свое время. Изъ квартиры своей онъ ходилъ каждый день въ разныя присутственныя мѣста, чтобы рыться въ архивахъ и возсоздавать въ своей мысли разнообразную дѣятельность Петра, „и преданъ былъ своей работѣ съ жаромъ, со страстью“, говоритъ одинъ изъ лучшихъ его біографовъ, П. В. Анненковъ. Весной 1833 года поэтъ жилъ за городомъ (С.-Петербургомъ), по Черной Рѣчкѣ, и *оттуда каждый день отправлялся пѣшкомъ* работать въ архивъ. Во время такихъ его путешествій не разъ встрѣчалъ его историкъ Н. Г. Устряловъ. Разъ поэтъ, жалуюсь историку на кропотливую и трудную свою работу, выразился такъ: „Чтобы всѣ эти бумаги перечитать, надо имѣть кошачьи глаза“. Устряловъ потомъ на бумагахъ, относящихся къ царствованію Петра, находилъ помѣтки Пушкина.

Не думайте, однакожь, чтобы, занимаясь исторіею Петра, Пушкинъ совершенно забылъ поэзію и общество. Нѣтъ, поэзія и жизнь шли своимъ чередомъ. „Капитанская Дочка“, „Русалка“, „Дубровскій“ написаны имъ именно въ тѣ года, когда онъ собиралъ матеріалы для исторіи Петра Великаго. А матеріалы для исторіи Пугачевского бунта были у него

готовы въ 1833 году. Его поэзія въ это время становится особенно замѣчательною; теперь выступаетъ рядъ произведеній безукоризненно художественныхъ, и производитъ нашъ поэтъ на общество вліяніе самое сильное и благотворное. Пушкинъ дѣлается свѣтиломъ русской литературы, первымъ ея свѣтиломъ. Книгопродавецъ Смирдинъ платитъ поэту по червонцу за каждый стихъ... Но всеобщее къ нему вниманіе не туманитъ его очей, не кружитъ ему головы, какъ было это во времена прежнія, а дѣлаетъ его все осторожнѣе, солиднѣе, степеннѣе. Чѣмъ больше поэзія Пушкина имѣетъ вліянія на общество, тѣмъ строже смотритъ онъ на свою дѣятельность, тѣмъ усерднѣе и горячѣе трудится... Чтобы совершеннѣе начертать свою историческую драму „Борисъ Годуновъ“, онъ усердно изучаетъ наши лѣтописи, изучаетъ „Исторію Государства Россійскаго“ Н. М. Карамзина, онъ читаетъ знаменитаго римскаго историка Тацита, онъ вдумывается въ сочиненія великаго британскаго генія драматическаго, Вильяма Шекспира. Чтобы осмысленнѣе представить исторію Пугачевскаго бунта, онъ отправляется путешествовать для обзорѣнія тѣхъ мѣстъ, гдѣ прошелъ этотъ мятежь, онъ собираетъ мѣстныя преданія о Пугачевѣ,—для него оказывается недостаточнымъ знать только письменные историческіе документы, относящіеся къ задуманному имъ труду. Находясь на югѣ Россіи, онъ читаетъ въ подлинникѣ римскаго поэта Горация, онъ пристально изучаетъ англійскій языкъ, забрасываетъ брата своего письмами, гдѣ одинъ преимущественно раздается вопль: „Присылай мнѣ книгъ, ради Бога книгъ! книгъ!“ Поучительные примѣры! Многіе злоупотребляютъ блестящимъ своимъ положеніемъ въ обществѣ и трудятся, пока еще не заслужили его. Но лишь только полилось счастье на человѣка, онъ уже и забылся. Онъ выше всѣхъ,

умнѣ всѣхъ; такъ онъ думаетъ,—и вотъ конецъ самовоспитанію. Напротивъ, Пушкинъ трудился до самой смерти. Смерть застала поэта среди разгара самой обширной—ученой, журнальной и поэтической дѣятельности.

Итакъ, недостатки своего воспитанія въ дѣтствѣ и юности Пушкинъ старался восполнить неуспынными трудами въ зрѣлые, мужскіе годы! Если въ дѣтствѣ отъ невѣрнаго взгляда родителей, а въ ранней юности отъ собственной разсѣянности поэтъ сдѣлался равнодушнѣ къ серьезнымъ занятіямъ наукою, то въ лѣта мужества онъ предался наукѣ со всею страстію любознательнаго человѣка. Домашнее и лицейское образованіе не принесло Пушкину надлежащихъ плодовъ; всѣ усилія наставниковъ остались напрасными. Зато лишь только повѣяла на поэта жизнь, онъ принялся за дѣло, какъ слѣдуетъ. Дай Богъ каждому изъ насъ трудиться въ свое время, еще въ молодости, съ тою же неуспынною любовію, съ какою трудился Пушкинъ потомъ.

Но не въ наукѣ только состоитъ все человѣческое развитіе: наука лишь *одно* изъ средствъ нашего совершенствованія. Можно быть умнѣйшимъ изъ людей и низкимъ въ нравственномъ отношеніи. Что же Пушкинъ? понималъ ли онъ, что одна наука еще не составляетъ полной жизни человѣка? Пушкинъ очень хорошо понималъ эту истину и потому въ послѣдніе годы жизни, *лучшіе* годы своей дѣятельности, онъ сдѣлался *человѣкомъ религіознымъ*. Поэта стали занимать предметы духовные, нравственные, святыя, и это былъ *пятый путь* къ самовоспитанію у Пушкина. Умиляемся передъ поэтомъ, видя, какъ онъ усердно читаетъ *четы-минеи, прологи*. Пушкинъ находилъ особенное духовное наслажденіе въ чтеніи этихъ книгъ. Но мы нѣсколько подробнѣ скажемъ объ этомъ важномъ предметѣ.

Религіозное направленіе стало проявляться въ Пушкинѣ съ 1833 года, за четыре года до его смерти. Основаніе религіозному строю души поэта положило замѣчательное его стихотвореніе „Странникъ“. Черновыя тетради поэта показываютъ, какъ онъ прилежно изучалъ четы-минеи и прологи. Пушкинъ вникалъ въ духъ и форму этихъ духовныхъ книгъ. Изъ пролога онъ дѣлалъ выписки. Очень любопытно знать, что именно интересовало поэта въ указанныхъ книгахъ. Мы можемъ удовлетворить любознательности читателей, если приведемъ выписку Пушкина изъ пролога: „Вложи (діаволь) ему мысль о родителяхъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминаючи велію отца и матери любовь, юже къ нему имѣша. И глаголаше ему помысль: что нынѣ творять родители твои безъ тебя, колико многую имуть скорбь и тугу и плачь о тебѣ, яко невѣдающимъ имъ отшелъ еси. Отець плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и ближніи жалѣютъ по тебѣ и весь домъ отца твоего въ печали есть, тебе ради. Еже воспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей; и честь братій его, и различная мірская суетствія во умъ его приводяше. День же и ночь непрестанно таковыми помыслами смущае его, яко уже изнеможи ему тѣломъ, и еле живу быти. Ово бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ изсше яко скудель крѣпость его и плоть его бѣ яко трость вѣтромъ колеблема“.

Занимаясь чтеніемъ пролога, Пушкинъ захотѣлъ подражать простодушному его разсказу и написать самымъ доступнымъ для всѣхъ языкомъ „Повѣствованіе о житіи преподобнаго Саввы игумена“. Это повѣствованіе, къ сожалѣнію, не издано и находится въ черновыхъ бумагахъ поэта, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Декабря 3, преставленіе пре-

подобнаго отца нашего Саввы, игумена святаго обители Пресвятыя Богородицы, что въ Сторожехъ, новаго чудотворца (изъ Пролога)“.

1835 года Пушкинъ принималъ участіе совѣтомъ и дѣломъ въ составленіи „Словаря историческаго о святахъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви“. Книга вышла въ 1837 году, и поэтъ далъ о ней отзывъ въ своемъ журналѣ „Современникъ“. Въ отзывѣ высказана замѣчательная мысль. Пушкинъ пишетъ: „Издатель словаря о святахъ оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы и чью память празднуютъ ежегодно. Недозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ не любопытству“.

Религіозное направленіе Пушкина съ году на годъ все росло и росло. Онъ вчитывался въ духовные стихи и псалмы, которые распѣваютъ наши слѣпцы и нищие „каляки переходже“. Въ одномъ письмѣ къ поэту Языкову онъ говоритъ: „Пришлите мнѣ, ради Бога, *стихъ объ Алексѣѣ, Божіемъ челоуѣкѣ*—нужно“. Эти слова не даромъ сказаны Пушкинымъ: они вполне выражаютъ настроеніе его духа.

Друзья поэта единодушно показываютъ, что онъ въ послѣднее время своей жизни находилъ неистощимое наслажденіе въ *чтеніи евангелія* и многія *молитвы заучивалъ наизусть*...

Стихотворенія, относящіяся къ предсмертнымъ его годамъ, дышатъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ. 22 іюня 1836 года, на дачѣ Каменнаго острова (въ Петербургѣ), онъ написалъ стихотвореніе „Иуда Предатель“, а 22 іюля того же года и на той же дачѣ—„Молитву“.

Такимъ образомъ ближайшее разсмотрѣніе жизни Пушкина въ высшей степени назидательно. Поэтъ

сначала не понималъ своего призванія, закапывалъ въ землю Божіи таланты, увлекался, тратилъ силы понапрасну; потомъ образумился, сталъ перевоспитывать себя, принялся за серьезные, продолжительные труды и наконецъ сдѣлался религіознымъ человѣкомъ и писателемъ. Многіе изъ насъ въ дѣтствѣ идутъ стезею Пушкина, т. е. пренебрегаютъ предметами ученія, лѣнятся, скучаютъ за книгою. Но многіе ли, подобно Пушкину, способны приступить къ перевоспитанію себя? многіе ли чувствуютъ свое недостаточное, скудное развитіе и трудами цѣлой жизни совершенствуютъ и совершенствуютъ себя? Наконецъ, многіе ли доходятъ до благодатной мысли, что религія—основа и спасеніе обществъ человѣческихъ, что она—краеугольный камень нашего благополучія, что она, и только она одна, ведетъ человѣка къ вѣчному и незыблемому пристанищу на небѣ?.. Никто не долженъ забывать, что все минется, исчезнетъ, а крестъ станетъ на могилѣ, крестъ! Религія благословляетъ первый крикъ младенца, религія благословляетъ и послѣдній вздохъ человѣка на землѣ... *)

Такъ какъ поэзія должна говорить истину, а истинною называется то, что должно быть, то отсюда можно вывести заключеніе, что поэзія, какъ выраженіе истины въ образахъ, должна возвѣщать міру одно святое, чистое, возвышенное, прекрасное. Шиллеръ (въ переводѣ Жуковскаго) говоритъ:

„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ,
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что *святого есть въ мирѣ*“.

И Пушкинъ говоритъ:

„Мы рождены для вдохновенья,

*) Въ нашей біографіи собраны и обобщены главнѣйшія черты жизни А. С. Пушкина. Другіе факты его жизни читатели найдутъ въ нашихъ примѣчаніяхъ къ произведеніямъ поэта, имѣющимъ біографическій характеръ.

Для звуковъ *сладкихъ и молитвъ*“.

Слабости наши, недостатки, страсти, пороки не есть непремѣнная принадлежность нашей природы, которая представляетъ собою образъ и подобіе Божіе, „черту начальну Божества“, по словамъ Державина. „Истины нѣсть въ немъ“ (дѣволъ, отцѣ всяческаго зла), говоритъ слово Божіе. И мудрецы земные (философы) увѣряютъ, что зло, страсти, пороки не есть настоящая дѣйствительность, а есть дѣйствительность мнимая, призрачная,—дѣйствительность, показывающая, какимъ не долженъ быть человѣкъ. Поэзія изображаетъ и эту призрачную дѣйствительность (напр. „Ревизоръ“ Гоголя, „Горе отъ ума“ А. С. Грибоѣдова), но такая поэзія, если хочетъ быть достойною своей цѣли, должна исходить изъ того же высокаго начала, изъ какаго происходитъ и другая, выше названная поэзія—изъ начала, говорящаго объ одной истинѣ. Эта вторая поэзія служитъ тому же высшему началу—началу истины, но только путемъ не прямымъ, а отрицательнымъ. Она показываетъ, какимъ не долженъ быть человѣкъ. Гоголь, большую часть жизни своей изображавшій „призрачную“ дѣйствительность (т. е. то, чего не должно быть), говоритъ: „Развѣ положительное и отрицательное не можетъ служить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ все, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка, не рисуетъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленіе отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго медика и холодная и горячая вода лѣчатъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни. Въ рукахъ таланта *все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному*, если только нравится высокой мыслью *послужить прекрасному*“.

Произведенія поэтическія раздѣляются на три главныхъ рода: произведенія эпическія (или повѣствовательныя), лирическія и драматическія. Цѣль ихъ одна — изображать прекрасное въ мірѣ (т. е. возможное прекрасное, идеальное прекрасное). Но способы изображенія различны: произведенія эпическія *разсказываютъ* о мірѣ возможномъ на основаніи дѣйствительнаго; лирическія произведенія выражаютъ *личныя* чувствованія и мысли поэта по поводу разныхъ предметовъ этого міра; драматическія произведенія представляютъ *соединеніе эпоса и лиры* и изображаютъ все въ дѣйствиіи, а не въ разсказѣ („драма“ съ греческаго значитъ „дѣйствіе“).

Каждый родъ поэзіи раздѣляется на виды. Въ эпической поэзіи отличаютъ слѣдующіе виды: сказку, былину, легенду, басню, идиллію, балладу, поэму, разсказъ, повѣсть, романъ и др. Сказка, былина, легенда представляютъ собою образцы эпоса народнаго; баснею называется аллегорическій разсказъ; идиллія значитъ картинка, видикъ жизни, содержаніемъ ея служитъ бытъ разныхъ сословій, отличающійся простотою, близостію къ природѣ; баллада — разсказъ съ фантастическимъ содержаніемъ, которое берется изъ народныхъ преданій („Лѣсной Царь“ Гете, „Бѣсы“ Пушкина), изъ исторіи („Ивиковы журавли“ Шиллера, „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“ Пушкина) и изъ другихъ источниковъ; поэма — первоначально означала разсказъ о такомъ важномъ событіи, въ которомъ принималъ участіе весь народъ (напр. „Одиссея“ и „Иліада“ Гомера), а потомъ стала означать такого рода разсказъ, въ которомъ передаются главнѣйшіе факты событія, поэтическіе, при чемъ сильное вліяніе имѣютъ личныя впечатлѣнія самого поэта (таковы поэмы Байрона и многочисленныхъ его послѣдователей). Въ поэмахъ со временъ Байрона сталъ преобладать

лирической элементъ, тогда какъ въ поэмахъ древнихъ (у Гомера) преобладающее значеніе имѣетъ элементъ эпическій. Тамъ—объективный (т. е. съ отсутствіемъ личности поэта) рассказъ, а въ поэмахъ, со временъ Байрона, господствующимъ началомъ представляется элементъ субъективный (т. е. выражающій личныя впечатлѣнія сочинителя). Въ поэмахъ такого рода затрогиваются иногда вопросы общественные. Романъ, повѣсть и рассказъ съ давняго уже времени заступили мѣсто поэмъ и составляютъ въ настоящее время преобладающіе виды литературы. Романъ, повѣсть и рассказъ различаются между собою только объемомъ, по содержанию же своему они имѣютъ цѣлью рассказать о жизни, насъ окружающей или окружавшей. Въ романѣ рассказывается о всей жизни героя, отъ колыбели до гроба, съ подробными описаніями всѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ совершалась его дѣятельность; иногда содержаніемъ романа служитъ рассказъ о жизни всего общества въ извѣстную эпоху; иногда въ романахъ выводятся лица историческія (см. романы Вальтера Скотта); иногда въ романахъ осмѣливается направленіе цѣлой эпохи (напр. „Донъ-Кихоть“ Сервантеса), иногда романъ касается разныхъ вопросовъ воспитанія и политики (таковы романы англійскаго писателя Диккенса, нѣмецкаго писателя Шпильгагена). Трудно указать сторону жизни общественной, которой не касался бы современный романъ, существующій у всѣхъ образованныхъ народовъ и занимающій умы даже государственныхъ людей. Романы—это современная исторія внутренней жизни общества.—Повѣсть—часть романа, а рассказъ—какъ бы часть повѣсти. Такой сложности содержанія, какая представляется въ романѣ, они не имѣютъ, но тѣхъ же сторонъ жизни (и общественной, и политической,

и литературной, и частной, и исторической) касаются, какія изображаются и въ романѣ.

Лирическая поэзія есть выраженіе личныхъ чувствъ и думъ поэта. Виды лирики весьма разнообразны. Главнѣйшіе изъ нихъ: пѣсня, гимнъ, диѳирамбъ, пеанъ, ода, элегія, сатира, эпиграмма, сонетъ и пр. Пѣсня есть непосредственное выраженіе чувствъ и думъ народа (это преимущественный видъ народной лирики). Гимномъ называется пѣснь религіознаго содержанія („Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“ М. Хераскова, „Боже, Царя Храни!“ В. А. Жуковскаго), диѳирамбъ—гимнъ въ честь Бахуса (см. диѳирамбы у поэта Н. М. Языкова), пеанъ-гимнъ въ честь Аполлона (см. гимны Аполлону Дельфійскому и Пивѣйскому у древнихъ грековъ); одою называется торжественная пѣснь: содержаніемъ оды бываетъ или изображеніе свойствъ Божества, или прославленіе доблестныхъ дѣйствій героя (см. оды Ломоносова и Державина); элегія выражаетъ чувство скорби („Умирающій Тассъ“ Батюшкова), сатира-лирическое стихотвореніе, или осмѣивающее разные недостатки людей или порицающее (см. сатиры кн. Кантемира); иногда сатира принимается въ болѣе общемъ смыслѣ, и этимъ словомъ обозначается цѣлое направленіе литературы (бываютъ сатирическіе романы, повѣсти, газетныя сообщенія, историческія статьи и пр.). Эпиграмма, собственно, значитъ надпись; такія надписи въ древности появлялись на храмахъ, на памятникахъ героямъ, а потомъ эпиграммою стали именовать короткое стихотвореніе сатирическаго, остраго содержанія (у насъ хорошія эпиграммы писалъ баснописецъ Дмитріевъ); эпитафіею называется надпись надгробная; сонетъ есть лирическое стихотвореніе, состоящее изъ 14-ти строкъ, раздѣленныхъ на четыре куплета: въ первыхъ двухъ—по четыре стиха, въ послѣднихъ двухъ—по три.

Кромѣ этихъ видовъ лирической поэзіи, были еще другіе виды лирики, напр.: шарада, акростихъ, мельестихъ, рондо, триолеть, буриме, логогрифъ и пр. Всѣ они отличались другъ отъ друга чисто наружными, внѣшними чертами. (У нашихъ писателей XVIII и начала XIX вѣка можно найти примѣры на всѣ эти виды нынѣ почти забытой такого рода лирики).

Драматическія произведенія представляютъ жизнь человѣка въ дѣйстви: здѣсь не разсказывается о дѣствіяхъ выводимыхъ въ произведеніи лицъ, а представляются они совершающимися передъ нашими глазами. По дѣствіямъ мы опредѣляемъ и характеръ героевъ, представленныхъ въ драмѣ. Чѣмъ живѣе дѣствіе, тѣмъ драматическое произведеніе лучше, и драма совершеннѣе („драма“ съ греческаго значитъ „дѣствіе“). Главныхъ видовъ драматическихъ произведеній три: трагедія, комедія и драма въ собственномъ смыслѣ. Трагедію называется драматическое произведеніе, въ которомъ представлены ужасныя, потрясающія событія (преимущественно здѣсь имѣются въ виду нравственные страданія). Цѣль трагедіи—пробудить состраданіе къ страждущему лицу. (Таковы трагедіи древнихъ греческихъ писателей: Эсхила, Софокла и Эврипида, жившихъ въ V в. до Р. Хр.). Комедія есть драматическое произведеніе, представляющее недостатки общества или человѣка, ихъ слабости, пороки. Цѣль комедіи—пробудить сознаніе съ лучшимъ образъ жизни (таковы комедіи древняго греческаго писателя Аристофана, въ V в. до Р. Хр. жившаго). Драма въ собственномъ смыслѣ есть драматическое произведеніе, соединяющее въ себѣ трагическое и комическое начало. (Таковы драмы Шекспира, великаго англійскаго писателя: „Гамлетъ“, „Король лиръ“ и др.—Шекспиръ и создалъ этотъ видъ драматическихъ произведе-

ній, а древніе имѣли чистую трагедію, т. е. одно ужасное въ ней представляли). Въ новѣйшее время возникли: мелодрама, водевиль. Первая представляетъ положенія неестественныя, натянутыя, преувеличенныя, а второй (водевиль) есть родъ легкой комедіи (образецъ мелодрамы— „Материнское Благословеніе“, образецъ водевиля— „Стряпчій подъ столомъ“ Д. Н. Ленскаго),

Въ произведеніяхъ Пушкина можно найти примѣры (и притомъ совершеннѣйшіе) на разные роды и виды прозы и поэзіи. Примѣромъ прозаическихъ произведеній Пушкина могутъ служить: „Исторія Пугачевского бунта“, „Записки“ (изъ нихъ напечатаны лишь отрывки), „Путешествіе въ Арзрумъ“, „Автобіографія“ (напечатаны отрывки), „Анекдоты“ о кн. Потемкинѣ, Тредіаковскомъ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ и др., рядъ критическихъ статей (въ журналахъ напечатанныхъ) о разныхъ литературныхъ произведеніяхъ какъ своихъ, такъ и чужихъ (напр., письмо о сочиненіи Гоголя „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, о разнообразной дѣятельности Ломоносова, о романѣ Загоскина „Юрій Милославскій“, о Баратынскомъ и пр. и пр.), рядъ разсужденій теоретическаго характера (напр. о драмѣ, о цензурѣ, о духѣ словесности—разборъ мнѣнія М. А. Лобанова и пр.). Критическія и теоретическія замѣтки Пушкина достойны полнаго вниманія читателя, во-первыхъ, по своему простому, ясному и чистому языку, во-вторыхъ, по своимъ умнымъ и свѣтлымъ мыслямъ, а въ-третьихъ, по здоровому направленію, которое вездѣ сказывается, даже въ самыхъ краткихъ замѣчаніяхъ. Какъ въ своей поэзіи, такъ и здѣсь онъ стоитъ за чистое искусство, за свободу творчества писателя, за свободу мысли писателя. Вотъ что, напр., онъ говоритъ о цензурѣ: „*Нелѣпо*, если оно просто нелѣпо, а не заключаетъ въ себѣ ничего

противнаго вѣрѣ, правительству, нравственности и чести, не подлежитъ уничтоженію цензуры. Нелѣпость, какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества и не вызываетъ на себя дѣйствія закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ цензурою: книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ нельзя позволить чтеніе романовъ: изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ цензура должна была запрещать всѣ романы. Цензура есть установленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ“.

Примѣромъ поэтическихъ произведеній могутъ быть слѣдующія сочиненія А. С. Пушкина: въ отдѣлѣ лирики—*пѣсни*: „Птичка Божія не знаетъ ни заботы ни труда“ (въ поэмѣ „Цыгане“); *гимна*: „Боже, Царя храни! Славному долги дни дай на земли“; *оды*: „Клеветникамъ Россіи“; *элегіи*: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“; *сатиры*: „Лицинію“; *эпиграммы*: „Ex ungue leonem“; *сонета*: „Мадонна“; *антологіи*: „Отрокъ“; *эпитафіи*: „Надгробная надпись кн. А. И. Голицыну“.

Въ отдѣлѣ эпоса: *сказки*: „О рыбацѣ и рыбкѣ“; *басни*: „Соловей и Кукушка“; *баллады*: „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“; *поэмы*: „Полтава“; *повѣсти*: „Капитанская Дочка“; *романа*: „Евгеній Онѣгинъ“.

Въ отдѣлѣ драматическихъ произведеній примѣромъ трагедіи можетъ служить „Борисъ Годуновъ“.

Изъ этого указанія читатели могутъ видѣть разносторонность таланта Пушкина. Онъ легко переносится отъ пѣсни къ поэмѣ и отъ поэмы къ драмѣ, отъ драмы къ исторіи и отъ исторіи къ автобіографіи или эпиграммѣ. Каждый родъ и видъ

прозы и поэзіи ему, какъ геніальному таланту, равно доступенъ.

Разносторонность таланта Пушкина видна и въ формѣ стиха. Любимый размѣръ Пушкина былъ ямбъ (стопа изъ двухъ слоговъ: первый безъ ударенія, второй съ удареніемъ), но въ его стихотвореніяхъ можно найти примѣры различныхъ размѣровъ стиха. У него есть примѣры хорей (стопа изъ двухъ слоговъ: первый съ удареніемъ, второй безъ ударенія), дактиля (первый съ удареніемъ, второй и третій безъ ударенія), амфибрахія (первый безъ ударенія, второй съ удареніемъ, третій безъ ударенія), анапеста (первый и второй безъ ударенія, а третій съ удареніемъ), гекзаметра (размѣръ стиха изъ шести стопъ—дактилей и хореевъ), бѣлыхъ стиховъ (т. е. безъ риѣма), вольныхъ (т. е. заключающихъ въ себѣ неодинаковое количество стопъ) и стиховъ александрійскихъ (шестистопныхъ ямбическихъ). Приведемъ примѣры изъ сочиненій Пушкина: *ямба*: На берегу пустынныхъ волнъ („Мѣдный Всадникъ“), — *хорей*: „Буря мглою небо кроетъ“ („Зимній вечеръ“), *дактиля*: „Боже, Царя храни“—*амфибрахія*: „Послѣдняя туча разсѣянной бури“ („Туча“), *анапеста*: „Не два волка въ оврагѣ грызутся“ („Пѣсня о Георгіи Черномъ“), — *гекзаметра*: „Мигъ вождельный насталь. Оконченъ мой трудъ многолѣтній“ („Трудъ“); примѣръ бѣлыхъ стиховъ видимъ въ трагедіи „Борисъ Годуновъ“, примѣръ вольныхъ стиховъ—въ стихотвореніи „Обвалъ“ (четырехстопный ямб мѣшается съ двухстопнымъ); александрійскими стихами написано стихотвореніе „Молитва“. Доказательствомъ свободы творчества Пушкина можетъ служить и то, что онъ стихи черемѣшивалъ съ прозаическими отрывками: въ „Борисѣ Годуновѣ“ картины: палаты патріарха (патріархъ и игумень), корчма на Литовской гра

ницѣ. Онъ умѣлъ писать и сказочнымъ размѣромъ, что можно видѣть въ его сказкахъ.

Другія свойства поэзіи Пушкина слѣдующія (мы скажемъ объ этомъ кратко):

1. Онъ поэтъ міра дѣйствительнаго. И въ мірѣ дѣйствительномъ выбиралъ по преимуществу свѣтлыя стороны, прекрасное, благородное, возвышенное. Для доказательства указываемъ на „стансы“ о Петрѣ Великомъ, „Пиръ Петра Великаго“, описаніе Полтавской битвы, гдѣ Петръ представленъ набожнымъ („За дѣло! Съ Богомъ!“), храбрымъ и великодушнымъ, — напоминаемъ о повѣсти „Капитанская дочка“, въ которой преимущественно выводятся хорошіе люди, готовые положить жизнь свой за государя (капитанъ Мироновъ, его жена), любящіе своихъ господъ и преданные имъ до самопожертвованія (Савельичъ); здѣсь же представленъ героизмъ простой дѣвушки Марьи Ивановны (дочь капитана Миронова), рѣшившейся дойти до императрицы за правое дѣло; въ той же повѣсти государыня Екатерина Вторая изображена мудрою, внимательной къ своимъ подданнымъ, простою, доброю, почтительною къ славнымъ людямъ XVIII вѣка. Стихотвореніе „Отрокъ“ рисуешь намъ величественный образъ Ломоносова.

2. Онъ былъ свободный художникъ, т. е. писалъ по вдохновенію, по внутреннимъ побужденіямъ своего сердца. Онъ смотрѣлъ на искусство, какъ на свободное творчество, которое не подчиняется требованіямъ времени, вопросамъ минуты *). По его мнѣнію награда поэту въ его трудѣ, а не въ кликахъ толпы. Назначеніе искусства, по его мнѣнію, состоитъ въ пробужденіи въ сердцахъ читателей

*) „Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсней; тогда не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ“, — собственныя слова Пушкина.

„добрыхъ чувствъ“, наполненіи нашихъ душъ чистыми мыслями, благородными желаніями и развитіи молитвеннаго расположенія въ читателѣ. Свой взглядъ на поэзію Пушкинъ высказалъ во многихъ стихотвореніяхъ (что указано нами въ примѣчаніяхъ), а преимущественно въ слѣдующихъ: „Чернь“, „Поэтъ“, „Поэту“, „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“. Та школа, которую основалъ Пушкинъ, называется *художественною*, потому что она имѣла (и имѣетъ) цѣлью чистое искусство, а не пользу вещественную. Эта школа, со временъ Пушкина, смотрѣла на поэзію, какъ на священнодѣйствіе.

3. Пушкинъ—поэтъ народный. Онъ бралъ содержаніе для своихъ произведеній преимущественно изъ нашей родной исторіи, изъ нашей родной природы, изъ нашего роднаго быта. Древняя наша исторія показана въ „Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ“, а преимущественно въ „Борисѣ Годуновѣ“; новая—во множествѣ стихотвореній и прозаическихъ произведенійхъ: Петръ Великій—„Стансы“, „Пиръ Петра I-го“, „Полтава“, „Арапъ Петра Великаго“, матеріалы для исторіи Петра Великаго; императрица Екатерина II-я—„Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, „Капитанская дочка“, „Исторія Пугачевского бунта“; императоръ Александръ I-й и его время представлены въ стихотвореніяхъ: „На возвращеніе Александра I-го изъ Парижа“, „19-е октября“, „Могила Кутузова“, „Полководецъ“; время императора Николая I-го изображено въ стихотвореніяхъ: „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“, „Герой“, „Къ Н*“ и др. Наша родная природа и нашъ родной бытъ представлены въ разныхъ его произведеніяхъ: „Кавказскій плѣнникъ“ (природа Кавказа и бытъ горцевъ), „Бахчисарайскій фонтанъ“ (природа Крыма), „Евгеній Онѣгинъ“ (разныя времена года—осень, зима, весна, бытъ высшаго общества, помѣщичій бытъ, народныя суевѣрія, народ-

ныя игры, крѣпостное право), „Борись Годуновъ“ (быть всѣхъ сословій—царей, высшаго духовенства и низшаго, бояръ, быть чиновниковъ и народа). Огромный рядъ стихотвореній лирическихъ посвященъ изображенію нашей природы и нашего быта: „Кавказъ“, „Обвалъ“, „Монастырь на Казбекѣ“, „Погасло дневное свѣтило“, „Деревня“ (Уединеніе, — гдѣ поэтъ сокрушается о печальномъ положеніи крестьянъ и ждетъ уничтоженія „ярема барщины старинной“, по „манію царя“), „Отрывки изъ посланія Ю“ (гдѣ описывается плѣнительными чертами селенье Захарово съ заборами и старыми кленами), „Зимняя дорога“, „Зимній вечеръ“ и пр. и пр. Пушкинъ описывалъ разныя мѣстности нашей родины: Петербургъ роскошно описанъ въ „Мѣдномъ всадникѣ“, а первоначальное его положеніе—въ повѣсти „Арапъ Петра Великаго“, Москва—въ „Евгеніи въ Онѣгинѣ“ и многихъ лирическихъ стихотворенійхъ (напр. Н. В. Всевожскому), Одесса—въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, касался онъ и грозныхъ явленій нашей природы и былъ великій мастеръ описывать ихъ: описаніе наводненія въ Петербургѣ—въ повѣсти „Мѣдный всадникъ“, описаніе бурана—въ повѣсти „Капитанская дочка“ и др. Говоря въ частности, трудно указать явленія нашей природы, сѣверной и южной, которыя бы Пушкинъ не изобразилъ, и многія мѣстности и города нашего благословеннаго края описывалъ; что же касается народнаго быта, то онъ представлялъ его въ различныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеніяхъ: повѣсти Бѣлкина, лѣтопись села Горохина, Дубровскій и др.

4. Разносторонность составляетъ отличительную черту поэзіи Пушкина. Онъ былъ вездѣ хорошъ, что бы ни изображалъ. Онъ изображалъ міръ восточный (подражаніе Корану), міръ классическій, т. е. греко-римскій (многочисленные под-

ражанія разнымъ греческимъ и римскимъ поэтамъ — Мосху „Земля и море“, „Къ Овидію“, „Возстань, о Греція!“, „Аріонъ“, „Подражанія древнимъ“, „Изъ Ксенофана Колофонскаго“, „Изъ Аэнея“, „Іонъ Хіоскій“, міръ среднихъ вѣковъ („Подражанія Данту“, „Сцены изъ Фауста“, „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“, „Скупой рыцарь“). Онъ свободно переносится во всѣ вѣка и народы: Испанію изображаетъ какъ испанскій поэтъ („Каменный гость“), Россію, какъ русскій поэтъ („Русалка“, „Женихъ“, „Утопленникъ“, „Бѣсы“). Эта разносторонность касается не только отдѣльныхъ вѣковъ и народностей, но и состояній души человѣка. Пушкинъ свободно переходитъ отъ комическаго и веселаго къ трагическому и важному; чувство скорби у него растворяется чувствомъ радости („Евгеній Онѣгинъ“, „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“); въ его произведеніяхъ и высокая настроенность Державина („Клеветникамъ Россіи“), и элегическій элементъ Жуковскаго („Гробъ юноши“), и классическая муза Батюшкова („Муза“), и легкая поэзія французовъ (всѣ стихотворенія, взятыя изъ франц. писателя Парни). О другихъ чертахъ разносторонности (или многосторонности) таланта мы говорили выше.

Роды и виды словесныхъ произведеній, находящихся въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина.

Произведенія словесности раздѣляются на два обширныхъ разряда: произведенія прозаическія и поэтическія. Въ произведеніяхъ прозаическихъ воспроизводится міръ дѣйствительный, т. е. то, что было и есть; въ произведеніяхъ поэтическихъ воспроизводится міръ возможный (идеальный) на основаніи міра дѣйствительнаго, т. е. то, что могло быть и должно быть. Такое понятіе о прозаическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ заповѣдано намъ классическою древностію (философами греческими Платономъ и Аристотелемъ) и остается непреложною истиною до сего дня. Въ произведеніяхъ прозаическихъ вымыселъ не допускается, а въ произведеніяхъ поэтическихъ дозволяется вымыселъ, но—правдоподобный. Стихи составляютъ не суть дѣла, а только его форму, т. е. стихами можетъ быть написано и прозаическое произведеніе; напр. „Письмо о пользѣ стекла“ сочиненіе М. В. Ломоносова написано стихами, но оно, по существу дѣла, принадлежитъ къ области произведеній прозаическихъ, потому что изображаетъ міръ дѣйствительный, т. е. то, что было и есть на самомъ дѣлѣ: напротивъ не стихами, а прозаическими сплошными строками можетъ быть написано самое поэтическое произведеніе. Такъ „Мертвыя Души“, соч. Н. В. Гоголя, написаны не стихами, а, между тѣмъ, это твореніе есть „перлъ“ созданій поэтическихъ, по-

тому что здѣсь представленъ міръ идеальный (возможный) на основаніи матеріаловъ, взятыхъ творческою фантазією поэта изъ дѣйствительности. Только тотъ стихъ поэтической, который служитъ выраженіемъ истиннаго творческаго дарованія, который даетъ живой, осязаемый, воплощенный образъ идеи художественной. Кропать стихи могутъ многіе,—это дѣло простаго ремесла,—но стихъ поэтической является въ минуты свѣтлой вдохновенной мысли. О такомъ вдохновенномъ состояніи говоритъ М. Ю. Лермонтовъ:

. . . Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,—
Дни *вдохновеннаго* труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И *риемы* дружныя какъ волны,
Журча, одна во слѣдъ другой
Несутся вольной чередой.
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва:
На мысли, дышащія силой,
Какъ *жемчугъ* нивутся слова...

Пушкинъ, чувствуя приближеніе *риемъ*, уѣзжалъ изъ города и поселялся въ деревнѣ. 1827 г. онъ писалъ изъ Михайловскаго въ Москву къ историку Погодину: „Я уѣзжалъ въ деревню, *почуя риемы*“. *Риемы*, или стихи, т. е. настоящіе стихи, вдохновенные, поэтическіе составляютъ плодъ особеннаго состоянія души поэта, когда ему все представляется въ просвѣтленномъ образѣ, въ чистомъ, лучезарномъ. Державинъ со слезами на глазахъ доканчивалъ вдохновенную строфу оды „Богъ“; Пушкинъ обливался слезами, воспроизводя стихами поэтическіе образы, представлявшіеся ему въ умѣ его:

Порой *гармоніей* упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами *обольюсь*.

Такимъ образомъ стихъ вдохновенный есть принадлежность поэзіи, а стихъ обыкновенный есть простая, обыденная мѣрная (изъ извѣстныхъ размѣровъ состоящая) рѣчь; сія послѣдняя можетъ быть доступна самому обыкновенному смертному и не есть доказательство поэтическаго дарованія. У В. К. Тредіаковскаго есть поэма „Телемахида“; она состоитъ изъ тысячъ стиховъ, но баронъ А. А. Дельвигъ (товарищъ Пушкина по Лицею и замѣчательный поэтъ между второстепенными талантами) находилъ только *одинъ* удачный, сносный стихъ во всей этой обширной по объему поэмѣ. Въ трагедіи Тредіаковскаго „Дендами“—двѣ-тысячи-тринадцать стиховъ, но сыграть ее артисты и до сихъ поръ не могли, ибо эта трагедія представляетъ собою самое безобразное произведение... Значить стихи не есть поэзія, а только форма словеснаго искусства, опредѣляемая извѣстными размѣрами (стопами), которые называются съ древнихъ временъ ямбами, или хорейми, или амфибрахіями, или анапестами, или дактилями, или гекзаметрами и пр. А проза, какъ форма словесныхъ произведеній, не стѣснена этими размѣрами; она—рѣчь свободная. (Греческое слово „просо“ и „прозо“—значить иду впередъ, ничѣмъ не стѣсненный). Прозаическія сочиненія принято раздѣлять на три главныхъ рода: произведенія историческія (или повѣствовательныя), ораторскія (краснорѣчіе, витійство) и философическія (или ученія). Цѣль ихъ одна—говорить истину, безъ всякой прикрасы; различаются же между собою они по способу изложенія мыслей. Сочиненія историческія *разсказываютъ* объ истинѣ, ораторскія *располагаютъ* волю слушателя сообразно извѣстной истинѣ, а философическія *доказываютъ* истину путемъ логическаго изслѣдованія. Нѣтъ сомнѣнія, что это главное различіе между родами прозаическихъ произведеній не надо

понимать въ исключительномъ смыслѣ, т. е. что историческія произведенія не могутъ представлять примѣровъ ораторскаго краснорѣчія или же образцовъ изслѣдованія истины: напротивъ, въ сочиненіяхъ историческихъ мы находимъ примѣры витійства (напр. въ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина много напечатано рѣчей), или изслѣдованій чисто ученаго характера (напр. въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева характеристика Владиміра Мономаха, характеристика Іоанна IV); въ сочиненіяхъ ораторскихъ иногда представляются замѣчательные образцы изслѣдованія ученаго (напр. въ „Словѣ“ митр. московскаго Филарета о безсмертіи представляется рядъ доказательствъ безсмертія души человѣка). Когда наука дѣлитъ извѣстный предметъ на части, то имѣетъ въ виду лишь облегченіе пониманія той или другой истины. Такъ и здѣсь, въ понятіи о различныхъ родахъ прозаическихъ произведеній, имѣется цѣль одна—дать приблизительное (облегчающее) понятіе объ этомъ предметѣ. Главнѣйшее различіе между указанными родами словесныхъ произведеній, не смотря на трудность положить рѣзкую между ними границу, есть то, которое мы выше указали.

Каждый родъ прозы дѣлится на частные виды: въ историческихъ сочиненіяхъ отличаютъ лѣтопись, записки (или мемуары), путешествія, біографію, автобіографію и исторію въ собственномъ смыслѣ. Лѣтописью называется безыскусственный рассказъ, погодный, безъ указанія причинъ и слѣдствій (напр. лѣтопись препод. Нестора); записками (или мемуарами) называются личныя воспоминанія о видѣнномъ и слышанномъ, съ указаніемъ причинъ и слѣдствій извѣстнаго событія (напр. сказанія кн. Курбскаго объ Іоаниѣ Грозномъ); путешествія изображаютъ природу той или другой страны, ея бытъ, вѣру, науки, искусство—все, что замѣтилъ путе-

пешественникъ, посѣтивъ извѣстный край (напр. Письма русскаго путешественника, соч. Н. М. Карамзина, „Фрегатъ Паллада“ И. А. Гончарова); біографія рассказываетъ о жизни одного человѣка, включая въ свое повѣствованіе замѣчанія о той средѣ (обществѣ), гдѣ совершалась его дѣятельность (напр. жизнь Державина, два тома, изд. академика Я. К. Грота); автобіографія представляетъ рассказъ о своей жизни того или другого дѣятеля (напр. „Чистосердечное признаніе въ моихъ дѣлахъ и помышленіяхъ“, соч. Фонъ-Визина, — „автобіографическое введеніе“, соч. кн. П. А. Вяземскаго). Всѣ эти виды повѣствовательныхъ сочиненій даютъ матеріалъ для „исторіи“ въ собственномъ смыслѣ. Исторія, въ собственномъ смыслѣ, есть изложеніе постепеннаго развитія жизни рода человѣческаго (или повѣствованіе, рассказъ; „исторео“ съ греческаго значитъ „разсказываю, повѣствую“, о постепенномъ развитіи жизни рода человѣческаго).

Сочиненія поэтическія изображаютъ міръ идеальный (возможный) на основаніи дѣйствительнаго. Въ поэтическихъ произведеніяхъ допускается вымыселъ, но только подобный правдѣ. Опредѣляютъ поэзію и такъ: поэзія есть истина въ образѣ. На высшей точкѣ зрѣнія и поэзія, настоящая, дѣйствительная поэзія, есть истина. Но эта истина (взятая ли изъ дѣйствительнаго міра, или воображаемаго) въ поэзіи представляется образно, т. е. наглядно, въ картинахъ, а не въ отвлеченномъ изложеніи, какъ въ наукѣ. Истина, что Богъ просвѣщаетъ человѣка, ниспосылаетъ ему разные дары въ неизреченной милости своей, — эта истина, возвѣщенная въ словѣ Божіемъ, называемомъ „Библією“, у поэта Пушкина представлена въ образахъ, въ стихотвореніи „Пророкъ“: даръ вѣдѣнія, сообщенный пророку серафимомъ, воплощенъ въ образѣ испуганной орлицы и чуткаго уха, мо-

гущаго слышать содроганіе неба, произрастаніе лозы въ долинь и ходъ морскихъ гадъ; даръ могучаго слова, проникающаго всѣхъ людей, представленъ въ образѣ „змѣинаго жала“; даръ животворящей любви къ ближнему и ревности по славѣ Божіей олицетворенъ въ образѣ „угля, пылающаго огнемъ“. Очевидно изъ этого примѣра, что поэзію можно назвать истиною въ образѣ.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

1. На возвращеніе Государя Императора (Александра I-го) изъ Парижа въ 1815 году (1815 г.).

Утихла брань племень; въ предѣлахъ отдаленныхъ

Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!.. Русскій царь, достигъ ты славной
цѣли!

Вотще надменные на родину летѣли,
Вотще, впереди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости, вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шельъ, влекъ цѣпи за собою,—
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою,
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ и, брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжить... и смерти громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;

И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ, и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей,—и гордыя сердца
Въ восторгъ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца,
И смертью роковой горѣли и дрожали,
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!..
„Къ мечамъ!“—раздался кликъ, и вихремъ поне-
слись,

Знамена, восшумѣвъ, по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой! .
А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо расцвѣталъ безпечный, безмятежный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ.
Сыны Бородина, о кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи,
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился,
И, челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпью съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
„Ужель свободны мы?.. Ужели грозный палъ?..

Кто смѣлый, кто въ громахъ на Сѣверѣ возсталъ?..“
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!..
И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается,
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины,
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о русскій царь! оставь же шлемъ сталь-
ной,
И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу,
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу
И, брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!..
И придуть времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ,
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ миромъ изошренный,
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ,
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся
И молча нѣкогда вокругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ,—и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ хол-
момъ
На прахъ начертитъ онъ медленно предъ ними,
Словами истины, свободными, простыми,

Имъ славу прежнихъ лѣтъ въ разказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

Примѣчаніе. Возвращеніе императора Александра I-го изъ Парижа, по низверженіи Наполеона, было привѣтствуемо восторженными кликами всего русскаго народа. Императрица Марія Ѳеодоровна, мать Александра I-го, построила въ нѣсколько дней въ городѣ Павловскѣ (около Петербурга) увеселительный домикъ, подъ названіемъ „Розовый Павильонъ“, въ которомъ она рядомъ торжествъ встрѣчала своего сына, водворившаго миръ въ Европѣ. Писатели того времени — Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій и *пятнадцатилѣтній* Пушкинъ величали въ задушевныхъ стихахъ побѣдителя Наполеона. Стихи Державина (которому было уже тогда около семидесяти лѣтъ отъ рожденія), которые носили названіе „На возвращеніе императора Александра I-го“, были положены на музыку и пѣты въ Павловскѣ 17 іюля 1814 г. у императрицы Маріи Ѳеодоровны. Пушкинъ тогда еще учился въ Царскосельскомъ лицѣѣ, но, возбужденный общимъ восторгомъ народа, тоже написалъ стихи въ честь императора Александра. Москва торжествовала взятіе русскими войсками Парижа. Подъ бюстомъ Государя огненными буквами горѣли стихи, сочиненные княземъ П. А. Вяземскимъ.

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣ-
дитель,

Какой вѣнецъ ему? Какой ему алтарь?

Вселенная! пади предъ нимъ, онъ твой спаситель:
Россія! Имъ гордись! Онъ сынъ твой, онъ твой
Царь!

Карамзинъ, извѣстный нашъ историкъ, оставилъ на время писаніе своей „Исторіи Государства Россійскаго“ и напечаталъ стихи о славѣ Александра

I-го. И Крыловъ по тому же самому поводу написалъ басню „Чижъ и Ежъ“.

2. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ. (1815 г.).

Нависъ покровъ угрюмой ноци
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почилъ доль и роци,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.
Плыветъ—и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вокругъ:
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива
И отразилась въ кристаллѣ зыбкихъ водъ,
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.
Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой,
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы русской храмъ?
Не се ль Элизіумъ полнощный,
Прекрасный царскосельскій садъ,
Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и отрадъ?
Увы! промчались тѣ времена златыя,

Когда подъ скипетромъ великія жены
Въначалась славою счастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ,—
Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ россъ вѣ-
щаетъ:

„Исчезло все, Великой нѣтъ!“

И, въ думу углублень, надъ злчными брегами
Сидитъ въ безмолвіи, склоня вѣтрамъ слухъ:
Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами
И въ тихомъ восхищеньи духъ.

Онъ видитъ: окружень волнами,
Надъ твердой мшистою скалою
Вознесся памятникъ. Ширяясь крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ молодой.
И цѣпи тяжкія и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились,
Кругомъ подножія, шума, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, кагульскій берегъ, поно-
сенъ

И славенъ родинѣ драгой!
Безсмертны вы во вѣкъ, о русски исполины,
Въ бояхъ воспитаны средь бранныхъ непогодъ,
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки грозные славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.

Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ,
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ,
И брани новыя, и ужасы военны:
Страдать—есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя,
Возсталъ вселенной бичъ—и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря;

И быстрымъ понеслись потокомъ
Браги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубо-
комъ,

Дымится кровію земля,
И селы мирныя и грады въ мглѣ пылають,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

Идутъ—ихъ силѣ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни бѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ соединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!.. Идутъ въ дали туманной...
Звучать кольчуги и мечи!

Страшишь, о рать иноплеменныхъ;
Россіи двинулись сыны,
Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновен-
ныхъ,—

Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепечи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!

Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: иль побѣдить, иль пасть въ пылу сра-
женья

За вѣру, за царя.

Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками доль,
За строемъ строй течеть, всѣ местию, славой ды-
шутъ,

Восторгъ во грудь ихъ перешель,
Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се—пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ,
И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразились—русскій побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надменный галль,
Но сильнаго въ бояхъ небесный вседержитель.
Лучомъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый,
О, бородинскія кровавыя поля!
Не вы неистовству и гордости предѣлы:
Увы, на башняхъ галль Кремля!..

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безопасности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоголовой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавый,
Развалины теперь одни.
Москва! сколь русскому твой зракъ унылый стра-
шенъ:

Исчезли зданія вельможей и царей,
Все пламень истребилъ, вѣнцы затмились башень,
Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухаль и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пепель, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней ноци
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы роци—
Все мертво, все молчитъ...

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготѣла днесъ на ихъ надменной выѣ
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаесть въ снѣгахъ рѣками течъ,
Бѣгутъ — и въ тѣмѣ ночной ихъ гладъ и смерть
срѣтаютъ,
А съ тыла гонитъ россовъ мечъ.

О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы въ могилы пали...
О страхъ! о грозны времена!
Гдѣ ты любимый сынъ и счастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ и вѣру и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечомъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факель мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой;
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьѣ,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ,

А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье
И благотворный миръ землѣ.

Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянской бардъ дру-
жины,

Мой духъ восторгомъ не горить!
О, если бъ Аполлонъ питовъ даръ чудесный
Влялъ мнѣ нынѣ въ грудь! тобою восхищень,
На лирѣ бъ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тьмѣ временъ!

О скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламенен-
ной,

Взгреми на арфѣ золотой,
Да снова стройный гласъ герою въ честь пролетятъ,
И струны трепетны посыплютъ огонь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

Примѣчаніе. „На публичномъ нашемъ экзаменѣ,—
говорить въ своихъ „Запискахъ“ товарищъ Пуш-
кина, И. И. Пущинъ (1798—1859),—Державинъ дер-
жавнымъ своимъ благословеніемъ увѣнчалъ юнаго
поэта. Мы всѣ, друзья-товарищи его, гордились
этимъ торжествомъ. Пушкинъ тогда читалъ свои
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ. Въ этихъ великол-
пныхъ стихахъ затронута все живое для рус-
скаго сердца. Читалъ онъ съ необыкновеннымъ ожи-
вленіемъ. Пока я слушалъ знакомые стихи, морозъ
по кожѣ пробѣгалъ у меня. Когда же патріархъ
нашихъ пѣвцовъ, въ восторгѣ, со слезами на гла-
захъ бросился цѣловать поэта и осѣнилъ кудрявую
его голову, мы всѣ, подъ какимъ-то невѣдомымъ
вліяніемъ, благоговѣнно молчали. Хотѣли сами об-

нять нашего пѣвца,—его ужъ не было: онъ убѣжалъ“.

„Наконецъ вызвали меня, — пишетъ самъ Пушкинъ,—я прочелъ мои *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческой зазвенѣлъ, а сердце забилося съ употребительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе, не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи; онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли“.

Державинъ (1743—1816) и *Петровъ В. П.* (1736—1799)—поэты временъ Императрицы Екатерины II-й. Первый—знаменитый поэтъ, авторъ „Фелицы“ и „Бога“, второй—въ свое время считался равнымъ Державину, онъ воспѣвалъ побѣды Румянцева-Задунайскаго, гр. Орлова-Чесменскаго, Мордвинова и другихъ дѣятелей того славнаго вѣка.

Предложенное стихотвореніе носить на себѣ слѣды вліянія старой поэтической школы (ложно-классической), потому что оно отличается торжественнымъ тономъ, испещрено церковно-славянскими словами („брега“, „днесь“, „выя“, „зрю“, „ночь“, „се“ и пр.), множествомъ мифологическихъ именъ (наяды, Минерва, Зевесъ, Беллона, Аполлонъ), а также—названіями несуществовавшихъ тогда вооруженій (кольчуга, шлемъ, щитъ).

Въ концѣ стихотворенія поэтъ обращается къ В. А. Жуковскому (1783—1852), называя его „славянскимъ бардомъ дружины“, потому что Жуковский написалъ патриотическое стихотвореніе подъ названіемъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, явившееся въ 1812 году и составившее громкую ему славу.

3. Посланіе къ Юдину *).

Ты хочешь, милый другъ, узнать
Мои мечты, желанья, цѣли
И тихій гласъ простой свирѣли
Съ улыбкой дружба внимать;
Но можно ль рѣзвому поэту,
Невольнику мечты молодой,
Въ картинѣ быстрой и живой
Изобразить въ порядкѣ свѣту
Все то, что въ юности златой
Воображеніе мнѣ кажетъ?

Теперь, когда въ покоѣ лѣнь,
Укрывъ меня въ пустыню сѣнь,
Своею цѣпью чувства вяжетъ,
И вѣкъ мой тихъ, какъ ясный день,
Пустого нѣги украшенья
Не видя въ хижинѣ моей,
Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
На пышность бѣдныхъ богачей
И, счастливый самимъ собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю завтра ни вчера,
Доволенъ скромною судьбою,
И думаю: къ чему пѣвцамъ
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирныя, пустыя вазы,
Драгія куклы по угламъ?
Къ чему имъ сукна Альбіона
И пышныя чехлы Ліона
На модныхъ креслахъ и столахъ?
Какая нужда въ зеркалахъ,

*) Павелъ Михайловичъ, лицейскій товарищъ Пушкина.

И ложе шалевое въ спальнѣ?
Не лучше ли въ деревнѣ дальнѣй
Или въ смиренномъ городкѣ,
Вдали столицъ, заботъ и грома,
Укрыться въ мирномъ уголкѣ,
Съ которымъ роскошь незнакома,
Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть!
О, если бы когда-нибудь
Сбылись поэта сновидѣнья!
Ужель отрадъ уединенья
Ему вкусить не суждено?
Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами—въ рѣкѣ волнистой—
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ клёновъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.
Туда зарею поспѣшаю
Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
Въ лугахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю,
И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
Вотъ здѣсь, подъ дубомъ наклоненнымъ,
Съ Горациемъ и Лафонтеномъ
Въ приятныхъ погружонъ мечтахъ;
Вблизи ручей шумитъ и скачетъ
И мчится въ влажныхъ берегахъ,
И свѣтлый токъ съ досадой прячетъ
Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.
Но вотъ ужъ полдень.—Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ;

Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ;
Дымятся щи; вино въ бокалѣ,
И щука въ скатерти лежитъ.
Сосѣди шумною голпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся; чашъ внимаемъ звону;
Всѣ хвалятъ Вакха и Помону—
И съ ними красную весну.

Вотъ кабинетъ уединенный,
Гдѣ я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивыхъ красотъ,
Вдали нахмуренныхъ заботъ
И той волшебницы лукавой,
Которая весь міръ вертитъ,
Въ трубу немолчную гремитъ,
И—помнится—зовется славой,—
Живу съ природной простотой,
Съ философической забавой
И съ музой рѣзвой и молодой...
Вотъ мой каминъ; подъ вечеръ темный,
Осенней бурною порой,
Люблю подъ сѣнію укромной
Предъ нимъ задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или въ минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потомъ свои творенья.
Вотъ здѣсь... но быстро привидѣнья,
Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ;
Мечты находятъ, исчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ.
Межъ тѣмъ какъ въ кельѣ молчаливой
Во плѣнъ отдался я мечтамъ,
Рукой безпечной и лѣнивой
Разбросивъ риѣмы здѣсь и тамъ,

Я слышу топотъ, слышу ржанье;
Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньи
Гусарь промчался подъ окномъ...
И гдѣ вы, мирныя картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльяхъ я мечты:
Огни во станѣ догораютъ;
Межъ нихъ, окутанный плащомъ,
Съ сѣдымъ усатымъ казакомъ
Лежу; вдали штыки сверкаютъ;
Лихіе ржутъ, бразды кусаютъ,
Да изрѣдка грохочетъ громъ,
Летя съ высокаго раската...
Трепещетъ бранью грудь моя
При блескѣ браннаго булата,
Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь въ ряды враговъ орломъ
Несется съ грознымъ сѣдокомъ,
Съ размаха сыплются удары...
О вы, отеческіе Лары,
Спасите юношу въ бояхъ!
Тамъ свищетъ саблей онъ зубчатой,
Тамъ киверъ зыблется пернатый,
Съ черкесской буркой на плечахъ
И молча приклонясь ко гривѣ,
Онъ мчитъ стрѣлой по скользкой нивѣ
Съ цыгарой дымною въ зубахъ...

Но лаврами побѣдъ увиты,
Бойцы изъ чаши пира пьютъ;
Военной славою забытый,
Спѣшу въ смиренный мой пріютъ:
Нашедъ на полѣ битвъ и чести
Однѣ болѣзни, костыли,

Навѣкъ оставилъ саблю мести...
Ужъ вижу въ сумрачной дали
Мой тѣсный домикъ, роци темны,
Калитку, садикъ, ближній прудъ,
И снова я, философъ скромный,
Укрылся въ милый мнѣ пріютъ
И, мѣръ забывъ, и имъ забвенный,
Покой души вкушаю вновь.

Скажи, о сердцу другъ безцѣнный:
Мечта ль и дружба и любовь?
Доселѣ въ рѣзвости безпечной
Брели по розамъ дни мои,
Въ невинной ясности сердечной
Не зналъ мученій я любви.
Но быстро день за днемъ умчался, —
Гдѣ жъ дѣтства ранніе слѣды?
Прелестный возрастъ миновался,
Увяли первые цвѣты!
Ужъ сердце въ радости не бьется
При миломъ видѣ мотылька,
Что въ воздухѣ кружить и вьется
Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка, —
И въ безпокойствѣ непонятномъ
Пылаю, тлѣю, кровь горить,
И все языкомъ сердцу внятнымъ
О нѣжной страсти говорить.
Подруга возраста златого,
Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Тебя ли вижу, взоровъ свѣтъ,
Другъ сердца, милая ***?
Вездѣ со мною образъ твой,
Вездѣ со мною призракъ милый,
Во тьмѣ полуночи унылой,
Въ часы денницы золотой.
То на концѣ аллеи темной
Вечерней тихою порой,

Одну, въ задумчивости томной,
Тебя я вижу предъ собой,
Твой шалью станъ непогровленный,
Твой взоръ, на груди потупленный,
Въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ...
Все тихо, брезжетъ лунный свѣтъ;
Нахмурясь, тополь шевелится;
Ужъ сумракъ тусклой пеленой
На холмы дальніе ложится,
И завѣсь рощицы струится
Надъ тихо спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты въ рощицѣ со мною,
На костыли мои склоняясь,
Стоишь подъ ивою густою;
И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
На снѣжну грудь прохладой дуетъ,
Играетъ локономъ власовъ
И ногу стройную рисуетъ
Сквозь бѣлоснѣжный твой покровъ...
То часомъ полночи глубокимъ
Предъ теремомъ твоимъ высокимъ,
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую—
Готовы сани; мракъ густой;
Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,
Зову часовъ лѣнивый бой...
И шорохъ чудится глухой.
И вотъ ужъ шопоть слышу сладкій,
Съ крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша, идетъ украдкой,
И дѣва друга обняла.
Помчались кони, вдалъ пустились,
По вѣтру гривы распустились,
Несутся въ снѣжной глубинѣ.
Прижалась робко ты ко мнѣ,
Чуть-чуть дыша; мы обомлѣли,

Въ восторгахъ чувства онѣмѣли...
Но что! мечтанья отлетѣли!
Увы! я счастливъ былъ во снѣ...

Въ отрадной музамъ тишинѣ
Простыми звуками свирѣли,
Мой другъ, я для тебя воспѣлъ
Мечту, молодыхъ пѣвцовъ удѣлъ;
Питомецъ музъ и вдохновенья,
Стремясь фантазіи вослѣдъ,
Находитъ въ сердцѣ наслажденья
И на пути грозящихъ бѣдъ.
Минуты счастья золотыя
Пускай мнѣ Клово не советъ,
Въ мечтахъ всѣ радости земныя,
Судьбы всемогуще поэтъ.

4. Къ Жуковскому (1817 г.).

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удѣлъ.
Страшусь, неопытный, безславнаго пареня,
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ
любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый, *)
Привѣтливомъ меня вниманьемъ ободрилъ,
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный, **)

*) Карамзинъ.

**) Державинъ.

Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, неизнаемое мной.
И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви свя-
щенной?

Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный
путь!

Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья!
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья,—
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И, мнится, геній вашъ промчался надо мной.

Но что? Подъ черною парнасскою скалою
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные,
Сидятъ безсмыслицы дружины боевыя.
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой,
Варяжскіе стихи визжить варяговъ строй,
Смѣхъ общій—имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами.
Ко мнѣ два призрака склонилися главами:
Одинъ *) на груди сѣлъ и прозы и стиховъ,
Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
Съ улыбкой внемлетъ вой стопослагатель хилый,
Предъ нимъ растерзанный стенаетъ Телемахъ,
Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
И тянетъ за собой гекзаметры сухіе,
Спондеи жесткіе и дактили тугіе.

*) Тредьяковскій.

Ретивой музою прославленный пѣвецъ!
 Гордись, ты Мевія надутый образецъ!
 Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
 Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
 Торжественной хвалы къ нему несется шумъ,
 А онъ—онъ риемою попралъ и вкусъ, и умъ.
 Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
 Завистливый гордецъ, холодный Сумараковъ,
 Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
 Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ,
 И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
 Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
 Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
 Въ которомъ возблисталъ бессмертный нашъ пѣ-
 вецъ,

Веселье россиянь, полуночное диво? *)
 Нѣтъ, въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!
 Ужъ на челѣ его забвенія печать.
 Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
 Страшилась грація цинической свирѣли,
 И персты грубые на лирѣ костенѣли.
 Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ;
 Явится Депрео—исчезнетъ Шапеленъ.
 И что жъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное,
 Невѣжду пѣствуетъ невѣжество слѣпое;
 Оно сокрыло ихъ во мрачный свой приютъ.
 Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
 Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
 Тѣ слогомъ Никона печатають поэмы,
 Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
 Другіе въ бѣшенныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
 Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
 На сцену возведя зѣвающую музу,
 Бессмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса мнитъ:
 Рука содрогнулась, ударъ его скользнуть.

*) Ломоносовъ.

Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ:
Булетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ жур-
наломъ.

При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
И маковый вѣнецъ Теспису ими свить,
Всѣ, руку положивъ на томъ Телемахиды,
Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
Волнуясь, встаютъ неистойвой толпой.
Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной
душой,

Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой!
Кто выражается правдивымъ языкомъ
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

И вы возстаньте же, парнасскіе жрецы,
Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы!
Въ счастливой ереси и вкуса и ученья,
Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
Отмститель генія, другъ истины—поэтъ!
Лющая съ небесъ и жизнь и вѣчный свѣтъ,
Стрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаетъ, наконецъ, ужаснаго Пиеона.
Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, мечь!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсть.
Летите на враговъ—и Фебъ и музы съ вами!
Разите варваровъ кровавыми стихами:
Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ,
Спесивыхъ риторовъ безграмотный соборъ...
Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
Гоненія терпѣть ужель и мой удѣлъ?

Что нужды? Смѣло вдаль дорогою прямою:
Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ! что крикъ безумныхъ сихъ дру-
жинъ?

Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба:

Имъ прозы ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба,
Ихъ слава—имъ же стыдъ; творенья—смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

Примѣчаніе. Въ этомъ стихотвореніи припомина-
етъ поэтъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей: Тредья-
ковскаго, Ломоносова, Сумарокова, Карамзина, Дми-
тріева, Озерова и другихъ. „Предъ нимъ растер-
занный стенаетъ Телемахъ“ — разумѣется поэма
„Телемахиды“, трудъ *Тредьяковскаго* (1703—1769); въ
ней одинъ изъ нашихъ писателей (баронъ А. А.
Дельвигъ) находилъ только одинъ стихъ, недурно
составленный. — А. П. *Сумароковъ* (1718—1777) —
отецъ русскаго театра и одинъ изъ плодовитыхъ
писателей XVIII в. — М. В. *Ломоносовъ* (1711—1765) —
основатель новой русской словесности. — В. А. *Озе-
ровъ* (1770—1816), — писатель трагедій „Эдипъ въ
Аѳинахъ“, „Димитрій Донской“ и др. — *Никонъ* (1605—
1681) — всероссійскій патріархъ, именемъ его озна-
чена одна изъ обширныхъ русскихъ лѣтописей.
„Въ ней сохранены (по словамъ архіепископа чер-
ниговскаго Филарета) драгоцѣнныя свѣдѣнія о древ-
нихъ временахъ, взятыя изъ рукописей, нынѣ утра-
ченныхъ“. Въ стихѣ „Пускай бесѣдуютъ отвержен-
ные Феба“ скрытъ намекъ на литературныя пар-
тіи того времени: орудіемъ одной изъ нихъ была
„Бесѣда Любителей Россійскаго Слова“ (1810 г.),
орудіемъ другой — „Арзамасъ“. Тамъ — А. С. Шишковъ,
гр. Д. И. Хвостовъ, кн. А. А. Шаховской и дру-
гіе, здѣсь — Карамзинъ, Жуковскій и молодые друзья

ихъ. Въ семъ послѣднемъ литературномъ обществѣ члены носили имена балладъ Жуковскаго. А. С. Пушкинъ назывался „Сверчокъ“.

5. Дельвигу (1817 г.).

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью:
Въ уединеніи ты счастливъ, ты поэтъ!
Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой,
Его баюкають Камены молодыя
И съ перстомъ на устахъ хранять его покой.
О, милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь.
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ.
Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жаръ,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?
Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ!
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣтъ! нѣтъ! Ни счастиемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ,
Но, можетъ-быть, вздохну въ восторгъ молчали-
вомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

Примѣчаніе. Баронъ А. А. Дельвигъ (1798—1831)— одинъ изъ второстепенныхъ нашихъ, но даровитыхъ поэтовъ, былъ другомъ Пушкина, учился съ нимъ въ Царскосельскомъ лицѣѣ. У Пушкина, въ его сочиненіяхъ, до 20-ти разъ встрѣчается имя Дельвига. Дельвигъ писалъ сонеты, пѣсни („Пѣла, пѣла пташечка и затихла“), идилліи (лучшая: „Отставной солдатъ“), издавалъ газету и альманахъ („Сѣверные цвѣты“).

6. Въ альбомъ И. И. Пущину (1817 г.).

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьба-
ми,
О, милый, вѣченъ онъ!

Примѣчаніе. И. И. Пущинъ былъ товарищемъ Пушкина по Царскосельскому лицее. Пущинъ оставилъ любопытныя записки о пребываніи Пушкина въ лицее и Михайловскомъ.

7. Къ портрету Жуковскаго (1818 г.).

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Примѣчаніе. Послѣ чтенія Пушкинымъ послѣдней пѣсни „Руслана и Людмилы“ (на вечерахъ у Жуковскаго, который жилъ тогда въ С.-Петербургѣ), Жуковскій, восхищенный дарованіемъ молодого поэта, подарилъ ему свой портретъ съ надписью: „Ученику отъ побѣжденнаго учителя въ высокоторжественный день окончанія „Руслана и Людмилы““. Пушкинъ подписалъ подъ портретомъ Жуковскаго вышеприведенные стихи, въ которыхъ въ самомъ краткомъ видѣ опредѣлилъ содержаніе поэзіи Жуковскаго.

8. Жуковскому (1818 г.).

(На изданіе книжекъ его: „Для немногихъ“).

Когда къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣнахъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ,—
Ты правъ: творишь ты для немногихъ,
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ

Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбить счастье,
Не все родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ.

Примѣчаніе. В. А. Жуковскій былъ избранъ для преподаванія уроковъ русскаго языка государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ (впослѣдствіи императрицѣ). Основаніемъ урока служило чтеніе стиховъ на двухъ языкахъ, нѣмецкомъ и русскомъ, и переводъ ихъ. Переводы эти Жуковскій хранилъ какъ что-то священное и потому напечаталъ ихъ въ самомъ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Они выходили тетрадками въ 12 д. листа, съ надписью на двухъ языкахъ: „Для немногихъ“. Въ этихъ книжкахъ, которыя въ продажѣ никогда не были, печатались баллады Гёте (1748—1832) и Шиллера (1759—1805).

9. Уединеніе (Дережня. 1819 г.).

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ блестящій дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

И твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладою и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлыя ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымныя и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя или глупца въ величїи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединенїи величаю
Слышиѣ вашъ отрадный гласъ:
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.

Примѣчаніе. Это стихотвореніе особенно прославлялось любителями поэзіи Пушкина. Когда императоръ Александръ I-й изъявилъ желаніе прочесть какіе-нибудь стихи Пушкина, то его величеству было доставлено собственноручно переписанное Пушкинымъ стихотвореніе „Уединеніе“. Это пре-

восходное стихотвореніе удостоилось высочайшаго вниманія и отмѣнно полюбилось его величеству.

10. Домовому (1819 г.).

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семьи моей обитель!

Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенніе набѣги,
Да в пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!

Останься, тайный стражъ, въ наслѣдственной сѣни,
Постигни робостью полуночнаго вора
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!

Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ и берегъ сонныхъ водъ
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!

Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

Примѣчаніе. М. П. Погодинъ (1800—1875), профессоръ Московскаго университета, свидѣтельству-
етъ, что „Уединеніе“, „Домовому“, „Къ морю“ (и
нѣкоторыя другія стихотворенія) привели въ во-
сторгъ всю читающую публику, особенно молодежь.
„Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы услыша-
ли (говорить Погодинъ) простую, ясную, обыкно-

венную и между тѣмъ пѣтическую, увлекательную рѣчь“. Въ приведенномъ стихотвореніи, въ описаніи природы, видна мѣстность Михайловскаго (Опоческаго уѣзда, Псковской губерніи), гдѣ поэтъ любилъ проводить осенніе мѣсяцы.

11. Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь
е. и. в. государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны (1819 г.).

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моею.
Но, признаюсь, подъ Геликономъ,
Гдѣ касталійскій токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елизавету втайнѣ пѣлъ.
Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой—
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

Примѣчаніе. По свидѣтельству И. И. Пущина это стихотвореніе написано Пушкинымъ въ лицѣ въ 1816 году. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I-го, род. 1779 г., вступила въ супружество 1793 г., умерла 1826 г.

Кн. П. А. Вяземскій, оставившій много драгоцѣнныхъ записокъ о своемъ времени, говоритъ объ этой царицѣ слѣдующее: „Ее мало знали и при жизни ея. Какъ современная молва, такъ и преданія о ней равно молчаливы. Она какъ-то невидимо, какою-то таинственною тѣнью прошла поприще жизни и царствованія своего. Весьма немногіе допущены были въ святилище, въ это, можно сказать, царское затворничество, въ которомъ она скрывалась... Она заживо сдѣлалась поэтическимъ и таинственнымъ преданіемъ... Было одно время, былъ одинъ день, въ который имя ея торжественно и печально отозвалось по всей Россіи. Голосъ ея достигъ до насъ изъ Таганрога (гдѣ скончался императоръ Александръ I-й). „Нашъ ангелъ въ небесахъ“, писала она, извѣщая о смерти Александра. И эти немногія трогательныя слова сдѣлались лозунгомъ скорби народной. Скоро потомъ и этотъ отголосокъ умолкъ, и соединилась она съ ангеломъ, котораго такъ нѣжно оплакивала“. (Писано въ 1866 г.)

12. „Погасло дневное свѣтило“ (1820 г.).

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ;
Шумы, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаямъ упоенный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;

Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,

Но только не къ брегамъ печальнымъ

Туманной родины моей,

Страны, гдѣ пламенемъ страстей

Впервые чувства разгорались,

Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,

Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла

Моя потерянная младость,

Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость

И сердце хладное страданью предала.

Искатель новыхъ впечатлѣній,

Я васъ бѣжалъ, отечески края,

Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,

Минутной младости минутные друзья;

И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,

Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,

Покоемъ, славою, свободой и душой,

И вы забыты мной, измѣнницы младыя,

Подруги тайныя моей весны златыя,

И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,

Глубокихъ ранъ любви, ничто не излѣчило...

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,

Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!..

Примѣчаніе. „Моремъ отправились мы (пишетъ А. С. Пушкинъ отъ 20 сент. 1820 г. изъ Кишенева) мимо полуденныхъ береговъ Тавриды (Крыма), въ Юрзуфъ (на южномъ берегу Крыма), гдѣ находилось семейство Раевского (одного изъ генераловъ 1812 года). Ночью на кораблѣ написалъ я элегію („Погасло дневное свѣтило“), которую тебѣ (бра-

ту) посылаю; отошли ее Гречу (литераторъ того времени) безъ подписи. Корабль плыль передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского. Я не видѣлъ въ немъ героя, славы русскаго войска, я въ немъ любилъ человекъ съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою“.

13. Земля и море (1821 г.).

(Идиллія Мосха).

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣветъ,—
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣ
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ,—
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый:
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

Примѣчаніе. Это стихотвореніе представляетъ собою подражаніе идилліи Мосха. *Мосхъ* (или Мос-

хось)—греческій идилликъ, жившій въ третьемъ вѣ-
кѣ до Р. Хр.

14. Муза (1821 г.).

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыхань-
емъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

* * *

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ—
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!
Младенчество прошло какъ легкій сонъ;
Ты отрока безпечнаго любила;

Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ,
 И ты его тихонько посѣтила.
 Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
 Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
 Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
 Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
 Покровъ, клубясь волною непослушной,
 Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушный;
 Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ,
 Прелестная глава благоухала;
 Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
 Румянилась и тихо трепетала...

Примѣчаніе. Про стихи свои „Муза“ Пушкинъ говаривалъ, что особенно любить ихъ, потому что они напоминаютъ ему поэзію Батюшкова (1787—1855). Поэзія Батюшкова (К. Н.) отличалась классическимъ направлениемъ. Онъ особенно мастеръ былъ писать въ „антологическомъ“ родѣ. Антологическими назывались небольшія стихотворенія во вкусѣ древнихъ грековъ. Миѳологія, исторія, радости любви и дружбы, философское наслажденіе жизнью, развалина древняго города, надгробный камень, колыбель младенца, застольное веселье — все было предметомъ этихъ стихотвореній, которыя вообще отличались элегическою задумчивостью. Стихотворенія такого рода помѣщались въ особаго рода сборникахъ, называвшихся „антологіями“ (собраніями цвѣтковъ, букетовъ поэзіи). Въ древности такія стихотворенія писались гекзаметромъ. Первая антологія составлена была при Юліи Цезарѣ. Изъ нашихъ поэтовъ Батюшковъ, баронъ Дельвигъ, Пушкинъ написали нѣсколько опытовъ подражанія греческой антологіи; въ послѣдствіи по ихъ пути шли А. Н. Майковъ, А. А. Фетъ и другіе. „Муза“ Пушкина всегда приводится въ примѣръ антологическихъ стихотвореній и показываетъ его взглядъ на поэзію.

15. Къ Овидію (1821 г.).

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принеси и пепелъ свой оставилъ.
Твой безотраднѣйшій плачъ мѣста сіи прославилъ,
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ,
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеніи
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтые дуга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ
И якорь, вверженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѣи свирѣпыя сыны,
За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ
И по льду звучному безтрепетно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ преврат-
ной!),
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни рат-
ной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяже-
лый
И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.
Ни дочь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни музы, легкія подружки прежнихъ дней,

Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
 Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
 Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
 Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
 Ни пѣсни робкія Октавія не тронуть—
 Дни старости твоей въ забвеніи потонуть.
 Златой Италіи роскошный гражданинъ,
 Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
 Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь,
 Ты въ тяжелой горести далекой дружбѣ пишешь:
 „О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
 И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
 О, други, Августу мольбы мои несите!
 Карающую длань слезами отклоните!
 Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
 И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ—
 Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасный,
 Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрас-
 ной!“

Чье сердце хладное, презрѣвшее харить,
 Твое уныніе и слезы укорить?
 Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
 Сіи элегіи—послѣднія творенья,
 Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
 Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
 Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя картины повѣрялъ,
 Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
 Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь,

Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
На скиѣскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ Юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный декабрь на русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга,
Зима дышала тамъ, а съ вешней теплотою
Здѣсь солище ясное катилось надо мною,
Младую зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ,
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя,
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
И вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
Когда ты въ первый разъ ввѣрять съ недоумѣнь-
емъ

Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!..
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой,
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенный—
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участію я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на берега Дуная

Великодушный грекъ свободу вызывалъ,
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ,
Но не унизилъ вѣкъъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти ни лиры непреклонной.

Примѣчаніе. Пушкинъ жилъ тогда (т. е. когда писалъ это стихотвореніе) въ Кишиневѣ. Подъ стихотвореніемъ онъ поставилъ три звѣздочки, а фамиліи не подписалъ. Самъ поэтъ считалъ посланіе къ Овидію однимъ изъ лучшихъ своихъ произведеній. „Каковы стихи къ Овидію? (писалъ онъ брату изъ Кишинева 1823 г.). Душа моя, и „Русланъ“ и „Плѣнникъ“ (т. е. „Кавказскій Плѣнникъ“), все дрянъ въ сравненіи съ ними“.—Пушкинъ находилъ нѣкоторое сходство въ своей судьбѣ съ положеніемъ Овидія, римскаго поэта временъ Августа: Овидій былъ сосланъ на берега Дуная. Въ посланіи Пушкина Дунай названъ древнимъ словомъ „Истръ“, Овидій—„Назономъ“.

16. Наполеонъ (1821 г.).

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаеть.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго-долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,

Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галль десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахъ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда, въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣнило самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой!
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величїи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ—при звукѣ семь обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ россъ—
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливица душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица,
Вспомни древнія права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война по гробъ—нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,

Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжать Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таесть съ ними слѣдъ врага.

И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ,
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертить,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынь
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!

Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указаль,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщаль.

17. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (1822 г.).

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса навстрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеній весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подѣхаль Олегъ.

„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня“.

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятъ во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.“

Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;

Побѣдой прославлено имя твое:
Твой щитъ на вратахъ Цареграда,
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый вальъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могущему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю.
И холодъ и сѣча ему ничего,
Но примешь ты смерть отъ коня своего.“

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачились думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладить и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся да помни меня;
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.“

И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ“, промолвилъ Олегъ;
„Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легкокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?“
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „Что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣтъ бы твое предсказанье!
Мой конь и донинѣ носилъ бы меня.“
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видитъ, на холмѣ, у берега Днѣпра,
Лежать благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „Спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!“

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вокругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у берега;
Бойцы поминаютъ минушіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Примѣчаніе. „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“, собственно говоря, относится къ произведеніямъ эпическаго творчества, но по принятому обычаю помѣщаемъ ее въ отдѣлъ лирической. — Пѣснь эта носить на себѣ печать древности, такъ хорошо понятой Пушкинымъ. Хозары, броня, перунъ, кудесникъ, щить, праць, дружина, отрокъ, тризна, закалываніе коня на могилѣ, — все это черты глубокой древности. — Въ лѣтописи препод. Нестора (XI—XII в.) такъ разсказывается о смерти Олега: „И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити и не вседати на нь, бѣ бо въпрашалъ волхвовъ и кудесникъ: „Отъ чего ми есть умрети?“ и рече ему кудесникъ одинъ: „Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети“. Олегъ же примъ въ умъ, си рече: „Николи же всяду на нь, ни вижу его боле того“; и повелѣ кормити и (его) и не водити его к нему, и пребы нѣколико лѣтъ не видѣ его, дондеже на Греки иде. И пришедшу ему къ Кыеву и пребывышу 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, отъ негоже бяхуть рекли волсви умрети, и призва старейшину коню-

хомъ, рече: „Кде есть конь мый, егоже бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?“ Онъ же рече: „Умерлъ есть“. Олегъ же посмѣлся и укори кудесника, река: „То ти неправо глаголють волъсви, но все лжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ“. И повелѣ оседлати конь: „А то вижду кости его“. И прииде на мѣсто, идѣ же бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмеяся рече: „Отъ сего ли лба смърть было взяти мнѣ?“ и вступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну въ ногу, и с того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачемъ великимъ, и несоша и погребоша его на горѣ... Се же дивно, яко отъ волхвованья собывается чародѣйство“.

18. Посланіе къ Ѳ. Н. Глинкѣ (1822 г.).

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ,—
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,—
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ:
Онѣ ничтожны, если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

Примѣчаніе. Ѳедоръ Николаевичъ Глинка (1788—1880)—одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ писателей

Пушкинской эпохи. Въ 1820 году онъ написалъ слѣдующіе стихи Пушкину:

Судьбы и времени сѣдого
Не бойся, молодой пѣвецъ!
Слѣды исчезнуть поколѣній,
Но живъ талантъ, безсмертенъ геній...

Пушкинъ отвѣчалъ ему приведеннымъ посланіемъ. Этотъ Глинка принималъ живое участіе въ судьбѣ поэта, посовѣтовавъ ему откровенно объясниться по своимъ дѣламъ съ графомъ Милорадовичемъ, бывшимъ въ то время (1820 г.) генералъ-губернаторомъ с.-петербургскимъ. Въ 1837 г. О. Н. Глинка издалъ въ стихахъ воспоминаніе „о пѣнической жизни Пушкина“.

19. Демонъ (1823 г.).

(Ал. Ник. Раевскому).

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія—
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный адъ.

Неистоцимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенъ презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Примѣчаніе. Подъ „демономъ“ здѣсь разумѣется Александръ Раевскій (сынъ генерала Раевского). А. Н. Раевскій (1795—1868) былъ адъютантомъ гр. Воронцова во Франціи въ 1818 г.; на Кавказѣ жилъ въ одной палаткѣ съ Ермоловымъ, героемъ Кавказа; въ 30-хъ годахъ проживалъ въ Москвѣ отставнымъ полковникомъ. Онъ правнукъ Ломоносова, имѣлъ необыкновенный умъ и доброе сердце. По объясненію нашихъ толкователей сочиненій Пушкина (П. Бартенева, Я. Грота), стихотвореніе „Демонъ“ написано про Александра Раевского. Александръ Раевскій, замѣтивъ свое вліяніе на Пушкина, вздумалъ подтрунить надъ нимъ (разсказываетъ академикъ Я. К. Гротъ) и сталъ представлять изъ себя ничѣмъ недовольнаго, разочарованнаго, надъ всѣмъ глумящагося человѣка. Поэтъ поддался искусной мистификаціи и написалъ своего „Демона“. Раевскій долго оставлялъ его въ заблужденіи, но наконецъ признался въ своей шуткѣ.

20. Птичка (1822 г.).

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью:

За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

21. Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну
(1823 г.).

Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился
И радость райскую принеся съ собою къ намъ,
Но, житель горнихъ мѣстъ, ты міромъ не прель-
стился
И снова отлетѣлъ въ отчизну, къ небесамъ.

Примѣчаніе. Младенецъ кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ старшій сынъ князя Николая Борисовича, ветерана 1812 года, извѣстнаго пореводчика и военнаго писателя. Кн. А. Н. Голицынъ р. въ Парижѣ 22 апр. 1822 г., умеръ въ Петербургѣ 18 мая 1823 г., и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ. На надгробномъ памятникѣ, изображающемъ амура, изваяна приведенная эпитафія Пушкина. Кн. Н. В. Голицынъ сошелся съ Пушкинымъ еще въ началѣ его литературной славы; онъ перевелъ на французскій языкъ стихотвореніе Пушкина „Клеветникамъ Россіи“,—переводъ заслужилъ полную признательность Пушкина.

22. Къ морю (1824 г.).

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропоть заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,

Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.

Какъ я любилъ твои отзвывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы.

Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользить отважно средь зыбей,
Но ты взыгралъ, неодолимый,
И стая тонетъ кораблей!

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ,

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспомианья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій...
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты могущъ, глубоко и мраченъ,
Какъ ты ничѣмъ неукротимъ.

Міръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль самовластье иль тиранъ.

Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

Примѣчаніе. „Твое „Море“ прелестно. Я затвердилъ его наизусть тотчасъ“, писалъ кн. П. А. Вяземскій Пушкину.—Этимъ стихотвореніемъ Пушкинъ прощался съ моремъ и югомъ Россіи, отправляясь въ Михайловское.—Въ предложенномъ стихотвореніи выводятся два историческія лица, наиболѣе тогда занимавшія европейскій міръ: Наполе-

онъ и Байронъ (1787—1824); сего послѣдняго Пушкинъ называетъ „властителемъ нашихъ думъ“, желая тѣмъ указать на сильное вліяніе поэзіи Байрона въ свое время.

23. Къ Языкову (1824 г.).

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ!
Давно бѣ на дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бѣ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;
Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньи,
Влачу закованные дни...
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани:
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой, арапъ;
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И дворъ и пышные обѣды,

Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,—
Я жду тебя. Тебя со мною
Обниметь въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Шалунъ, замѣченный тобою,
И музъ возвышенный пророкъ:
Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ,
И наша троица прославитъ
Изгнанья темный уголокъ.
Назоръ обманемъ караульный,
Восхвалимъ вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудимъ шумные пиры;
Вниманье дружное преклонимъ
Ко звону рюмокъ и стиховъ,
И скуку зимнихъ вечеровъ
Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Примѣчаніе. Здѣсь разумѣется Николай Михайловичъ Языковъ (1803—1846), замѣчательный лирическій поэтъ Пушкинскаго времени, гостившій иногда въ Михайловскомъ у Пушкина и воспѣвшій стихами своими мѣстность около Михайловскаго (село Тригорское), няню Пушкина, Арину Родіоновну,—учившійся въ дерптскомъ университетѣ (потому и сказано „на дерптскую дорогу“). Этому поэту принадлежитъ не малое число прекрасныхъ стихотвореній, напр.: „Подражаніе псалму XIV-му“, „Поэту“, „Пловецъ“ (Нелюдимо наше море), драматическая сказка о „Жарь-Птицѣ“.

24. Узникъ (1824 г.).

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,

Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ огномъ.

Клюетъ и бросаетъ и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветь меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: „Давай улетимъ!

„Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я!..“

Примѣчаніе. Писано въ Михайловскомъ.

25. Козлову (1825 г.).

(По полученіи отъ него „Чернеца“).

Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее возрѣлъ
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды:

Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра,
О нѣтъ, не даромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

Примѣчаніе. Иванъ Ивановичъ Козловъ (1774—1838), — одинъ изъ второстепенныхъ нашихъ поэтовъ времени Пушкина, — замѣчателенъ своею несчастною судьбою: онъ лишился зрѣнія, и это несчастіе сдѣлало его поэтомъ. Съ помощью преданной жены своей онъ занимался своимъ литературнымъ образованіемъ и сочиненіемъ стиховъ. Ему принадлежатъ нѣсколько извѣстныхъ поэмъ, напр.: „Чернецъ“, „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“, „Безумная“ и другія. Лирическія его произведенія исполнены надеждою на Провидѣніе.

26. Если жизнь тебя обманетъ (1825 г.).

(Евпр. Никол. Вульфъ).

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

Примѣчаніе. На основаніи этого и множества другихъ произведеній считаютъ поэзію Пушкина по преимуществу „существенною, реальною, приносящею съ собой *бодрость* для духа и *свѣжесть* для мысли“.

27. 19-е октября (1825 г.).

1.

Роняеть лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле;
Проглянетъ день, какъ будто поневолѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ.

2.

Печалень я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое не слышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

3.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ...
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

4.

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:

Подъ миртами Италиі прекрасной
Онъ тихо спить, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылый
Сынъ Сѣвера, бродя въ краю чужомъ *).

5.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливый путь!.. Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя! **)

6.

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты постиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть-можетъ, осу-
дилъ! ***)

7.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ,

*) Н. А. Корсаковъ.

**) О. О. Матюшкинъ, впоследствии адмиралъ († 1872).

***) Слова эти взяты изъ прощальной пѣсни лицейскихъ воспитанниковъ, сочиненной бар. Дельвигомъ и начинающейся словами: „Шесть лѣтъ минуло, какъ мечтанье“.

Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,—
Срастался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастье куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый мiръ—чужбина,
Отечество намъ—Царское Село.

8.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приниѣ ласкающей главой...
Съ мольбой моей, печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной,
Но горекъ былъ небратскiй ихъ привѣтъ.

9.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ,
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лица превратилъ! *)

10.

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ—Фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;

*) Пущинъ провелъ у Пушкина въ Михайловскомъ только одинъ день, 11 января 1825.

Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

11.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный,
Подъ бурею главою поникъ я томной
И ждалъ тебя, вѣщунъ пермесскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

12.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
Но я любилъ уже рукоплесканья,—
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,—
Ты гений свой воспитывалъ въ тиши.

13.

Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво,
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся—но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ *), не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музъ, по судьбамъ?

*) Кюхельбекеръ.

14.

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ мѣръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ,
Приди: огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

15.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ—и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ—и я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

16.

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствуетъ лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

17.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣеть;
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальный сиротѣтъ;

Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому жъ изъ насъ подъ старость день лица
Торжествовать придется одному?

18.

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній и чужой,
Онъ вспомнить насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

Примѣчаніе. Стихотвореніе, полное воспоминаній о товарищахъ Пушкина по Царскосельскому лицей, который былъ открытъ 1811 г., 19-го октября. *Вальховскій* поступилъ въ лицей изъ Московскаго университетскаго пансіона и потому называется „воспитанный Минервой“; онъ велъ въ лицей суровый образъ жизни, и за это Пушкинъ называетъ его „спартанцемъ“ въ стихотвореніи „Пирующие друзья“; въ послѣдствіи *Вальховскій* былъ начальникомъ штаба кавказскаго корпуса (ум. 1841 г.). *Бролио* и *Данзасъ* — тоже товарищи Пушкина (послѣдній былъ секундantomъ въ предсмертномъ поединкѣ Пушкина). *Матюшкинъ* (1799—1872) любилъ морское дѣло; онъ сопровождалъ Головина въ его кругосвѣтномъ плаваніи, потомъ подъ командою барона Врангеля путешествовалъ къ берегамъ Восточной Сибири и еще разъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе; въ 1830—1831 г. начальствовалъ бригамъ въ греческихъ водахъ и отличался мужествомъ и искусствомъ; въ 1850 г. былъ адмираломъ

и завѣдывалъ въ Свеаборгѣ морскою частью, а потомъ проходилъ разныя административныя должности по Морскому министерству; въ 1861 г. пожалованъ въ сенаторы. Это былъ добрый и сердечный человекъ, по словамъ академика Я. К. Грота. Князь Александръ Михайловичъ *Горчаковъ*—впослѣдствіи канцлеръ Русской имперіи (ум. 1883 г.). Онъ до глубокой старости гордился дружбою Пушкина и зналъ наизусть обращенныя къ нему посланія Пушкина. *Пуцинъ*, *Дельвиъ*, *Вильгельмъ Кюхельбекеръ*—все это товарищи Пушкина. *Кюхельбекеръ*, *Яковлевъ*, *Илличевскій* (а равно сейчасъ упомянутые *Дельвиъ* и *Пуцинъ*) еще во время своего пребыванія въ лицей печатали свои произведенія, въ тогдашнихъ журналахъ. *Малиновскій И. В.* (ум. 1873)—сынъ перваго директора лицея, по лѣтамъ старшій изъ всѣхъ первокурсниковъ, былъ въ военной службѣ, а потомъ жилъ въ деревнѣ, въ Харьковской губерніи; съ нимъ и *Пуцинымъ* поэтъ особенно былъ друженъ. *Лицейскій Мудрецъ*—это названіе журнала, издававшагося лицеистами во времена Пушкина; издателями его были *Данзасъ* и *Корсаковъ* (умершій въ Италіи 1821 г.). У *Корсакова* сохранился „*Лицейскій Мудрецъ*“. Кромѣ товарищей, поэтъ вспоминаетъ наставниковъ своихъ, особенно профессора *Куницина*, преподававшаго нравственныя и политическія науки. При открытіи Лицея, онъ, въ присутствіи императора Александра, произнесъ блестящую рѣчь, заслужившую благоволеніе государя (монархъ самъ назначилъ ему орденъ *Владимира 4-й степени*). Замѣтитъ еще надо при чтеніи этого стихотворенія, обильнаго подробностями о лицей, что всѣ восторженныя воспоминанія о немъ относятся къ тому времени, когда лицеемъ управлялъ первый его директоръ, *В. Θ. Малиновскій* (ум. 1814 г.).

28. Зимній вечеръ (1825 г.).

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоюетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалою
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?—
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоюетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,

Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

Примѣчаніе. Няня, о которой здѣсь говоритъ Пушкинъ, называлась Арина Родіоновна, умерла 70-ти-лѣтнею старушкой. Она вынянчила все семейство Пушкиныхъ; она рассказывала поэту сказки и пѣла народныя пѣсни. Поэтъ въ одномъ стихотвореніи изображаетъ ее подъ видомъ музы. Это стихотвореніе (писан. 1821 г.) такъ читается:

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ,—
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ,
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила.

Въ отрывкѣ неизвѣстнаго года поэтъ вновь обращается къ своей нянѣ:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Съ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.

Въ письмахъ своихъ изъ Михайловскаго (1825 г.) онъ опять воспоминаетъ о нянѣ: „Я букваль-

но остался въ сообществѣ съ моей старой няней и съ моей трагедіей“. Н. М. Языковъ воспѣлъ эту простую женщину въ особомъ стихотвореніи:

„Свѣтъ Родіоновна! забуду ль тебя?“

На смерть ея Языковъ написалъ стихотвореніе (1830 г.), гдѣ сказано:

„Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
О свѣтлой юности моей
И въ поучительныхъ преданьяхъ
Про жизнь поэтовъ нашихъ дней“.

Пѣсни народныя, о которыхъ говорится въ „Зимнемъ Вечерѣ“, начинаются такъ: первая—

„За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала“;

другая такъ:

„По улицѣ мостовой
Шла дѣвица за водой,
За холодной ключевой“.

29. *Ex ungue leonem* (1825 г.).

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее, злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

Примѣчаніе. „*Ex ungue leonem*“—т. е. по когтямъ узнають льва. Это стихотвореніе представляетъ об-

разецъ особаго рода сатирическихъ произведеній, которыя называются *эпиграммами*. У Пушкина много такихъ эпиграммъ: мѣткихъ, колкихъ, остроумныхъ, а иногда и рѣзкихъ. Есть и такія эпиграммы, въ написаніи которыхъ онъ потомъ раскаивался (напр., въ эпиграммѣ на „Исторію Государства Россійскаго“ Н. М. Карамзина). Самъ Пушкинъ цѣнилъ свои эпиграммы. Въ маѣ 1825 г. онъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: „Изо всего, что должно предать забвенію, *болѣе всего жалю о своихъ эпиграммахъ*“. Ихъ всѣхъ около 50 (пятидесяти), и всѣ оригинальныя. Эпиграмма „*Ex ungue leonem*“ написана на журналъ „Благонамѣренный“, издававшийся А. Е. Измайловымъ, который критиковалъ пріятелей Пушкина.

30. Зимняя дорога (1826 г.).

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

31. Пророкъ (1826 г.).

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угля, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынь я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!“

Примѣчаніе. Содержаніе стихотворенія заимствовано изъ книги пророка Исаіи, главы шестой. „И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ серафимовъ, и

въ рудѣ своей имяше уголь горящъ, егоже клещами взять отъ алтаря. И прикоснуса устамъ моимъ, и рече: се прикоснуса сіе устамъ твоимъ, и отъиметь беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ. И слышахъ гласъ Господа глаголюща“...

Это стихотвореніе по всей справедливости признается однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній Пушкина по мысли (избраніе человѣка въ пророки), по плану (введеніе, главная часть, состоящая изъ четырехъ второстепенныхъ, согласно числу даровъ, сообщенныхъ пророку, и заключеніе, гдѣ представленъ Богъ, глаголющій пророку), по подробному развитію каждой части и языку (на которомъ отражается вліяніе церковно-славянской стихій, ибо предметомъ стихотворенія служитъ священное, божественное).

32. Стансы (1826 г.).

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронъ вѣчный былъ работникъ.

Примѣчаніе. Это небольшое стихотвореніе предлагаетъ вкратцѣ исторію царствованія Петра Великаго, съ яркимъ очеркомъ его личнаго характера.

Долгорукій, князь Яковъ Ѳедоровичъ, отличался прямою характера и говорилъ Петру Великому правду въ глаза, несмотря на его гнѣвъ.

33. Друзьямъ (1828 г.).

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно править нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипить,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творить.

Текла въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подаль—и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль, въ сердечномъ умиленьи,
Ему хвалы не воспою?

Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя назоветъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ—
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчить, потупя очи долу.

Примѣчаніе. Написано въ память того постояннаго благоволенія, которое императоръ Николай 1-й (1796—1855 г.) оказывалъ Пушкину. П. В. Анненковъ (1811—1887 г.), одинъ изъ лучшихъ біографовъ Пушкина, пишетъ: „3-го сент. (1826 г.) получено было во Псковѣ всемилостивѣйшее разрѣшеніе на просьбу Пушкина о дозволеніи ему пользоваться совѣтами столичныхъ докторовъ (Пушкинъ жилъ тогда въ Михайловскомъ съ 1824 г.). Державная рука, снисходя на его прошеніе, вызвала его въ Москву, возвратила его городской жизни, которую онъ такъ любилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указала ему обязанности, лежавшія на немъ, какъ на гражданинѣ и писателѣ, который долженъ употреблять отличныя свои способности на преданіе потомству славы нашего отечества. Тотчасъ по прибытіи въ Москву Пушкинъ имѣлъ счастье быть представленнымъ государю императору. Скажемъ здѣсь, что впоследствии, во всѣхъ случаяхъ жизни, Пушкинъ вспоминалъ о наставленіяхъ, преподанныхъ ему въ это время отеческою снисходительностью монарха, не иначе, какъ съ чувствомъ благоговѣнія и умиленіемъ“.

Гр. Бенкендорфъ писалъ Пушкину 30 сент. 1826 г.: „Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ“.

34. И. И. Пущину (1826 г.).

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье,
Да озарить онъ заточенье
Лучомъ лицейскихъ ясныхъ дней!

Примѣчаніе. Въ стихотвореніи „19 октября 1825 г.“ (см. выше, № 27) Пушкинъ говоритъ о посѣщеніи Пущинымъ Михайловскаго (посѣщеніе состоялось на святкахъ 1824 г.) и здѣсь повторяетъ то же самое. Это свиданіе было трогательное. „Я оглядываюсь (пишетъ Пущинъ): вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. На дворѣ былъ страшный холодъ, но въ инныя минуты человекъ не простужается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ!.. Было около 8 часовъ утра. Не знаю, что дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга... Наконецъ пробила слеза (она и теперь черезъ 33 года, — замѣчаетъ Пущинъ, — мѣшаетъ писать въ очкахъ), мы очнулись... Не знаю, за кого приняла меня (старуха), только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспѣтая, и чуть не задушилъ ея въ объятіяхъ... Я привезъ Пушкину въ подарокъ „Горе отъ ума“

Грибоѣдова; онъ былъ очень доволенъ этой, тогда рукописной, комедіей, до того ему почти вовсе незнакомой. Послѣ обѣда за чашкой кофею, онъ началъ читать ее вслухъ“.

Стихотвореніе „Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный“, содержащее въ себѣ воспоминаніе о посѣщеніи Михайловскаго другомъ Пушкина, вручено было Пущину 5 января 1828 г., въ самый день пріѣзда его въ Читу. Ему былъ переданъ листокъ бумаги, на которомъ неизвѣстною рукою написано было: „Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный“.

35. Ангель (1827 г.).

Въ дверяхъ эдема ангель нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

„Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ“.

Примѣчаніе. Написано про А. Н. Раевского, а „ангелъ нѣжный“ былъ тоже лицомъ дѣйствительнымъ (уважаемая Пушкинымъ женщина, обыкновенно державшая книзу свою голову).

36. Княгиня З. А. Волконской (1827 г.).

(При посылкѣ ей поэмы „Цыгане“).

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣннаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

Примѣчаніе. Княгиня Зинаида Александровна Волконская (1792—1862), урожденная княжна Бѣлосельская, была родственница М. Н. Раевской (дочь генерала Раевского), по мужу Волконской. Княгиня Зинаида занималась литературой. Она жила въ Москвѣ, любила музыку, большой свѣтъ, артистовъ; въ ея домѣ бывали спектакли, играли „Гоэолю“ Расина (1639—1799),—пьеса, заимствованная изъ книги Ветхаго Заѣта „Паралипоменонъ“. На вечерахъ у княгини бывали поэты и Пушкинъ.

Кн. П. А. Вяземскій пишетъ о Зинаидѣ Волконской: „Въ Москвѣ домъ княгини Зинаиды Волконской былъ изящнымъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ замѣчательныхъ и отборныхъ личностей современнаго общества. Тутъ соединялись представители большого свѣта, сановники и красавицы, молодежь

и возрастъ зрѣлый, люди умственнаго труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все въ этомъ домѣ носило отпечатокъ служенія искусству и мысли. Бывали въ немъ чтенія, концерты, дилетантами и любительницами представленія итальянскихъ оперъ. Посреди артистовъ и во главѣ ихъ стояла сама хозяйка дома. Слышавшимъ ее нельзя было забыть впечатлѣнія, которое производила она своимъ полнымъ и звучнымъ контральто и одушевленною игрою въ роли Танкреда, оперъ Россини. Помнится и слышится еще, какъ она, въ *присутствіи Пушкина* и въ первый день знакомства съ нимъ, пропѣла элегію его, положенную на музыку Геншитоу:

„Погасло дневное свѣтило,
На море синее вечерній палъ туманъ“.

Пушкинъ былъ живо тронутъ этимъ обольщеніемъ... Вспоминая всю обстановку того времени (замѣчаетъ кн. П. А. Вяземскій), все это движеніе мыслей и чувствъ, кажется, переносишься не въ дѣйствительное минувшее, а въ какую-то баснословную эпоху“.

37. Три ключа (1827 г.).

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности—ключъ быстрый и мятежный,
Кипить, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поить;
Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолить.

38. **Поэтъ** (1827 г.).

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчить его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть-можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орель.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонить гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

Примѣчаніе. Одно изъ цѣлаго ряда стихотвореній, объясняющихъ взглядъ Пушкина на поэтическое творчество.

39. „**Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая**“
(1827 г.).

Près des bords où Venise est reine de la mer.
A. Chénier.

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ ночной гребецъ, гондолой управляя,

При свѣтѣ Вespera по взморію плыветь,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поеть.
Онъ любитъ пѣснь свою; поеть онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ, не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездною волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокій,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Примѣчаніе. Ринальдъ и Годфредъ—герои поэмы итальянскаго поэта Торквато-Тасса (1544—1595 г.) „Освобожденный Іерусалимъ“. Эрминія—одна изъ героинь той же поэмы.

40. Золото и булатъ (1827 г.).

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.

Примѣчаніе. „Я читалъ четыре книги „Московскаго Вѣстника“ (журналъ) и признаюсь (писалъ Пушкину одинъ изъ пріятелей его), что одинъ только стихъ мнѣ полюбілся: „Все возьму, сказалъ булатъ“.

41. Цвѣтокъ (1828 г.).

Цвѣтокъ засохшій, безуханный,
Забытый въ книгѣ, вижу я,
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

42. Последніе цвѣты (1828 г.).

(Въ альбомѣ П. А. Осиповой).

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первоцевъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

43. 26 мая (1828 г.).

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, праздненъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Примѣчаніе. Прочитавъ это стихотвореніе, проникнутое духомъ разочарованія, московскій митрополитъ Филаретъ (1782—1867) написалъ слѣдующіе стихи для вразумленія поэта:

„ Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана;
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣнъемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, Забвенный мною,
Просіяй сквозь сумракъ думъ!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтель умъ!“

44. Воспоминаніе (1828 г.).

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
И на нѣмые стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:

И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.
Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя, два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечомъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!..

45. Утопленникъ (1828 г.).

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
„Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца“.
—Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужѣ мертвецъ!

Судъ найдетъ, отвѣчай-ка:
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ жь мертвецъ?—„Вонъ, тятя, э-вотъ!“

Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взять волнами,
Али хмѣльный молодець,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащить,
И отъ берега крутова
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и грестомъ...

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
„Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу“.

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика:
Дѣти спать, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучить.

„Кто тамъ?“—Эй, вступи, хозяинъ!—

„Ну, какая тамъ бѣда?

Что ты ночью бродишь, Каинъ?

Чортъ занесъ тебя сюда!

Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?

Дома тѣсно и темно“.

И лѣнивою рукою

Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится—

Что же? Голый передъ нимъ:

Съ бороды вода струится,

Взоръ открытъ и недвижимъ;

Все въ немъ страшно онѣмѣло,

Опустились руки внизъ,

И въ распухнувшее тѣло

Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ;

Гостя голаго узнавъ,

Такъ и обмеръ. „Чтобъ ты лопнулъ!“

Прошепталъ онъ, задрожавъ.

Страшно мысли въ немъ мѣшались,

Трясся ночь онъ напролетъ,

И до утра все стучались

Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:

Говорятъ, что каждый годъ

Съ той поры мужикъ несчастный

Въ день урочный гостя ждетъ;

Ужъ съ утра погода злится,

Ночью буря настаетъ,

И утопленникъ стучится

Подъ окномъ и у воротъ.

Примѣчаніе. Это стихотвореніе, по характеру
разказа, должно быть отнесено къ эпическимъ

произведеніямъ Пушкина. Но ради краткости его помѣщаемъ въ отдѣлѣ лирическихъ пьесъ.

46. Анчаръ (1828 г.).

(Древо яда).

Въ пустынь чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопись отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь уже тлѣтворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листь его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человекъ человекъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листьями,

И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

47. Чернь (1828 г.).

Procul este, profani.

Поэтъ на лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ, а хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный,
Ему безсмысленно внималъ.
И толковала чернь тупая:
„Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчить? Чему насъ учить?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучить,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
Зато какъ вѣтеръ и бесплодна:
Какая польза намъ отъ ней?“

П О Э Т Ъ .

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ:

Тебѣ бы пользы все—на вѣсь
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Тагъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

ЧЕРНЬ.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца братьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы слушаемъ тебя.

ПОЭТЪ.

Подите прочь,—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживить васъ лиры гласъ!
Душъ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ нашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметають соръ—полезный трудъ!—
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,

Не для горысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Примѣчаніе. Одно изъ стихотвореній, показывающихъ взглядъ Пушкина на поэзію.

„*Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій*“ — т.-е. статую Аполлона; *Бельведерскій* (итальянское слово) — въ высшей степени красивый на видъ. К. Н. Батюшковъ объ этой статуѣ писалъ изъ Парижа въ 1814 году: „Начну съ Аполлона Бельведерскаго... это не мраморъ—богъ! Всѣ копіи этой безцѣнной статуи слабы, и кто не видалъ сего чуда искусства, тотъ не можетъ имѣть о немъ понятія. Чтобъ восхищаться имъ, не надо имѣть глубокихъ свѣдѣній въ искусствахъ: надобно чувствовать. Странное дѣло! Я видѣлъ простыхъ солдатъ, которые съ изумленіемъ смотрѣли на Аполлона. Такова сила генія! Я часто захожу въ музейъ единственно затѣмъ, чтобы взглянуть на Аполлона, и какъ отъ бесѣды мудраго мужа и милой умной женщины, по словамъ нашего поэта, „лучшимъ возвращаюсь“. Ни слова о другихъ рѣдкостяхъ, ни слова о великолѣпной картинной галлерей, единственной въ своемъ родѣ, ни слова о рѣдкостяхъ парижскихъ, о театрахъ“.

48. Донъ (1829 г.).

Блеца средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!.. Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ...

Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ,—
Отъ Аракса и Евфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю. *)

Приготовъ же, Донъ завѣтный,
Для наѣзтниковъ лихихъ
Союзъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

Примѣчаніе. Въ своемъ „Путешествіи въ Арзрумъ во время похода 1829 года“ (глава вторая) Пушкинъ пишетъ: „Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росой и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай, сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу**), и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело вѣхалъ въ завѣтную рѣчку, и добрый конь вынесъ меня на Турецкій берегъ“.

*) Арпачай—граница русской Арменіи.

**) Въ 1820 году, въ маѣ, Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ Екатеринославъ подъ начальство генерала Инзова, попечителя бессарабскихъ колонистовъ. Изъ Екатеринослава въ семействѣ генерала Н. Н. Раевского отправился на Кавказъ, гдѣ прожилъ два мѣсяца; потомъ жилъ двѣ недѣли въ Юрзуфѣ, въ Крыму, у Раевскихъ; затѣмъ проживалъ въ Кишеневѣ и Одессѣ, а съ 1824 года переселился въ Михайловское, гдѣ пробылъ два года. Съ 1826 года съ сентября онъ могъ жить гдѣ угодно.

49. Отрывокъ (1829 г.).

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла.
Шумить Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!.. Унынья моего
Ничто не мучить, не тревожить,
И сердце вновь горитъ и любить—оттого,
Что не любить оно не можетъ.

Примѣчаніе. Это стихотвореніе замѣчательно для опредѣленія элегическаго строя лиры Пушкина. Его элегіи особенныя. Онѣ проникнуты чувствомъ радости: „печаль моя свѣтла“—сказано здѣсь. Изъ этого видно, что поэзія нашего писателя имѣетъ *бодрящій* характеръ.

50. Кавказъ (1829 г.).

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орель, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже році, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечуть, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по значнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,

Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельѣ,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельѣ;

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему ни отрады:
Тѣснять его грозно нѣмыя громады.

51. Монастырь на Казбекѣ (1829 г.).

Высоко надъ сѣмьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.
Далекій, вожделѣнный берегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!

52. Обвалъ (1829 г.).

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣняются валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщеть боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,

И всю тѣснину между скаль
Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои берега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудю лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эоль,
Небесъ жилецъ.

Примѣчаніе. Всѣ эти три стихотворенія выражаютъ впечатлѣнія Пушкина среди природы Кавказа, гдѣ онъ дважды былъ (въ 1820 г. и 1829 г.). Лучшими объясненіями ихъ служатъ разныя страницы „Путешествія въ Арзрумъ“ самого поэта. Здѣсь, въ главѣ первой, онъ говоритъ о Терекѣ, обвалѣ и Арагвѣ, а въ главѣ пятой—о монастырѣ на Казбекѣ. Приведемъ нѣкоторые отрывки.

„Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы слышали глухой шумъ и увидѣли *Терекъ*, разливающийся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны

его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ осетинскихъ мельницъ, похожихъ на собачьи кануры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущелье. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущелье извивается вдоль его теченія. Каменные подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы“.

„Дорога шла черезъ *обвалъ*, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Огромная глыба, валясь, засыпала ущелье на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, услышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ“.

„Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гуть-Горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога“.

„Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвой, смѣнили мрачныя ущелья и грозный Терекъ. Въмѣсто голыхъ утесовъ, я увидѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья“.

„Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя оборванныя облака перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками“.

53. Делибашъ *) (1829 г.).

Перестрѣлка за холмами;
Смотрить лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьется красныѣ делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житѣе;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...

Посмотрите, каковы!..
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

Примѣчаніе. „Проѣхавъ ущелье, вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ *лаву*, и надъ ними около пятисотъ турковъ“. (Путешествіе въ Арзрумъ, глава третья).

54. „Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ!..“

(1829 г.).

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,

*) Делибашъ—удалой наѣздникъ; лава—казачья сотня, выстроенная въ одинъ рядъ для атаки.

Вопросами: тепло ль? утихла ли мятель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться со старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысю по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами;
Кружимся, рыскаемъ, и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
Читать хочу—глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу, насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
Надъ риемой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ.
Хозяйка хмурится въ подобіе погодъ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Приѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданная семья: старушка, двѣ дѣвицы
(Двѣ бѣлокуроя, двѣ стройныя сестрицы),
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,

А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые...

55. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ (1829 г.).

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библии—безумный расточитель—
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!

Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!
И долго я блуждалъ, и часто, утомленный,
Раскаянемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, приютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!

Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ Лицей,
И слышалъ снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
Поэтомъ забывался я!

И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою Женою,
Ея любимые сады

Стоять, населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной и мѣдными хвалами
Екатериновыхъ орловъ!...

Сядятъ призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ...
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ кагульскихъ береговъ!
Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ и леталъ!
Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
Вотъ наваринскій Ганнибалъ!..

Примѣчаніе. „Исполнены великою Женою“, т. е. императрицей Екатериною Второю. „Перунъ кагульскихъ береговъ“—графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій, одержавшій при рѣкѣ Кагулъ (въ Молдавіи) 7 іюля 1770 г. полную побѣду надъ турками, слѣдствіемъ которой было взятіе Бухареста, Измаила, Килии, Браилова и покореніе всего лѣваго берега Дуная. „Могучій вождь полунощнаго флага“—графъ А. Ѳ. Орловъ-Чесменскій. Чесма—портовый городъ у западнаго берега Малой Азіи; здѣсь въ 1770 г., съ 24 на 25 іюня, произошло морское сраженіе (Чесменскій бой), во время котораго былъ сожженъ турецкій флотъ нашими вождями—Орловымъ, Спиридовымъ и Грейгомъ.

„Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ и леталъ.“
Современныя извѣстія такъ описываютъ истребленіе графомъ А. Ѳ. Орловымъ турецкаго флота при Чесмѣ. „Ударъ за ударомъ выстрѣловъ пушечныхъ, сливаясь, непрерывный громъ производили. Воздухъ, наполненъ будучи дымомъ, скрывалъ корабли отъ вида другъ у друга такъ, что и лучи солнца померкли. Свистъ ядеръ летающихъ и разныя опасности представляющіяся и самая смерть смертныхъ

ужасающая не были довольно сильны произвести робости въ сердцахъ сражавшихся съ врагомъ имени Христова россиянь. Въ самомъ жесточайшемъ сраженіи были четыре корабля: Евстаѳій, Три Святителя, Іанвуарій и Три Іерарха. Напослѣдокъ корабль Евстаѳій, сцѣпясь съ кораблемъ главнокомандующимъ надъ непріятельскимъ флотомъ, производилъ и въ самое то время пушечную и оружейную пальбу, отчего оный и загорѣлся. Корабль же Трехъ Іерарховъ, лежа на якорѣ и сражаясь съ двумя непріятельскими, увидѣлъ въ опасности адмирала и, тотчасъ отрубя якорь, изготовился къ абордажу; но примѣтя, что непріятельскій корабль горитъ, принужденъ былъ принятое намѣреніе оставить, давъ сигналъ, чтобы всѣ военные шлюпки поспѣшали къ Евстаѳію. Подгорѣвшая у турокъ мачта упала поперекъ на нашъ корабль, сцѣпившійся и почти уже завладѣвшій онымъ, и тѣмъ въ пламень привела и нашъ. Въ самомъ скоромъ времени послѣ того корабль нашъ взорвало, за которымъ слѣдовалъ и непріятельскій. Сіе происшествіе и то, что турки не могли уже болѣе терпѣть зря столь жестокую и неустрашимую съ нашей стороны атаку, привели флотъ оттоманскій въ трепеть, который, отрубя якори и поднявъ парусы, бѣжать началъ въ великомъ смятеніи въ портъ подъ защищеніе крѣпости Чесме. Графъ Орловъ, поднявъ всѣ паруса на кораблѣ Трехъ Іерарховъ, стремился въ самый нутръ непріятельскаго флота“. Затѣмъ запертъ былъ нашими моряками флотъ турецкій. Наши начали производить атаку, а турки защищаться. Зажжены были турецкіе корабли неустрашимымъ Ильинымъ.

„Туть уже увидѣли вдругъ въ разныхъ мѣстахъ загорѣвшійся флотъ непріятельскій, узрѣли и побѣду свою совершенну... Въ самое сіе время съ кораблей нашихъ, у прикрытія бывшихъ, началась паки пальба најесточайшая въ томъ намѣреніи,

дабы неприятелю ни гасить, ни спастися не дать времени. Вскорѣ по семь начало рвать неприятельскіе корабли (Ильинъ положилъ брандкугель въ корабль и зажегъ брандеръ) одинъ по другому. Сіе чрезвычайное явленіе толь ужасно было, что и берега стонали; и по истеченіи малаго времени весь неприятельскій флотъ обращенъ въ пепель, исключая одинъ корабль о шестидесяти пушкахъ и пять галеръ, которыя нашимъ достались въ добычу“. Огнемъ истреблено „около ста судовъ“.

„Вѣрный *братъ* его, герой Архипелага“—графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ. Онъ участвовалъ въ сраженіи при Чесмѣ и подвергался большой опасности. „Оба корабля,—пишетъ императрица Екатерина II-я,—взлетѣли на воздухъ черезъ минуту послѣ того, какъ адмиралъ Спиридовъ, гр. *Ѳедоръ Орловъ* и девяносто челоувѣкъ успѣли съ него (нашего корабля, схватившагося съ турецкимъ) сойти“.

„*Наваринскій* Ганнибалъ“ — Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ. Онъ былъ дѣдъ Пушкина по матери. Отличился въ турецкую войну съ Орловыми на морѣ.

56. Зимнее утро (1829 г.).

Морозъ и солнце—день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный,
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры
Навстрѣчу сѣверной Авроры,
Звѣздою сѣвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла—
А нынче... погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами,
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки,
Но знаешь: не велѣтъ ли въ санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

57. Стансы (1829 г.).

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!

Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметь охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Примѣчаніе. Одна изъ элегій, показывающихъ бодрое настроеніе поэта среди печали.

58. Стансы (1830 г.).

(Митр. моск. Филарету).

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лиль потоки слезъ неожиданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Примѣчаніе. Написано митрополиту московскому Филарету въ отвѣтъ на его стихотвореніе „Жизнь“.

Послѣдній куплетъ, по свидѣтельству П. Барте-
нева, долженъ имѣть такую редакцію:

„Твоимъ огнемъ душа согрѣта
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ“.

59. Къ Вельможѣ (1830 г.).

(Кн. Н. Б. Юсупову, въ Архангельское).

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣтъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я, увижу сей дворець,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.

Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человекъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней—и циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронирыливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтренымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгъ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аею иль деисту,
Какъ любопытный скиѣъ аеинскому софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ-быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,

Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ рассказывать о ножкахъ, о глазахъ,
О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
Гдѣ жизнь лѣнивая проходить сладострастно,
Какъ пылкій отрока, восторговъ полный, сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ и, не страшась ревниваго испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца;
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ...
О, расскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ ок-
номъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащомъ.

Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,
Подъ гильотиною Версаль и Трианонъ
И мрачнымъ ужасомъ смѣненные забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донинѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептическій причетъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, бывшее истребя.

Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младья поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свестъ приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечъ едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переносусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободный
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой.
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги празд-
ной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Примѣчаніе. Здѣсь подъ вельможею разумѣется
кн. Николай Борисовичъ Юсуповъ, другъ музъ.

„Свое владычество на Сѣверѣ любя“. Импера-
трица Екатерина II-я была въ перепискѣ съ Воль-
теромъ. Въ этой перепискѣ Вольтеръ часто име-
нуетъ себя „*Фернейскимъ* пустыннокомъ“. Госуда-

рыня называла Вольтера своимъ добрымъ покровителемъ. Она рано начала изучать французскаго писателя. Въ XVIII в. у насъ переведены были всѣ сочиненія Вольтера.

„Вихорь бури“, т. е. французская революція XVIII в.

„Подъ гильотиною Версаль“. Франц. король Людовикъ XVI погибъ на гильотинѣ.

„Превратности судебъ разительный примѣръ“ — намекъ на бурную жизнь Вольтера. Онъ сидѣлъ въ Бастилии (крѣпость) за свои сочиненія; скрываясь отъ преслѣдованій, бѣжалъ въ Англiю. Его книга „Lettres sur les Anglais“ (здѣсь онъ безошадно порицаетъ тогдашнее состояніе Франціи) была сожжена рукою палача; вторично долженъ былъ бѣжать изъ Парижа; жилъ нѣсколько времени при дворѣ Фридриха II-го въ Берлинѣ и тайкомъ воротился оттуда во Францію. Послѣдніе годы жизни своей провелъ въ Фернеѣ. 84-лѣтнимъ старикомъ возвратился въ Парижъ, гдѣ приняли его восторженно. Нашъ фонъ-Визинъ (1744—1794) самъ видѣлъ энтузіазмъ народа при чествованіи живого Вольтера въ Парижѣ (1778 г.): „При выѣздѣ со двора карета его препровождена была до академіи безчисленнымъ множествомъ народа, непрестанно рукоплескавшего. Всѣ академики вышли навстрѣчу. Онъ посаженъ былъ на директорскомъ мѣстѣ и, минуя обыкновенное баллотированіе, избранъ единодушнымъ восклицаніемъ въ директоры. Когда сходилъ онъ съ лѣстницы и садился въ карету, тогда народъ закричалъ, чтобы всѣ снимали шляпы“ и т. д.

„Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ, Донинѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище“.

Объясненіемъ этихъ стиховъ можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ „Писемъ русскаго путешествен-

ника“ Н. М. Карамзина: „Въ той горницѣ, гдѣ стоитъ (въ Фернеѣ) Вольтерова кровать, было погребено его сердце, которое госпожа Денись увезла съ собою въ Парижъ“.

60. Отвѣтъ апонию (1830 г.).

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,—
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразить сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагодарно киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье—
„Тѣмъ лучше“, говорятъ любители искусствъ:
„Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ“. Но счастье поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно...

Примѣчаніе.— Поводомъ къ этому посланію послу-

жили слѣдующіе стихи знаменитаго нашего археолога, Ивана Александровича Гульянова, которые онъ послалъ анонимомъ къ Пушкину изъ Москвы въ 1830 году:

„Олимпа дѣвы вострепнулись!
Сердца ихъ въ горести сомкнулись—
И гулъ ихъ вопли повторилъ:
Пѣвецъ высокій, знаменитый
Взглянулъ на свѣтлыя ланиты—
И *двѣтъ сердце покорилъ*, и пр.

Въ послѣдней строкѣ разумѣется желаніе поэта вступить въ бракъ съ Н. Н. Гончаровой.

61. Поэту (1830 г.).

(Советъ).

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить

И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Примѣчаніе. И это стихотвореніе выражаетъ взглядъ Пушкина на поэтическое творчество. Оно

написано въ отвѣтъ недоброжелательнымъ отзывамъ разныхъ критиковъ о трагедіи Пушкина „Борисъ Годуновъ“, явившейся въ это время. Въ тогдашнихъ журналахъ критика говорила, что Пушкинъ „Борисомъ Годуновымъ“ уронилъ себя, на ходульной поэзіи построился, зарѣзалъ себя, — что „Борисъ Годуновъ“ — чистое ребячество, что онъ — несчастное произведеніе... Пушкинъ въ отвѣтъ такой критикѣ написалъ стихотвореніе „Поэту“, которое было напечатано въ альманахѣ „Сѣверные цвѣты“ 1831 года.

62. Мадонна (1830 г.).

(Советъ).

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

Примѣчаніе. Стихотвореніе принадлежитъ къ самой зрѣлой эпохѣ поэтическаго творчества Пушкина, какъ почти все, что написано имъ съ 1830

года. Это стихотвореніе имѣеть нѣкоторое отношеніе къ тогдашнимъ обстоятельствамъ его жизни. Пушкинъ сначала написалъ эти стихи въ альбомъ Юрія Никитича Бартенева, ревнителя просвѣщенія, а потомъ отдалъ ихъ напечатать въ альманахъ „Сиротка“, изданный 1831 г. въ Москвѣ въ пользу *призрѣнія бѣдныхъ сиротъ*. „Такъ, въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ,—говорить одинъ изъ лучшихъ знатоковъ произведеній Пушкина — Бартенева,—просвѣчиваетъ тонкое нравственное чувство великаго поэта“. На Пушкинской выставкѣ, бывшей въ Петербургѣ въ 1880 году, въ дни открытія памятника поэту въ Москвѣ, послѣдніе три стиха „Мадонны“ были подписаны подъ портретомъ супруги А. С. Пушкина.

63. Къ *** (1830 г.).

(Сонетъ).

Scorn not the sonnet critic.
Wordsworth.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камозэнсъ облакалъ.

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,
Когда, вдали отъ суетнаго свѣта,
Природы онъ рисуетъ идеалъ.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненный
Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

64. Герой (1830 г.).

Что есть истина?

ДРУГЪ.

Да, слава въ прихотяхъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ,
Но намъ ужъ то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На тронъ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

ПОЭТЪ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирились цари,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари.

ДРУГЪ.

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда ль, какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италиі святой,
Тогда ли, какъ хватаетъ знамя
Иль жезлъ диктаторскій? Тогда ль,
Какъ водить и кругомъ и вдаль
Войны стремительное пламя—
И пролетаетъ рядъ побѣдъ

Надъ нимъ, одна другой вослѣдъ?
Тогда ль, какъ рать герою плещеть
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещеть,
Его приѣмля, и молчить?

п о э т ь .

Нѣтъ, не у счастья на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою
Сѣвъъ, мучимъ казню покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащомъ закрывшись боевымъ!
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежить на каждомъ трупъ живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ,
Не бранной смертью окруженьъ,
Нахмураясь, ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнью своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!

д р у г ь .

Мечты поэта,

Историкъ строгій гонить васъ!
Увы—его раздался гласъ,
И гдѣ жъ очарованье свѣта?..

П О Э Т Ъ .

Да будетъ проклять правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угрождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Что же
Онъ будетъ безъ него? тиранъ!

Д Р У Г Ъ .

Утѣшься...

Примѣчаніе. Стихотвореніе „Герой“ написано Пушкинымъ въ память посѣщенія императоромъ Николаемъ I-мъ Москвы, которую опустошала холера 1830 г. Поводъ къ написанію этого стихотворенія открылся уже по смерти Пушкина, какъ свидѣтельствуеъ Н. В. Гоголь.

Въ приведенномъ стихотвореніи есть слѣдующія строки:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій *обманъ*.

Н. Н. Страховъ, современный критикъ, такъ объясняетъ это мѣсто: „Обманъ тутъ не значитъ мошенничество или ложь, а только нѣкоторый *образъ*, который, хотя бы былъ вымысломъ, возвышаетъ насъ, давая намъ понимать, въ чемъ состоитъ истинная красота человѣческой души“.

Подъ стихотвореніемъ „Герой“ подписано: „Москва, 29 сентября 1830 года“. 29 сентября—день пріѣзда императора Николая Павловича въ Москву.

65. Элегія (1830 г.).

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье,
Но какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ-быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Примѣчаніе. Писано 8 сентября 1830 г., передъ женитьбою. Передъ бракомъ своимъ Пушкинъ имѣлъ грустныя мысли, что видно изъ его писемъ, относящихся къ этому времени. Но надежда никогда не покидала Пушкина и всегда просвѣчивала во всѣхъ его лучшихъ элегіяхъ. Та же надежда и въ предлагаемой элегіи видна.

66. Бѣсы (1830 г.).

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Бду, бду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ!.. — „Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло, —
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
Да кружить по сторонамъ.

„Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой“.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?
„Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ!“

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ

Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонять?
Что такъ жалобно поють?
Домового ли хоронять,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

Примѣчаніе. „Бѣсы“, строго говоря, должны быть отнесены къ произведеніямъ эпическаго характера. Въ этой балладѣ Пушкинъ касается народныхъ суевѣрій.

67. Осеннее чувство (1830 г.).

Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая звучитъ!
Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ:
Ланиты, ярче вешнихъ розъ,
Играютъ холодомъ и кровью.
Печальный лѣсъ и долъ завялый,
Проглянетъ день—и ужъ темно,
И, будто путникъ запоздалый,
Стучится буря къ намъ въ окно.

Примѣчаніе. Осень была любимымъ временемъ для Пушкина. Его поэтическое творчество особенно

проявлялось въ эту пору года, — что видно изъ многихъ его писемъ. Въ одномъ, напр., онъ пишетъ П. А. Плетневу: „Скажу тебѣ за тайну, что я въ Болдинѣ (Нижегородская деревня, гдѣ жилъ Пушкинъ осенью 1830 г.) писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда (въ Москву): двѣ послѣднія главы Онѣгина, совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами (Домикъ въ Коломнѣ); нѣсколько драматическихъ сценъ: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того, я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозою (весьма секретное!) пять повѣстей: Повѣсти Бѣлкина“.

68. Осень (1830 г.).

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ.
Державинъ.

I.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роца отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей —
И страждутъ озими отъ бѣшенной забавы,
И будить лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь; весной я бо-
ленъ;
Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
Суровою зимой я болѣе доволенъ;

Люблю ея снѣга, въ присутствіи луны;
Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и во-
лень,
Когда, подъ сободемъ согрѣта и свѣжа,
Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ ровныхъ рѣкъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ,
Вѣдь это, наконецъ, и жителю берлоги—
Медвѣдю надоѣсть. Нельзя же цѣлый вѣкъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное, любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ за-
сухи;
Лишь какъ бы напоить да освѣжить себя—
Иной въ насъ мысли нѣтъ; и жаль зимы-старухи,
И, проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранять обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславный,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ;
Она жива еще сегодня, завтра—нѣтъ.

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрець и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезень русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздолии открытомъ,
Махая гривую, онъ всадника несетъ—
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ

удовольствія охоты, поэтическія мечты у горящаго камина. Для него это была любимая пора творчества:

Минута—и стихи свободно потекутъ.

Вы видите ясный и спокойный взглядъ поэта на жизнь. Баратынскій рисуетъ мрачными красками осень:

„Сѣдая мгла віется вкругъ холмовъ,
Росой потоплены долины,
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубовъ,
И красенъ круглый листь осины;
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса“.

При видѣ поселянина, довольнаго жатвою, Баратынскій рисуетъ мрачную картину души человѣка въ осени дней, презрѣніе къ мечтамъ людскимъ и поетъ страшный гимнъ безнадежности.

69. Безсонница (1830 г.).

Мнѣ не спится, нѣтъ огня;
Всюду мракъ и сонъ докучный;
Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близъ меня.
Парки бабѣ лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня—
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопоть?
Укоризну или ропоть
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу...

70. Аріонъ *) (1830 г.).

Насъ было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Вглубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнѣ;
А я—безпечной вѣры полнѣ—
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнѣ
Измялъ съ-налету вихоръ шумный...
Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозною,
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

Примѣчаніе. И это стихотвореніе, въ ряду вышеуказанныхъ, представляетъ взглядъ Пушкина на поэзію. „Таинственный пѣвецъ“ (приводимъ слова Н. Н. Стрхова) очень живо чувствовалъ свою загадочную судьбу; въ своихъ произведеніяхъ онъ оставилъ намъ множество угазаній, изъ которыхъ видно, что тяжела была эта судьба... Начиная съ 1826 года, у Пушкина является цѣлый рядъ произведеній, тема которыхъ—значеніе поэта, его достоинство, его отношеніе къ окружающей жизни. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ: Пророкъ, Поэтъ, Чернь, Поэту, Аріонъ, Эхо, „Не дорого цѣню я громкія права“, Памятникъ... Пушкинъ торжественными, величественными чертами рисуетъ поэтическую силу, которую онъ съ такой полнотою чувствовалъ въ

*) Греческій поэтъ, жившій около 600 г. до Р. Х.

своей груди. Поэтъ—это преображенный человекъ, пророкъ, которому серафимъ вложилъ жало змѣи вмѣсто языка и уголь, пылающій огнемъ, вмѣсто сердца. Душа поэта слышитъ божественные глаголы, отъ которыхъ она вдругъ

Встрепенется
Какъ пробудившійся орелъ.

Пушкинъ очевидно дожилъ въ это время до полного сознанія своего поэтическаго призванія, онъ зналъ уже, что на его челѣ „вспыхнулъ огненный языкъ“. Это сознаніе своего важнаго значенія не покидало Пушкина до конца“.

71. Царскосельская статуя (1830 г.).

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.

Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой:

Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

Примѣчаніе. — Эта пьеска представляетъ собою одинъ изъ совершенныхъ образцовъ „антологическихъ“ стихотвореній, т. е. такихъ произведеній, въ которыхъ глубокое чувство или мгновенная, но важная мысль выражена въ самой краткой формѣ стиха, преимущественно гекзаметромъ. Въ царскосельскомъ саду есть бронзовая статуя, изображающая дѣвушку, разбившую кувшинъ, изъ котораго постоянно течетъ вода; изъ такого матеріала поэтъ создалъ удивительно картинное стихотвореніе.

72. Отрокъ (1830 г.).

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря;

„Иліаду“ (издан. 1826 г.), писалъ Пушкину: „Не знаю, кѣмъ написаны во 2-мъ номерѣ „Литературной газеты“ нѣсколько строкъ объ Иліадѣ; но едва ли цѣлое похвальное слово въ величину съ Плиніево Траяну (1 в. по Р. Хр.) такъ тронуло бы меня, какъ эти *нѣсколько строкъ*. Едва ли въ жизни случится читать что-либо о моемъ трудѣ, что было бы сказано такъ благородно и было бы мнѣ такъ утѣшительно“.

75. Красавицѣ (1831 г.).

(Въ альбомѣ Н. Н. Гончаровой).

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицѣ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтись съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

Примѣчаніе. Написано въ альбомѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой (1812 — 1863 г.), супругѣ А. С. Пушкина. Съ нею поэтъ былъ обвинчанъ въ Москвѣ 18 февраля 1831 года.

76. Клеветникамъ Россіи (1831 г.).

Vox et praeterea nihil.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судь-
бою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ или вѣрный россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ?—Вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За что жъ? Отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,

И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыгъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыгъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Кол-
хиды,

Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?—
Такъ высылайте жъ къ намъ, вити,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

Примѣчаніе. П. Я. Чаадаевъ (1793—1856), образованнѣйшій человѣкъ своего времени, писалъ Пушкину по поводу этого стихотворенія: „Наконецъ-то вы—народный поэтъ. Не знаю, вполнѣ ли вы меня разумѣете? Особенно дивно хороши стихи ко „врагамъ Россіи (т. е. Клеветникамъ Россіи)“.

Кремль, упоминаемый въ стихотвореніи,—Московский Кремль, свидѣтель славы Россіи и геройства ея сыновъ въ 1812 году.

Прага — предмѣстье Варшавы, взятое штурмомъ Суворовымъ (1730—1800 г.) при императрицѣ Екатеринѣ II-й 1794 г.

„На развалинахъ пылающей Москвы“—разумѣет-

ся 1812-й годъ, когда Москва предана была сожженію во время пребыванія Наполеона въ ней.

„Измаильскій штыкъ“—разумѣется Измаиль, турецкая крѣпость на берегахъ Дуная, взятая Суворовымъ 1789 г. при императрицѣ Екатеринѣ II-й.

Стихотвореніе это написано въ 1831 г. по поводу польскаго мятежа; оно было издано въ одной книжкѣ со стихотвореніемъ Жуковскаго „Русская слава“ и вмѣстѣ съ печатаемымъ ниже стихотвореніемъ Пушкина „Бородинская годовщина“. Кн. Н. Б. Голицынъ въ 1839 г. перевелъ „Клеветникамъ Россіи“ на французскій языкъ и вызвалъ тѣмъ благодарное письмо со стороны Пушкина, гдѣ, между прочимъ, есть замѣчательныя слова о трудности переводить русскіе стихи на французскій языкъ: „По моему мнѣнію чрезвычайно трудно перелagать русскіе стихи на французскіе Языкъ нашъ сжать, и краткости его выраженія достигъ мудрено“.

77. Бородинская годовщина (1831 г.).

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: „Шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;
Не вся ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!..
Но стали жъ мы пятою твердой
И грудью приняли напоръ
Племень, послушныхъ волѣ гордой,
И равень былъ неравный споръ.

„И что жъ? Свой бѣдственный побѣгъ,
Кичась, они забыли нынѣ;
Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,

Погребшій славу ихъ въ пустынь
Знакомый пиръ ихъ манить вновь—
Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь;
Но тяжко будетъ имъ похмѣлье,
Но дологъ будетъ сонъ гостей
На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
Подъ знакомъ сѣверныхъ полей!

„Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
Но знайте, прошеные гости,
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости!..“
Сбылось—и въ день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый—
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахъ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранять въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сождемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрять гнѣвнаго лица
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Но вы, мутители палатъ,
Легкоязычные витіи;
Вы, черни бѣдственный набать,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?.. Еще ли россъ
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава

Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднить ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль русскаго владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вънецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь?—Война, и морь,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напорь
Ее, бѣснуясь, потрясали—
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вокругъ нея волненья пали—
И Польши участь рѣшена ..

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми, восторговъ общій гласъ!..
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнь Варшавы;
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть триумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младаго внука своего.

Примѣчаніе. „Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань“.

Здѣсь говорится о генераль-фельдмаршалѣ И. О. Паскевичѣ-Эриванскомъ (17821—856 г.), который въ качествѣ главнокомандующаго въ 1827 г. взялъ Тавризь и Эривань, въ Турецкую войну 1829 г. взялъ Карсъ и Арзрумъ (главный городъ Азіатской Турціи), а въ 1831 году окончилъ войну съ Польшею штурмомъ Варшавы. Потомъ онъ былъ намѣстникомъ въ Варшавѣ до самой своей смерти. У Пушкина въ описаніи „Путешествія въ Арзрумъ“ 1829 г. говорится о Паскевичѣ, какъ искусномъ и неустрашимомъ полководцѣ.

78. 19 октября 1831 (1831 г.).

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ задравныхъ чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно ль, друзья?.. Но двадцать лѣтъ
Тому прошло, и что же вижу?
Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.

Тагъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рогъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ
И назначалъ свои закланья;

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой—
И всѣхъ мы братски поминали.

И, мнится, очередь за мной...
Зоветь меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышлений,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній.

79. Эхо (1831 г.).

(Изъ Томаса Мура).

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—

На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внимлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—

И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзываетъ... Таковъ
И ты поэтъ!

Примѣчаніе. Стихотвореніе замѣчательное по взгляду Пушкина на поэзію. Поэтъ отзывается на все въ мірѣ.

80. Въ альбомъ А. О. Россети (1832 г.).

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра.
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набѣло.

Примѣчаніе. Написано для дѣвицы Россети, принадлежавшей къ лучшимъ украшеніямъ петербург-

скаго общества по простотѣ, любезности и уму. Она была фрейлиной двухъ императрицъ—Маріи Ѳеодоровны (супруги императора Павла 1-го) и Александры Ѳеодоровны (супруги императора Николая). Многіе наши поэты (А. С. Хомяковъ, В. А. Жуковскій, М. Ю. Лермонтовъ и А. С. Пушкинъ) писали ей стихи; Гоголь былъ съ нею въ перепискѣ. И. С. Аксаковъ (1823—1886 г.) рассказываетъ слѣдующее о происхожденіи настоящаго стихотворенія: „Однажды въ Петербургѣ, въ день ея рожденія, Пушкинъ, гуляя, зашелъ въ магазинъ на Невскомъ, купилъ альбомъ не особенно нарядный, но съ большими листами, занесъ къ себѣ домой и потомъ самъ же принесъ его къ Александрѣ Осиповнѣ (имя и отчество Россети) съ такими стихами:

„Въ тревогѣ пестрой и безплодной“ и т. д. Александра Осиповна очень дорожила этими стихами, но особенно стихомъ: „И какъ дитя была добра“. И это была правда... „Императоръ Николай зналъ ея дружескія отношенія къ Пушкину, часто черезъ нее получалъ отъ Пушкина и передавалъ ему обратно рукописныя его произведенія. Россети впослѣдствіи была замужемъ за Н. М. Смирновымъ (губернаторъ въ Калугѣ, ум. 1872 г.) и не прекращала сношеній со своими друзьями,—напротивъ, ея гостиная или, лучше сказать, сама она была долго и долго притягательною силою для всѣхъ выдающихся художниковъ, писателей и мыслящихъ людей. И. С. Аксаковъ, во время службы своей въ Калугѣ, тоже былъ посѣтителемъ гостиной А. О. Смирновой. Она умерла 1882 г., вдовою, на 72 году своей жизни, въ Москвѣ.

81. Гусарь (1833 г.).

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:

„Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую квартиру!

„Здѣсь человекъ берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ;
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

Здѣсь на тебя, какъ лютый звѣрь,
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью ни нагайкой.

„То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару подавай,
А молодежи — молодушки!

„Ей-ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки чернобровой.
Однимъ, однимъ не хороши...“
— А чѣмъ же? Расскажи служивый. —

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: „Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ-быть, не трусь,
Да глупъ, а мы видали виды.

„Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ; замѣчай-ка.

„Вотъ, съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвить грубо;

„Напьюсь — уложить, и сама
Опохмелиться приготовить;

Мигну бывало: эй, кума!—
Кума ни въ чемъ не прекословить.

„Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? Врагъ попуталъ, видно.

„Зачѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? Кто просить?
Шалить Марусенька моя;
Куда ее лукавый носить?

„Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы чернѣй,
И на дворѣ шумѣла буря).

„И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула

„И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой;
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И, сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

„Раздѣлась донага; потомъ
Изъ склянки три раза хлебнула—
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

„Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И съ печки слѣзъ—и вижу: склянка.

„Понюхалъ: кисло! что за дрянь?
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?

Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лохань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

„Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ склянкой—
Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!.. И вотъ
И онъ туда же за лоханкой.

„Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ-маршъ! все въ печку поскакало.

„Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку выпилъ; вѣрь не вѣрь—
Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.

„Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!.. и наземь упадаю.

„Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

„Я плюнулъ и сказать хотѣлъ...
И вдругъ бѣжить моя Маруся:
—Домой! кто звалъ тебя, пострѣль?
Тебя съѣдятъ!—Но я, не струся:

„Домой? Да! чорта съ два! почему
Миѣ знать дорогу!—Ахъ, онъ странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный.—

„Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ ты, дура!

Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

„Коня!—На, дурень, вотъ и конь.--
И точно: конь передо мною
Скребетъ копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

— „Садись.—Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки—нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня—
И очутились мы у печки.

„Гляжу: все такъ же; самъ же я
Сижу верхомъ, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вотъ что случается порою!“

И сталъ крутить свой длинный усъ,
Прибавя: „Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ-быть, не трусь,
Да глупъ, а мы видали виды“.

Примѣчаніе. Стихотвореніе, показывающее знакомство Пушкина съ народными суевѣріями.

82. Мицкевичъ (1834 г.).

. Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,

Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!.. О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

Примѣчаніе. Мицкевичъ, знаменитый польскій поэтъ, посѣтилъ Петербургъ въ 1824 г. и радушно былъ принимаемъ разными слоями нашего общества, куда нерѣдко являлся съ Пушкинымъ и былъ привѣтствуемъ другими нашими поэтами — В. А. Жуковскимъ, кн. П. А. Вяземскимъ. Вмѣстѣ съ Пушкинымъ они иногда говорили стихотворные экспромпты на разные случаи. Впослѣдствіи Мицкевичъ сдѣлался политическимъ противникомъ Россіи, по выраженію кн. П. А. Вяземскаго. Пушкинъ въ приведенномъ стихотвореніи молить Бога возвратить „миръ“ въ озлобленную душу польскаго поэта и тѣмъ показываетъ челоуѣколюбивое (гуманное) настроеніе своей лиры и души.

83. Къ Н**. (1834 г.).

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтель ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ, подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.

Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.

Въ порывѣ гнѣва и печали

Ты проклялъ насъ, бессмысленныхъ дѣтей,

Разбивъ листы своей скрижали...

Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ вы-
соты

Скрываться въ тѣнь долины малой,

Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты

Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Примѣчаніе. Стихотвореніе писано къ императору Николаю I-му. Происхожденіе стихотворенія объясняетъ намъ Н. В. Гоголь: „Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралось; но государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ Илиаду и нечувствительно увлекся ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе, и плодомъ его была слѣдующая величественная ода: „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ“ и пр.“

84. Д. В. Давыдову (1836 г.).

(При посылкѣ „Исторіи Пугачевского бунта“).

Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою!

Не удалось мнѣ за тобою

При громѣ пушечномъ, въ огнѣ,
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго Пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ,
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудный,
Ты—мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ; при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плуть, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоёмъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

Примѣчаніе. Д. В. Давыдовъ (1784—1839 г.)—извѣстный лирическій поэтъ временъ Пушкина и военный писатель (самая замѣчательная его статья военнаго содержанія носить названіе: „Воспоминаніе о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау“). Во время войны 1812 г. онъ участвовалъ, равно и въ другихъ войнахъ бывшихъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Былъ адъютантомъ при князѣ Багратионѣ.

85. Полководецъ (1835 г.).

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ,
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ
мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ, а все плащи да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.

Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарились и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.

Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой но-
вой

Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ
голый,

Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье—
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслию великой,
И въ имени твоёмъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,

Въ угоду имъ, тебя лукаво порицалъ...
И долго, укрѣплень могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ непоколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ:
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманнй глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ слышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Воотще!—

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

Примѣчаніе. Стихотвореніе это относится къ знаменитому полководцу 1812 года Барклаю-де-Толли, Михаилу Богдановичу (1761—1818 г.). Н. И. Гречъ (1787—1867 г.) писалъ объ этомъ стихотвореніи: „Прочитавъ въ 3-й книжкѣ Современника (этотъ журналъ началъ издавать Пушкинъ) стихотвореніе ваше „Полководецъ“, не могу удержаться отъ изліянія предъ вами, отъ полноты сердца, искреннихъ чувствъ глубокаго уваженія и признательности къ вашему таланту и благородному его употребленію. Этимъ стихотвореніемъ, образцовымъ и по наружной отдѣлкѣ, вы доказали свѣту, что Россія имѣетъ въ васъ истиннаго поэта, ревнителя чести, жреца правды, благороднаго поборника добродѣтели, возносящагося свѣтлымъ ликомъ и чистою душою надъ туманами предразсудковъ, повѣрій и страстей, въ которыхъ коснѣетъ пресмыкающаяся долу прозаи-

ческая чернь. Честь вамъ, слава и благодареніе! Вы начали истинное, дѣйствительное, единственное назначеніе поэзіи“.

„И въ полковыхъ рядахъ сокрылся одиноко“.

Этотъ стихъ показываетъ, что Барклай-де-Толли, будучи военнымъ министромъ въ 1812 г., при назначеніи Кутузова главнокомандующимъ, подчинился ему, и въ Бородинскомъ сраженіи участвовалъ, какъ простой генералъ. Военный историкъ, генералъ Богдановичъ, говоритъ: „Барклай, котораго величавое спокойствіе въ этомъ сраженіи изумляло всѣхъ сподвижниковъ его, и который являлся вездѣ, гдѣ встрѣчалась наибольшая опасность, прибылъ на батарею. Почти всѣ находившіеся при немъ были убиты либо ранены. Онъ искалъ смерти, но смерть щадила его; казалось—судьба сохранила дни его для того, чтобы Россія имѣла время воздать должную дань благодарности своему полководцу“.

Объясненіе.

(О стихотвореніи „Полководецъ“).

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уронны, предоставивъ своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣды и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣ-

реніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унизить священную славу Кутузова, однако жъ меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русскіе, что оно звучитъ русскимъ звукомъ.

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, гдѣ равенъ былъ неравный споръ, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Гарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія). Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты, ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели, послѣ 25-лѣтняго безмолвія, поэзіи не дозволено произнести его имя съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?.. Конечно, не народомъ и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тя-

жела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствиємъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самомъ себѣ, молча идущій къ сокроуенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей бы то ни было, а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить ни унижить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту ступень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно, не достойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души.

За этимъ объясненіемъ Пушкина слѣдовали стихи „Къ тѣни полководца“, посвященные герою 1812 года, Михаилу Иларіоновичу Кутузову, князю Смоленскому. Точки въ стихотвореніи „Полководецъ“ поставлены Пушкинымъ.

86. Къ тѣни полководца (1835 г.).

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главою...

Все спить кругомъ; однѣ лампы
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спить сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоємъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и спасъ...

Примѣчаніе. Написано въ честь главнокомандующаго войсками въ 1812 году кн. М. И. Кутузова-Смоленскаго (1745—1813 г.). Родился онъ въ С.-Петербургѣ, умеръ въ Бунцлау (въ Силезіи), могила его въ С.-Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ. Въ стихахъ Пушкина описывается внутренній видъ собора, и указывается важнѣйшая заслуга Кутузова—спасеніе Россіи отъ Наполеона въ 1812 году.

Екатерининскіе орлы, т. е. государственные люди вѣка императрицы Екатерины II-й: кн. Г. А. Потемкинъ-Таврическій, гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскій, гр. А. Ѳ. Орловъ-Чесменскій, гр. А. В. Суворовъ-Рымникскій и др.

87. Туча (1835 г.).

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,

Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь лигующій день.

Ты небо недавно кругомъ облежала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

81. Пиръ Петра Перваго (1835 г.).

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ:
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира ль просить грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у шведа
Прибыль Брантовъ утлый боть,
И пошелъ навстрѣчу дѣда

Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь—
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтель сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургъ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Примѣчаніе. Петръ Первый (1672—1725 г.), императоръ Россіи, представленъ здѣсь въ лучезарномъ видѣ: онъ покорилъ себѣ сердца своимъ великодушіемъ.

„Брантовъ утлый ботъ“—это знаменитый „Дѣдуш-ка русскаго флота“, найденный Петромъ еще въ юности его въ Москвѣ, исправленный и устроен-ный голландцемъ Карштенъ-Брантомъ и послужив-ший основаніемъ русскому флоту; его разъ въ годъ выводили въ невскія воды въ Петербургъ, и встрѣ-ча сопровождалась пальбою изъ пушекъ и народ-нымъ ликованіемъ. Онъ и до сихъ поръ сохраняет-ся въ Петербургъ, въ Петропавловской крѣпости.

89. Вновь я посѣтилъ (1835 г.).

. Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ опальный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ...
А вечеромъ, при завываньѣ бури,
Ея рассказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ...
Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, вспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ золотыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;

Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбагъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...

На границѣ

Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоять: одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь молодая роща разрослась;
Зеленая семья кругомъ тѣснится
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
Попрежнему все пусто.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,

Пройдетъ онъ мимо васъ во мракъ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

Въ разны годы

Подъ вашу сѣнь, михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни. Годы
Промчались, и вы во мнѣ пріяли
Усталого пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньѣ часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной,—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства...

Примѣчаніе. Описывается Михайловское, усадьба матери Пушкина, близъ Святогорскаго монастыря, Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи,—любимое мѣсто пребыванія Пушкина, особенно въ осеннее время. Здѣсь онъ безотлучно пребывалъ 1824—1826 г., по возвращеніи съ юга Россіи.

90. Юноша! (1835 г.).

Юноша! скромно пируй и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣ-
шай.

Примѣчаніе. Помѣщается въ образецъ умѣнья Пушкина писать маленькія стихотворенія, изъ двустишія состоящія.

91. „Когда за городомъ задумчивъ я брожу“ (1836 г.).

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу—
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гниютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолей
(Дешеваго рѣзца нелѣпныя затѣи!),
Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ,
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;

Ворами отъ столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія, зѣвующія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждуть—
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня уныніе находитъ,
Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Вблизи камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мо-
хомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя...

92. Художнику (1836 г.).

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою ма-
стерскую:

Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.
 Сколько боговъ и богинь и героевъ!.. Вотъ Зевсъ—
 громовержецъ;
 Вотъ исподлобья глядитъ, дую въ цѣвницу, сатиръ;
 Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель
 Кутузовъ;
 Тутъ Аполлонъ—идеаль, тамъ Ниобея—печаль...
 Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ въ толпѣ молчаливыхъ
 кумировъ
 Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
 Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и
 совѣтникъ.
 Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился то-
 бой!

Примѣчаніе. Написано къ художнику Гальбергу.
Барклай названъ „зачинателемъ“ потому, что онъ
 началъ борьбу съ Наполеономъ въ 1812 году,—
Кутузовъ—„совершителемъ“ потому, что онъ изгналъ
 Наполеона изъ Россіи и тѣмъ завершилъ войну
 1812 года.

93. Молитва (1836 г.).

Отцы-пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
 Сложили множество божественныхъ молитвъ;
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ
 Во дни печальные Великаго поста;
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
 И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
 „Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
 Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
 И празднословія не дай душѣ моей;
 Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,

И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.“

Примѣчаніе. Одно изъ превосходныхъ стихотвореній Пушкина, выражающихъ религиозное направленіе, которое принялъ его талантъ въ послѣдніе годы жизни поэта.—Въ этомъ стихотвореніи представлено переложеніе молитвы св. Ефрема Сирина, отца Церкви IV-го вѣка; ее произноситъ наша Церковь во время Великаго поста.

94. 19 октября 1836 г. (1836 г.).

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея затѣй

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился:
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился,
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ,
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ,
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается,
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора. Ужъ двадцать-пятый разъ
Мы празднуемъ лица день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной,—
И какъ они перемѣнили насъ!
Не даромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
Не сѣтуйте; таковъ судьбы законъ.

Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!..
Игралица таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высились и падали цари,
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынь —
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынь
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей,
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа
Еще грозилъ и колебался онъ,

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались,
И въ снѣнъ наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шель мимо насъ..! И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонь
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался;
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ его—и Русь оставилъ онъ,
Взнесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ,
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый царь, суровый и могучій,
На рубежѣ Европы бодро сталъ,
И надъ землей сошлись новы тучи,
И ураганъ ихъ...

Примѣчаніе. Съ этимъ стихотвореніемъ связанъ слѣдующій рассказъ: „Извѣстно, что воспитанники лицея всегда собирались 19 октября (день основанія лицея) къ одному изъ товарищей, читали стихи, бесѣдовали о прошломъ и *записывали слова и рѣчи присутствующихъ*, обозначая послѣднихъ школьными именами и указывая, гдѣ находились тѣ изъ нихъ, кого не было на лицѣ. Пушкинъ писалъ къ этому дню всѣ свои пьесы, извѣстныя подъ заглавіями: „19 октября“. По обыкновенію, и въ 1836 г. онъ приготавливалъ лирическую пѣсню, но не успѣлъ ее докончить. Въ день праздника онъ извинился передъ товарищами, что прочтетъ имъ пьесу, не вполне додѣланную, развернулъ листъ бумаги, помолчалъ немного и только что началъ, при всеобщей тишинѣ, свою удивительную строфу:

„Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...“,

какъ слезы полились изъ глазъ его. Онъ положилъ бумагу на столъ и отошелъ въ уголокъ комнаты, на диванъ... Другой товарищъ уже прочелъ за него послѣднюю лицейскую годовщину“.

Агамемнономъ въ этомъ стихотвореніи называется императоръ Александръ I-й (1777—1825 г.), возвратившійся изъ Парижа со славою и честью, какъ побѣдитель Наполеона I-го.

95. Памятникъ (1836 г.).

Exegi monumentum.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пиитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божию, о муза, будь послушна:
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету приѣмли равнодушно
И не оспаривай глупца.

ЭПИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

І. П О Э М Ы.

1. Русланъ и Людмила (1817—1820 г.).

ПРОЛОГЪ.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ,
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;

Въ темницѣ тамъ царевна тужить,
А бурый волкъ ей вѣрно служить;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню,—сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ грядницѣ высокой
Владиміръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя славнаго Руслана
И медъ изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шицѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжить гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.

Всѣ смолгли, слушаютъ баяна:
И славить сладостный пѣвецъ
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но, страстью пылкой утомленный,
Не ѣсть, не пьеть Русланъ влюбленный,
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ
И, щипля усь отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждая мгновенья.
Въ уныньѣ, съ пасмурнымъ челомъ,
За шумнымъ свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя молодые;
Безмолвны, за ковшомъ пустымъ,
Забыли кубки круговые
И брашна неприятны имъ;
Не слышать вѣщаго баяна,
Потушили смущенный взглядъ,—
То три соперника Руслана;
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ—Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ кievскихъ полей;
Другой—Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Последній, полный страстной думы,
Младой хазарскій ханъ Ратмиръ.
Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ конченъ онъ; встаютъ рядами,
Смѣшались шумными толпами
И всѣ глядятъ на молодыхъ:
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ приуныла,

И свѣтель радостный женихъ.
Но тѣнь объемлетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ отъ меду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньѣ:
Ласкаетъ онъ въ воображеньѣ
Стыдливой дѣвы красоту;
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету.

И вотъ невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампадку зажигаетъ Лель.
Свершились милыя надежды,
Любви готовятся дары;
Падутъ ревнивыя одежды
На цареградскіе ковры...
Вы слышите ль влюбленный шопоть,
И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
И прерывающійся ропоть
Послѣдней робости?.. Супругъ
Восторги чувствуетъ заранѣ;
И вотъ они настали... Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампадка гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклось, все дрожить,
И замерла душа въ Русланѣ...
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ странный,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣе мглы туманной...
И снова теремъ пусть и тихъ.
Встаетъ испуганный женихъ;
Съ лица катится потъ остылый;

Трепеща, хладною рукой
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...
О горе, нѣтъ подруги милой!
Хватаетъ воздухъ онъ пустой;
Людмила нѣтъ во тѣмѣ густой,
Похищена безвѣстной силой!

Ахъ, если мученикъ любви
Страдаетъ страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ-долгихъ лѣтъ
Обнять влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, тоски предметъ,
И вдругъ минутную супругу
На вѣкъ утратить... О, друзья,
Конечно, лучше бъ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастный.
Но что сказалъ великій князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распался,
Его и дворъ онъ созываетъ:
„Гдѣ, гдѣ Людмила?“ вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ.— „Дѣти, други!
Я помню прежнія заслуги:
О, сжальтесь вы надъ старикомъ!
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моею?
Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому—терзайся, плачь, злодѣй!
Не могъ сберечь жены своей!—
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ полцарствомъ прадедовъ моихъ.
Кто жъ вызовется, дѣти, други?..“
— „Я!“ молвилъ горестный женихъ.
„Я! я!“ воскликнули съ Рогдаемъ

Фарлафъ и радостный Ратмиръ:
„Сейчасъ коней своихъ сѣдлаемъ,
Мы рады весь изѣздить мѣръ;
Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки;
Не бойся, ѣдемъ за княжной!“
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ.
Русланъ унынемъ какъ убитъ;
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садятся на коней ретивыхъ;
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Летятъ въ клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Ужъ всадниковъ не видно болѣ...
Но долго все еще глядитъ
Великій князь въ пустое поле
И думой имъ во слѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
И мысль, и память потерявъ.
Черезъ плечо глядя спѣсиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ѣхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ: „Насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
Ужъ то-то крови будетъ течъ,
Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!..
Повеселись, мой вѣрный мечъ,
Повеселись, мой конь ретивый!“

Хазарскій ханъ, въ умѣ своемъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;

Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня надежды полонъ взоръ;
То скачетъ онъ во весь опоръ,
То дразнить бѣгуна лихаго,
Кружить, подъемлетъ на дыбы,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчитъ—ни слова...
Страшась невѣдомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безпокоенъ онъ,
И часто взоръ его ужасный
На князя мрачно устремленъ.

Соперники одной дорогой
Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра сталъ темень брегъ отлогій;
Съ востока льется ночи тѣнь;
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
Широкій пересѣкъся путь.
„Разъѣдемся, пора!—сказали,—
Безвѣстной ввѣримся судьбѣ“.
И каждый конь, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пустынной тишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ!
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ твоей
Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра...

Но вдругъ предъ витяземъ пещера:
Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней

Идетъ подъ дремлющiе своды,
Ровесники самой природы.
Вошелъ съ уныньемъ, что же зрить?
Въ пещерѣ старецъ: ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая;
Лампада передъ нимъ горитъ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.

„Добро пожаловать, мой сынъ!—
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:—
Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни вяну;
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы;
Но зла промчится быстрый мигъ:
На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

„Узнай, Русланъ: твой оскорбитель—
Волшебникъ страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полночныхъ обладатель горъ.
Еще ничей въ его обитель
Не проникалъ донинѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей!
Тебѣ сказать не долженъ болѣ.
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ“.

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣтлѣетъ мiръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ, и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...
„Ясна тоски твоей причина,
Но грусть не трудно разогнать,—
Сказалъ старикъ:—тебѣ ужасна
Любовь сѣдаго колдуна;
Спокойся, знай: она напрасна
И юной дѣвѣ не страшна.
Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона,
Онъ свистнетъ—задрожитъ луна;
Но противъ времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замковъ безжалостныхъ дверей,
Онъ только немощный мучитель
Прелестной плѣнницы своей:
Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Клянеть жестокой жребій свой...
Но, добрый витязь, день проходитъ,
А нуженъ для тебя покой“.

Русланъ на мягкій мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнемъ;
Онъ ищетъ позабыться сномъ,
Вздыхаетъ, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконецъ:
„Не спится что-то, мой отецъ!
Что дѣлать! боленъ я душою,
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить!
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.
Прости мнѣ дерзостный вопросъ,
Откройся: кто ты, благодатный,

Судьбы наперсникъ непонятный?
Въ пустыню кто тебя занесъ?“

Вздохнувъ, съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: „Любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальней
Угрюмый край. Природный Финнъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоняя стадо селъ окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано недолго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ
Она гремѣла красотою.
Однажды утренней порою
Свой стада на темный лугъ
Я гналъ, волынку надувая;
Передо мной шумѣлъ потокъ.
Одна красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, витязь, то была Наина!
Я къ ней—и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ открылся ей,
Сказалъ: люблю тебя, Наина!
Но робкой горести моей

Наина съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвѣчала:
Пастухъ, я не люблю тебя!

И все мнѣ дико, мрачно стало:
Родная куца, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ—
Ничто тоски не утѣшало.
Въ уныньѣ сердце сохло, вяло,
И наконецъ задумалъ я
Оставить финскія поля,
Морей невѣрныя пучины
Съ дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
Искать опасностей и злата.
Впервые тихій край отцовъ
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ не мирныхъ челноковъ.
Я вдаль уплылъ, надежды полный,
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
Мы десять лѣтъ снѣга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей,
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары
И съ побѣжденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Подъ шумомъ битвы и пировъ
Томилось тайною кручиной,
Искало финскихъ береговъ.

Пора домой, сказалъ я, други!
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣнью хижины родной!
Сказалъ—и весла зашумѣли;
И, страхъ оставя за собой,
Въ заливъ отчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влетѣли.

Сбылись давнишнія мечты,
Сбылися пылкія желанья!
Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленный,
Кораллы, золото и жемчугъ;
Предъ нею, страстью упоенный,
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась отъ меня,
Промолвя съ видомъ равнодушнымъ:
Герой, я не люблю тебя!
Къ чему рассказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы?
Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню горестъ, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родится,
По бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая катится.

Но слушай: въ родинѣ моей,
Между пустынныхъ рыбаей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой

Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ и самая любовь.

И я, любви искатель жадный,
Рѣшился въ грусти безотрадной
Наину чарами привлечь
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ
И тамъ, въ ученѣ колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслию постигъ:
Узналъ я силу заклинаньямъ;
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
Теперь, Наина, ты моя!
Побѣда наша, думалъ я,
Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ—и въ тьмѣ лѣсной
Стрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихоръ поднялъ вой,
Земля вздрогнула подъ ногой...
И вдругъ сидитъ передо мной
Старушка дряхлая, сѣдая,
Глазами впалыми свергая,
Съ горбомъ, съ трясучей головой,
Печальной ветхости картина.
Ахъ, витязь, то была Наина!..

Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣннѣ все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
—Возможно ль! ахъ, Наина, ты ли!
Наина, гдѣ твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя такъ страшно измѣнили?
Скажи, давно ль, оставя свѣтъ,
Разстался я съ душой и съ милой?
Давно ль?.. „Ровно сорокъ лѣтъ!—
Быль дѣвы роковой отвѣтъ;—
Сегодня семьдесятъ мнѣ било.
Что дѣлать!—мнѣ пищитъ она:—
Толпою годы пролетѣли,
Прошла моя, твоя весна—
Мы оба постарѣть успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда
Невѣрной младости утрата.
Конечно, я теперь сѣда,
Немножко, можетъ-быть, горбата,
Не то, что встарину была,
Не такъ жива, не такъ мила,
За то [прибавила болтунья]
Открою тайну: я колдунья!“

И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижимый передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.

Но вотъ ужасно: колдовство
Вполнѣ свершилось по несчастью:
Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало новой страстью.
Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
Могильнымъ голосомъ уродъ
Бормочетъ мнѣ любви признанье.

Вообрази мое страданье!
Я трепеталъ, потупя взоръ;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый страшный разговоръ:
„Такъ, сердце я теперь узнала;
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для нѣжной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди въ объятія мои...
О милый, милый, умираю!...“

И между тѣмъ она, Русланъ,
Мигала томными глазами,
И между тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между тѣмъ—я обмиралъ,
Отъ ужаса зажмуря очи;
И вдругъ терпѣть не стало мочи,
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
Она во слѣдъ: „О недостойный!
Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
Невинной дѣвы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь—вотъ мужчины!
Измѣной дышутъ всѣ они!
Увы, сама себя вини;
Онъ обольстилъ меня, несчастный!
Я отдалась любви страстной...
Измѣнникъ! извергъ! о позоръ!
Но трепещи, дѣвичій воръ!“

Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой,
И въ мѣрѣ старцу утѣшенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зоветь меня могила,

Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидить и тебя,
Но горе на землѣ не вѣчно“.

Нашъ витязь съ жадностью внималъ
Разказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыхалъ.
Но день блистаетъ лучезарный...
Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна,
Душа надеждою полна;
Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
Русланъ заржавшаго коня,
Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ:
„Отецъ мой, не оставь меня!“
И скачетъ по пустому лугу.
Съдой мудрецъ младому другу
Кричитъ во слѣдъ: „Счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!“

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой;
Несите мрачной славѣ дани
И упивайтесь враждой!
Пусть мѣръ предъ вами цѣпенѣтъ,
Дивяся грознымъ торжествамъ:
Никто о васъ не пожалѣтъ,

Никто не помѣшаетъ вамъ.
 Соперники другого рода,
 Вы, рыцари парнасскихъ горъ,
 Старайтесь не смѣшить народа
 Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
 Бранитесь, только осторожно.
 Но вы, соперники въ любви,
 Живите дружно, если можно.
 Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
 Кому судьбою непремѣнной
 Дѣвичье сердце суждено,
 Тотъ будетъ милъ на зло вселенной;
 Сердиться глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукротимый,
 Глухимъ предчувствіемъ томимый,
 Оставя спутниковъ своихъ,
 Пустился въ край уединенный
 И ѣхаль межъ пустынь лѣсныхъ,
 Въ глубокую думу погруженный—
 Злой духъ тревожилъ и смущалъ
 Его тоскующую душу,
 И витязь пасмурный шепталъ:
 „Убью!.. преграды всѣ разрушу...
 Русланъ!.. узнаешь ты меня...
 Теперь-то дѣвица поплачетъ...“
 И вдругъ, поворотивъ коня,
 Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
 Все утро сладко продремавъ,
 Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
 У ручейка, наединѣ,
 Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
 Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
 Какъ вдругъ, онъ видитъ, кто-то въ полѣ,
 Какъ буря, мчится на конѣ,
 И времени не тратя болѣ,

Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ.
Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло и безъ оглядки
Летитъ,—а тотъ занимъ во слѣдъ.
„Остановись, бѣглець безчестный!“—
Кричитъ Фарлафу неизвѣстный;—
„Презрѣнный, дай себя догнать!
Дай голову съ тебя сорвать!“
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмиралъ
И, вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣе гналъ.
Такъ точно заяцъ торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга,
Весной растопленнаго снѣга
Потоки мутные текли
И рыли влажную грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальные закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ,
Но робкій всадникъ вверху ногами
Свалился тяжело въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами
И смерть принять ужъ былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ;
Жестокій мечъ ужъ занесенъ;
„Погибни, трусь! Умри!“ вѣщаетъ...
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
Глядитъ, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его чертахъ изобразились;
Скрипя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою,

Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
Бѣсился... но едва-едва
Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
Старушечку, чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
Она дорожною флюкой
Ему на сѣверъ указала:
„Ты тамъ найдешь его“, сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: „живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?“
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
„Встань, молодецъ, все тихо въ полѣ;
Ты никого не встрѣтишь болѣ;
Я привела тебѣ коня;
Вставай, послушайся меня“.

Смущенный витязь поневолѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздохнулъ и молвилъ, оживая:
„Ну, слава Богу, я здоровъ!“

„Повѣрь!—старуха продолжала:—
Людмилу мудрено сыскать:
Она далеко забѣжала;
Не намъ съ тобой ее достать.
Опасно развѣзжать по свѣту;
Ты, право, будешь самъ не радъ.
Послѣдуй моему совѣту,
Ступай тихохонько назадъ.“

Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,
Въ своемъ наслѣдственномъ селеньѣ
Останься лучше безъ заботъ:
Отъ насъ Людмила не уйдетъ“.

Сказавъ, исчезла. Въ нетерпѣньѣ
Благоразумный нашъ герой
Тотчасъ отправился домой,
Сердечно позабывъ о славѣ
И даже о княжнѣ младой,
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межь тѣмъ Русланъ далеко мчится,
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычной думою стремится
Къ Людмилѣ, радости своей,
И говорить: „Найду ли друга?
Гдѣ ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой свѣтлый взоръ?
Услышу ль нѣжный разговоръ?
Иль суждено, чтобъ чародѣя
Ты вѣчной плѣнницей была
И, скорбной дѣвою старѣя,
Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
Или соперникъ дерзновенный
Придетъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный,
Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
Еще глава не пала съ плечъ“.

Однажды, темною порою,
По камнямъ, берегомъ крутымъ
Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ и крикъ, и ржанье,
И топотъ по полю глухой.

„Стой!“ грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копье, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ—и грозой
Помчался князь ему навстрѣчу.

„Ага! догналъ тебя! постой!“

Кричитъ наѣздникъ удалой:

„Готовься, другъ, на смертну сѣчу;
Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ;
А тамъ ищи своихъ невѣсть“.
Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва;
Онъ узнаетъ сей буйный гласъ...

Друзья мои, а наша дѣва?

Оставимъ витязей на часъ;
О нихъ опять я вспомню вскорѣ,
А то давно пора бы мнѣ
Подумать о молодой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромный,
Я рассказалъ, какъ ночью темной
Людмилы нѣжной красоты
Отъ воспаленнаго Руслана
Сокрылись вдругъ среди тумана.
Несчастная! когда злодѣй,
Рукою мощною своей
Тебя сорвалъ съ постели брачной,
Взвился какъ вихоръ къ облакамъ
Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачный
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ—
Ты чувствъ и памяти лишилась,
И въ страшномъ замкѣ колдуна,
Безмолвна, трепетна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,

Когда за курицей трусливой,
Султанъ курятника спѣсивый,
Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ,—
Надъ ними хитрыми кругами
Цыплятъ селенья старый воръ,
Пріявъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый
И палъ какъ молнія на дворъ.
Взвился, летитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ
Во тьму разсѣлинъ безопасныхъ
Уноситъ бѣдную злодѣй.
Напрасно, горестью своей
И хладнымъ страхомъ пораженный,
Зоветь любовницу пѣтухъ...
Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
Летучимъ вѣтромъ занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ,
Объята,—наконецъ она
Очнулася, пламеннымъ волненьемъ
И смутнымъ ужасомъ полна,
Душой летитъ за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
„Гдѣ-жъ милый“, шепчетъ, „гдѣ супругъ?“
Зоветь—и помертвѣла вдругъ,
Глядитъ съ боязнію вокругъ...
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
Лежитъ несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду ткани парчевыя;

Играють яхонты какъ жаръ;
Кругомъ курильницы золотыя
Подъемлють ароматный паръ.
Довольно... благо мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ томъ.
Но свѣтлый теремъ не отрада,
Когда не видимъ друга въ немъ.

Три дѣвы красоты чудесной
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Княжнѣ явились, подошли
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла,
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приблизилась другая—
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣлъ Людмилы стройный станъ;
Покрылись кудри золотые,
И грудь и плечи молодая
Фатой, прозрачной какъ туманъ.
Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки—чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ.
Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.
Увы! ни камни ожерелья,

Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ;
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красы, ея нарядъ,—
Потупя неподвижный взглядъ,
Она молчить, она тоскуетъ...

Тѣ, кои, правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь,
На зло привычкѣ и разсудку,
Забудетъ въ зеркало взглянуть,—
То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
Къ окну рѣшетчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ
Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоять угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубитъ горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихоръ въ полѣ чистомъ
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья Людмила
Отъ ужаса лицо закрыла.

Увы, что ждетъ ее теперь?
Бѣжитъ въ серебряную дверь;
Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Плѣнительный предѣлъ,
Прекраснѣе садовъ Армиды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумятъ
Великолѣпныя дубровы;
Аллеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотыя апельсины
Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вѣется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей китайскій
Во мракъ трепетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазныя фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ истуканы
И, мнится, живы; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморныя преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валяются, плещутъ водопады
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.
Приютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькаютъ свѣтлыя бесѣдки;

Повсюду розъ живыя вѣтки
Цвѣтуть и дышать по тропамъ...
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустенъ нѣги свѣтлый видъ;
Куда, сама не зная, бродить,
Волшебный садъ кругомъ обходить,
Свободу горькимъ давъ слезамъ,
И взоры мрачныя возводить
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный;
Къ устамъ она прижала перстъ;
Казалось, умысль ужасный
Рожденъ... Страшный путь отверстъ:
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
Въ унынѣ тяжкомъ и глубокомъ
Она подходитъ—и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула.
Ударила, рыдая, въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть,—
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра,
Устала, слезы осушила,
Въ душѣ подумала: пора!
На травку сѣла, оглянулась—
И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,
Шумя, съ прохладой развернулась:
Обѣдъ роскошный передъ ней,
Приборъ изъ яркаго кристалла,
И въ тишинѣ изъ-за вѣтвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится плѣнная княжна,

Но втайнѣ думаетъ она:
„Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ,
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсенъ, ни пировъ—
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ!“
Подумала—и стала кушать.

Княжна встаетъ, и вмигъ шатерь,
И пышной роскоши приборъ,
И звуки арфы... все пропало;
Попрежнему все тихо стало;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скитается изъ рощи въ рощи;
Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плыветъ луна, царица ночи;
Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ
И тихо на холмахъ почила;
Княжну невольно клонить сонъ,—
И вдругъ невѣдомая сила
Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣтерокъ,
Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ чертогъ
И осторожно опускаетъ
Сквозь еиміамъ вечернихъ розъ
На ложе грусти, ложе слезъ.
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вокругъ нея засуетились,
Чтобъ на ночь пышный снять уборъ,
Но ихъ унылый, смутный взоръ
И принужденное молчанье
Являли втайнѣ состраданье

И немощный судьбамъ укорь.
Но поспѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
Раздѣта сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что жъ наша плѣнница теперь?
Дрожить какъ листъ, дохнуть не смѣть;
Хладѣютъ перси, взоръ темнѣть;
Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжить;
Не спать, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядитъ...
Все мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышитъ трепетанье...
И мнится... шепчетъ тишина;
Идутъ—идутъ къ ея постелѣ;
Въ подушки прячется княжна,
И вдругъ... о страхъ!.. и въ самомъ дѣлѣ
Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушкахъ осторожно
Сѣдую бороду несетъ;
И входитъ съ важностью за нею,
Подъявъ величественно шею,
Горбатый карликъ изъ дверей:
Его-то головъ обритой,
Высокимъ колпакомъ покрытой,
Принадлежала борода.
Ужъ онъ приблизился; тогда

Княжна съ постели соскочила,
Сѣдаго карлу за колпакъ
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащій занесла кулакъ
И въ страхъ завизжала такъ,
Что всѣхъ араповъ оглушила.
Трепеща, скорчился бѣднякъ,
Княжны испуганной блѣднѣе,
Зажавши уши поскорѣе,
Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
Запутался, упалъ и бьется;
Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
Араповъ черный рой мятется;
Шумять, толкаются, бѣгутъ,
Хватають колдуна въ охапку
И вонъ распутывать несутъ,
Оставля у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ?
Вы помните ль нежданну встрѣчу?
Бери свой быстрый карандашъ,
Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу!
При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
Ужъ копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты,
Щиты трещать, въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются,
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены,
Переплелись и костенѣють;

По жиламъ быстрый огонь бѣжить;
На вражьей груди грудь дрожить,
И вотъ колеблются, слабѣютъ—
Кому-то пасть?.. Вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой—
И въ волны съ берега бросаетъ.
„Погибни!—грозно восклицаетъ:—
Умри, завистникъ злобный мой!“

Ты догадался, мой читатель,
Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ:
То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
Рогдай, надежда кіевлянъ,
Людмилы мрачный обожатель.
Онъ вдоль днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ,
Нашелъ, настигъ,—но прежняя сила
Питомцу битвы измѣнила,
И Руси древній удалецъ
Въ пустынь свой нашелъ конецъ.
И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла;
И долго послѣ, ночью темной,
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богатыря призракъ огромный
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Напрасно вы въ тѣни таились
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
Стихи мои! вы не сокрылись
Отъ гнѣвныхъ зависти очей.

Ужъ бѣдный критикъ, — ей въ услугу! —
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
Зову и дѣвой, и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тутъ злобы черную печать!
Скажи, зоиль, скажи, предатель,
Ну какъ и что мнѣ отвѣчать?
Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
Краснѣй, я спорить не хочу;
Довольный тѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной кротости молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь томные глаза,
Ты, жертва скучнаго Гимена...
Я вижу: тайная слеза
Падетъ на стихъ мой, сердцу вмятныи;
Ты покраснѣла, взоръ погасъ;
Вздохнула молча... вздохъ понятныи!
Ревнивецъ, бойся — близокъ часъ!
Амуръ съ досадою своенравной
Вступили въ смѣлый заговоръ
И для главы твоей безславной
Готовъ ужъ мстительныи уборъ.

Ужъ утро хладное сіяло
На темени полнощныхъ горъ;
Но въ дивномъ замѣ все молчало.
Въ досадѣ скрытой Черноморъ,
Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати;
Вокругъ браны его сѣдой
Рабы толпились молчаливы,
И нѣжно гребень костяной
Расчесывалъ ея извивы.
Межъ тѣмъ, для пользы и красы,

На безконечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились,—
Какъ вдругъ, откуда ни возьмись,
Въ окно влетаетъ змій крылатый:
Гремя желѣзной чешуей,
Онъ въ кольца быстрыя согнулся
И вдругъ Наиной обернулся
Предъ изумленною толпой.
„Привѣтствую тебя,—сказала,—
Собрать, издавна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой,
Но тайный рокъ соединяетъ
Теперь насъ общеою враждой:
Тебѣ опасность угрожаетъ,
Нависла туча надъ тобой,
И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ“.

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,
Вѣщая: „Дивная Наина!
Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
Мы посрамимъ коварство Финна,
Но мрачныхъ козней не боюсь:
Противникъ слабый мнѣ не страшень;
Узнай чудесный жребій мой:
Сей благодатной бородой
Недаромъ Черноморъ украшеньъ.
Доколь власовъ ея сѣдыхъ
Враждебный мечъ не перерубить,
Никто изъ витязей лихихъ,
Никто изъ смертныхъ не погубить
Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
Моею будетъ вѣкъ Людмила,
Русланъ же гробу обречень!“

И мрачно вѣдьма повторила:
„Погибнетъ онъ! Погибнетъ онъ!“
Потомъ три раза прошипѣла,
Три раза топнула ногой,
И чернымъ змѣемъ улетѣла.

Блистая въ ризѣ парчевой,
Колдунъ, колдуньей ободренный,
Развеселясь, рѣшилъ вновѣ
Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
Усы, покорность и любовь.
Разряженъ карликъ бородатый,
Опять идетъ въ ея палаты,
Проходитъ длинный комнать рядъ:
Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ въ садъ,
Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
Вдоль озера, вкругъ водопада,
Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ!
Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ!
Кто выразить его смущенье,
И ревъ, и трепетъ изступленья!
Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
Раздался карлы дикій стонъ:
„Сюда, невольники, бѣгите!
Сюда! надѣюсь я на васъ!
Сейчасъ Людмилу мнѣ сыщите!
Скорѣе, слышите ль? сейчасъ!
Не то—шутите вы со мною—
Всѣхъ удавлю васъ бородою!“

Читатель, расскажу ль тебѣ,
Куда красавица дѣвалась?
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и смѣялась.
Ее пугала борода,
Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несомѣстенъ.

Навстрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотые
Съ лилейныхъ плечъ приподняла,
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела,
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла,
Вздыхнувъ, одѣлась и съ досады
Тихонько плакать начала,
Однако съ вѣрнаго стекла,
Вздыхая, не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненьѣ своенравныхъ думъ,
Примѣрять шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ,
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ!
Рядиться никогда не лѣнь!
Людмила шапкой завертѣла;
На брови, прямо, на бекрень,
И задомъ напередъ надѣла.
И что жъ? О чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала;
Перевернула—передъ ней
Людмила прежняя предстала;
Назадъ надѣла— снова нѣтъ;
Сняла—и въ зеркалѣ! „Прекрасно!
Добро, колдунъ! Добро, мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно;
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!“
И шапку стараго злодѣя
Княжна, отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся же къ герою.
Не стыдно ль заниматься намъ
Такъ долго шапкой, бороною,
Руслана поруча судьбамъ?
Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокий,
Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся долъ широкой
При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь поневолѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ сбруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый,
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ остовъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вокругъ себя
Взираетъ грустными очами.
„О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?..

Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть-можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть-можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!“

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ,
И даже панцырь, а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходить поле онъ вокругъ;
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись гуль и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
Онъ поднялъ щитъ, не выбирая,
Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ,
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы,
А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ-нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленную землей;
Дымятся синіе туманы,
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ
И видитъ: сѣвось ночной туманъ

Вдали чернѣть холмъ огромный,
И что-то страшное храпить.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышетъ.
Русланъ вникаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ,
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь —
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объаты;
Храпить, качая шлемъ пернатый,
И перья въ темной высотѣ
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньѣ хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ
И, ставъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотитъ ноздри копіемъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихоръ, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;

Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо—конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
„Куда ты, витязь неразумный!
Ступай назадъ; я не шучу!
Какъ разъ нахала проглочу!“
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
„Чего ты хочешь отъ меня?—
Нахмурясь, голова вскричала;—
Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
Прощай!“ Но витязь знаменитый,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
„Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!“

Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали;
Изъ усть, ушей поднялся паръ,
И вдругъ она, что было мочи,
Навстрѣчу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихоръ, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;

Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь изнеможенный
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ—
Вновь отражень, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: „Ай, витязь! Ай, герой!
Куда ты? Тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня“.
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ броя,
Грозитъ ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодный
Вонзился въ дерзостный языкъ,
И кровь изъ бѣшенago зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишаась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.
Въ спокойномъ духѣ горячась,
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушень,
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожить, поникнувъ головой,
И заикаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,

Какъ ястребъ, богатырь летить
Съ подъятой грозною десницей,
И въ щеку тяжелой рукавицей
Съ размаха голову разить.
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
Его схватилъ и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ
Ей носъ и уши обрубить.
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ—
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій стонъ...
И тихо мечъ онъ опускаетъ;
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиренной;
Такъ на долину таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженный.

„Ты вразумилъ меня, герой!—
Со вздохомъ голова сказала;—
Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ тобой.
Отнынѣ я тебѣ послушенъ;
Но, витязь, будь великодушень!
Достоинъ плача жребій мой.
И я былъ витязь удалой!
Въ кровавыхъ битвахъ супостата

Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливъ, когда бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшаго брата!
Коварный, злобный Черноморь,
Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною:
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бородою,
Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть,
И сталъ за то въ душѣ своей
Меня, жестокой, ненавидѣть.
Я былъ всегда немного простъ,
Хотя высокъ, а сей несчастный,
Имѣя самый глупый ростъ,
Умень какъ бѣсъ и золь ужасно.
Притомъ же, знай, къ моей бѣдѣ
Въ его чудесной бородѣ
Таится сила роковая,
И, все на свѣтѣ презирая,—
Доколѣ борода цѣла,—
Измѣнникъ не страшится зла.
Вотъ онъ однажды, съ видомъ дружбы,
—Послушай,— хитро мнѣ сказалъ,
Не откажись отъ важной службы:
Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
Что за восточными горами,
На тихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранится мечъ—и что же? страхъ!
Я разобралъ во тьмѣ волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ,
Что насъ обоихъ онъ погубить:
Мнѣ бороду мою отрубить,
Тебѣ главу; суди же самъ,
Сколь важно намъ приобрѣтенье
Сего созданья злыхъ духовъ!

—Ну, что же? гдѣ тутъ затрудненье?
Сказаль я карлѣ, я готовъ;
Иду, хоть за предѣлы свѣта.—
И сосну на плечо взвалиль,
А на другое для совѣта
Злодѣя-брата посадиль;
Пустился въ дальнюю дорогу,
Шагалъ-шагалъ и, славу Богу,
Какъ бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвалъ;
Я разметаль его руками
И потаенный мечъ досталь.
Но вѣтъ! судьба того хотѣла:
Межъ нами ссора закипѣла—
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
Я спориль, карла горячилъ;
Бранились долго; наконецъ
Уловку выдумаль хитрецъ,
Притихъ и будто бы смягчилъ.

—Оставимъ бесполезный споръ,
Сказаль мнѣ важно Черноморь:
Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
Разсудокъ въ мирѣ жить велить;
Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
Кому сей мечъ принадлежить.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
(Чего не выдумаетъ злоба!)
И кто услышитъ первый звонъ,
Тотъ и владѣй мечемъ до гроба.—
Сказаль и легъ на землю онъ.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!

Но самъ жестоко обманулся.
Злодѣй въ глубокой тишинѣ,
Привставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся,
Какъ вихорь, свистнулъ острый мечъ
И, прежде чѣмъ я оглянулся,
Ужъ голова слетѣла съ плечъ—
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.
Мой остовъ терніемъ обросъ;
Вдали, въ странѣ, людьми забвенной,
Истлѣлъ мой прахъ непогребенный,
Но злобный карла перенесъ
Меня въ сей край уединенный,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
Тобой сегодня взятый мечъ.
О, витязь, ты хранимъ судьбою!
Возьми его, и Богъ съ тобою!
Быть-можетъ, на своемъ пути
Ты карлу-чародѣя встрѣтишь—
Ахъ, если ты его замѣтишь,
Коварству, злобѣ отомсти!
И наконецъ я счастливъ буду,
Спокойно мѣръ оставлю сей,
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду“.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, возставъ отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ тому же—честь и слава имъ!—
Женитьбы наши безопасны...
Ихъ замыслы не такъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.

Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милый—о друзья!
Не вѣрьте имъ, они лукавы!
Страшитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной отравы
И почивайте въ тишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могиль и рая вѣрный житель,
И музы вѣтренной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!
Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь вослѣдъ тебѣ лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слышали,
Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
Предалъ сперва себя съ печали,
А тамъ и души дочерей;
Какъ послѣ щедрымъ подаянемъ,
Молитвой, вѣрой и постомъ
И непритворнымъ покаянемъ
Снискалъ заступника въ святомъ;
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей—
И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей,
Сіи чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья
И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили

Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ,
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрѣли ихъ,
И часто инокинъ святыхъ
На гробъ отцовскій провожали...
И что жъ, возможно ль?... намъ солгали!
Но правду возвѣщу ли я?..

Младой Ратмиръ, направля къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужъ думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерѣлъ;
Напрасно витязь предъ собою
Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
Все было пусто надъ рѣкою.
Зари послѣдній лучъ горѣлъ
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
Тихонько проѣзжалъ и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искалъ.
Онъ на долину выѣзжаетъ
И видитъ: замокъ на скалахъ
Зубчаты стѣны возвышаетъ;
Чернѣютъ башни на углахъ;
И дѣва по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокій,
Идетъ, зарей освѣщена;
И дѣвы пѣснь едва слышна
Долины въ тишинѣ глубокой.

„Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!

„Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

„У насъ найдешь красавицъ рой;
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

„Тебѣ мы съ утренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье.
Приди на мирное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

„Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!“

Она манить, она поетъ—
И юный ханъ ужъ подъ стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окружень; съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
Въ чертоги входитъ ханъ молодой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая—кованая латы,
Та мечъ беретъ, та—пыльный щитъ;
Одежда нѣги замѣнитъ
Желѣзные доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведутъ
Къ великолѣпной русской банѣ.
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряные чаны,

И брызжутъ хладные фонтаны,
Разостланъ роскошью коверъ—
На немъ усталый ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится.
Потупя нѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя
Тѣснятся рѣзвою толпой.
Надъ рыцаремъ иная машетъ
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ огъ нихъ душистый пашетъ;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Устала члены прохлаждаетъ
И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенный
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ;
Бродящій взоръ его блеститъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Но вотъ выходитъ онъ изъ бани.
Одѣтый въ бархатныя ткани,
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
Садится за богатый пиръ.
Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды греческихъ дружинъ,
И звонъ, и пѣну чашъ глубокихъ.
Милѣе по слѣдамъ Парни
Мнѣ славить лирою небрежной
И наготу въ ночной тѣни,
И поцѣлуй любви нѣжной!
Луною замокъ озаренъ;

Я вижу теремъ отдаленный,
Гдѣ витязь томный, воспаленный,
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ горять;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манять;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ—и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вотъ въ глубокой тишинѣ
Дверь отворилась; полъ ревнивый
Скрипитъ подъ ножкой торопливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись—твоя настала ночь!
Проснися—дорогъ мигъ утраты!..
Она подходитъ; онъ лежитъ
И въ сладострастной нѣгѣ дремлетъ;
Покровъ его съ одра скользитъ,
И жаркій пухъ чело объемлетъ.
Въ молчаньѣ дѣва передъ нимъ
Стоитъ недвижно, бездыханна,
Какъ лицемѣрная Діана
Предъ милымъ пастыремъ своимъ;
И вотъ она, на ложе хана
Колѣномъ опершись однимъ,
Вздохнувъ, лицо къ нему склоняетъ
Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ,
И сонъ счастливца прерываетъ
Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ...

Но, други, дѣвственная лира
Умолкла подъ моей рукой,
Слабѣетъ робкій голосъ мой—
Оставимъ юнаго Ратмира;

Не смѣю пѣсней продолжать:
Русланъ насъ долженъ занимать,
Русланъ, сей витязь безпримѣрный,
Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.

Упорнымъ боемъ утомленъ,
Подъ богатырской головою
Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
Но вотъ ужъ раннею зарею
Сіяетъ тихій небосклонъ;
Все ясно; утра лучъ игривый
Главы косматый лобъ златить.
Русланъ встаетъ, и конь ретивый
Ужъ витязя стрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ; желтѣютъ нивы;
Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ;
Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
Тяжелый, пасмурный туманъ
Нагіе холмы обвиваетъ;
Зима приблизилась; Русланъ
Свой путь отважно продолжаетъ
На дальный сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ:
То бьется онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,
Русалки, тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младаго
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манять, не говоря ни слова...
Но тайнымъ промысломъ хранимъ,
Безстрашный витязь невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ;

Онъ ихъ не видитъ, имъ не внимлетъ—
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, никѣмъ незрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другъ мыслить и вздыхаетъ,
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ кievскимъ полямъ
Въ забвеньѣ сердца улетаетъ,
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ—
Забыты плѣнь и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась
И кликала: сюда, сюда!
И всѣ бросались къ ней толпою,
Но въ сторону—незрима вдругъ—
Она неслышною стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:

То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измятый упали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали,
Что пьетъ иль кушаетъ княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минутнаго искала сна,
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томила грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко предъ зарей,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой.
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умыться хладною струею:
Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
Съ своей обычною тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ;
Нерѣдко подъ вечеръ слышали
Ея пріятный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошенный вѣнокъ,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платокъ.

Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдунъ рѣшилъ наконецъ
Поймать Людмилу непременно.
Такъ Лемноса хромой кузнецъ,

Пріявъ супружескій вѣнецъ
Изъ рукъ прелестной Цитереи,
Раскинувъ сѣть ея красамъ,
Открылъ насмѣшливымъ богамъ
Киприды нѣжныя затѣи...

Скучая, бѣдная княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
Сидѣла тихо близъ окна
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
Вдругъ слышитъ—кличуть: „Милый другъ!“
И видитъ вѣрнаго Руслана:
Его черты, походка, станъ;
Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ
И на бедрѣ живая рана...
Въ ней сердце дрогнуло. „Русланъ!
Русланъ!... онъ, точно!“ И стрѣлою
Къ супругу плѣнница летитъ,
Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:
„Ты здѣсь... ты раненъ... что съ тобою?“
Уже достигла, обняла...
О ужась... призракъ исчезаетъ!
Княжна въ сѣтяхъ! Съ ея чела
На землю шапка упадаетъ.
Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:
„Она моя!“ и въ тотъ же мигъ
Зритъ колдуна передъ очами.
Раздался дѣвы жалкій стонъ;
Падеть безъ чувствъ, и дивный сонъ
Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжной!
О, страшный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ дерзостной рукой
Младя прелести Людмилы!
Ужели счастливъ будетъ онъ?
Чу... вдругъ раздался рога звонъ,

И кто-то карлу вызываетъ.
Въ смятеньѣ блѣдный чародѣй
На дѣву шапку надѣваетъ;
Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй!
И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ,
Загнувъ бороду за плечи.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немножко вѣтрена... такъ что же?
Еще милѣе тѣмъ она.
Всечасно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажите, можно ли сравнить
Ее съ Дельфиною суровой?
Одной судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви рождаютъ жаръ.
А та подъ юбкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ!
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да, впрочемъ, дѣло не о томъ!
Но кто трубилъ? Кто чародѣя
На сѣчу грозну вызывалъ?
Кто колдуна перепугалъ?—
Русланъ. Онъ, мстью пламенѣя,

Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязъ подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ какъ буря воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подьметъ смутный взоръ
И видитъ: прямо надъ главою,
Съ подъятой, страшной булавою
Летаеть карла Черноморь.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ и свысока
Шумя летитъ на князя снова.
Проворный витязъ отлетѣлъ,
И въ снѣгъ съ размаха роковаго
Колдунъ упалъ—да тамъ и сѣлъ.
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ;
Волшебникъ силится, кричитъ
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
Ретивый конь вослѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой виситъ;
Летять надъ мрачными лѣсами,
Летять надъ дикими горами,
Летять надъ бездною морской;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухъ слабѣя
И силѣ русской изумясь,

Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвилъ: „Слушай, князь!
Тебѣ вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу тебя,
Спускаюсь, но только съ уговоромъ...“
„Молчи, коварный чародѣй! —
Прервалъ нашъ витязь: — съ Черноморомъ,
Съ мучителемъ жены своей,
Русланъ не знаетъ договора!
Сей грозный мечъ накажетъ вора,
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды!“
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ:
Русланъ ея не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дня колдунъ героя носить,
На третій онъ пощады просить:
„О, рыцарь, сжался надо мной;
Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ;
Скажи — спущусь, куда велишь ..“
„Теперь ты нашъ; ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ“.

Смиренно внемлетъ Черноморъ;
Домой онъ съ витяземъ пустился;
Летить — и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы
И, бороду схвативъ другою,
Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.

„Знай нашихъ!—молвилъ онъ жестоко;—
Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?“ и на шлемъ высокой
Сѣдые вяжетъ волоса,
Свистя, зоветъ коня лихаго, :
Веселый конь летитъ и ржетъ,
Нашъ витязь карлу чуть живаго
Въ котомку на сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,
Спѣшитъ на верхъ горы крутой,
Достигъ, и съ радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.
Вдали завидя шлемъ брадатый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки со всѣхъ сторонъ
Бѣгутъ—и скрылись. Ходитъ онъ
Одинъ среди храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зоветъ;
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаетъ;
Въ волненьѣ чувствъ нетерпѣливыхъ
Онъ отворяетъ двери въ садъ—
Идетъ, идетъ—и не находитъ;
Кругомъ смущенный взоръ обводитъ—
Все мертво: рощицы молчатъ,
Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
И ухо ничего не внемлетъ.
Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы...
„Быть-можетъ, горестъ... плѣнь угрюмый...
Минута... волны...“ Въ сихъ мечтахъ
Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
Поникнулъ витязь головою;

Его томить невольный страхъ;
Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень;
Мрачится разумъ; дикій пламень
И ядъ отчаянной любви
Уже текутъ въ его крови.
Казалось, тѣнь княжны прекрасной
Коснулась трепетнымъ устамъ...
И вдругъ, неистовый, ужасной,
Стремится витязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываетъ,
Съ холмовъ утесы отрываетъ,
Все рушить, все крушить мечемъ—
Бесѣдки, рощи упадаютъ,
Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ,
Степь обнажается кругомъ!
Далеко гулы повторяютъ
И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенить и свищетъ,
Прелестный край опустошенъ—
Безумный витязь жертвы ищетъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
И вдругъ—нечаянный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ
Прощальный Черномора даръ...
Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданномъ счастьемъ упоенный,
Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,
Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
Любви, восторга слезы льетъ,
Зоветь ее, но дѣва дремлетъ,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ея подьемлетъ.

Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
Его терзаетъ вновь кручина...
Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
Гласъ добродѣтельнаго Финна:

„Мужайся, князь! Въ обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой;
Любви и чести вѣренъ будь;
Небесный громъ на злобу грянетъ,
И воцарится тишина,
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Отъ очарованнаго сна“.

Русланъ, симъ гласомъ оживленный,
Беретъ въ объятія жену,
И тихо съ ношей драгоцѣнной
Онъ оставляетъ вышину
И сходить въ долъ уединенный.

Въ молчаньѣ, съ карлой за сѣдломъ,
Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
Свѣжа какъ вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми въ кольцо,
Пустынный вѣтерокъ играетъ;
Какъ часто грудь ея вздыхаетъ!
Какъ часто тихое лицо
Мгновенной розою пылаетъ!
Любовь и тайная мечта
Руслановъ образъ ей приносятъ,
И съ томнымъ шопотомъ уста
Супруга имя произносятъ...
Въ забвеньѣ сладкомъ ловитъ онъ
Ея волшебное дыханье,

Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
И сонныхъ персей волнованье...

Межъ тѣмъ по доламъ, по горамъ,
И въ бѣлый день, и по ночамъ,
Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
Еще далекъ предѣлъ желанный,
А дѣва спить. Но юный князь,
Безплоднымъ пламенемъ томясь,
Уже ль, страдалецъ постоянный,
Супругу только сторожилъ
И въ цѣломудренномъ мечтаньѣ,
Смиривъ нескромное желанье,
Свое блаженство находилъ?
Монахъ, который сохранилъ
Потомству вѣрное преданье
О славномъ витязѣ моемъ,
Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ,
И вѣрю я! безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья;
Мы прямо счастливы вдвоемъ.
Пастушки, сонъ княжны прелестной
Не походилъ на ваши сны,
Порой томительной весны,
На муравъ, въ тѣни древесной.
Я помню маленькій лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый...
Ахъ! первый поцѣлуй любви
Дрожащій, легкій, торопливый
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремоты терпѣливой...
Но полно, я болтаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея утѣха и страданье
Забыты мною съ давнихъ поръ;

Теперь влекутъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними стелется равнина,
Гдѣ ели изрѣдка взошли,
И грознаго холма вдали
Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Русланъ глядитъ—и догадался,
Что подъѣзжаетъ къ головѣ.
Быстрѣе борзый конь помчался;
Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
Она глядитъ недвижимымъ окомъ;
Власы ея какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ;
Ланиты жизни лишены,
Свинцовой блѣдностью покрыты;
Уста огромныя открыты,
Огромны зубы стѣснены...
Надъ полумертвой головою
Послѣдній день ужъ тяготѣлъ.
Къ ней храбрый витязь прилетѣлъ
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ: „Здравствуй, голова!
Я здѣсь! наказанъ твой измѣнникъ!
Гляди: вотъ онъ, злодѣй — нашъ плѣнникъ“.
И князя гордыя слова
Ее внезапно оживили,
На мигъ въ ней чувство разбудили,
Очнулась, будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...
Узнала витязя она,
И брата съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри, на щекахъ
Багровый огонь еще родился,
И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.

Въ смятенѣ, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
Она зубами скрежетала
И брату хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепетала...
Уже ея въ тотъ самый часъ
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гасъ,
Слабѣло тяжкое дыханье,
Огромный закатился взоръ,
И вскорѣ князь и Черноморъ
Узрѣли смерти содроганье...
Она почила вѣчнымъ сномъ.
Въ молчанѣ витязъ удалился;
Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,
И чернокнижнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанный.
Въ теченѣ медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника
Волною сонной омывала
И вокругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась,
Уединенна и темна,
И тамъ, казалось, тишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно;
Отъ разсвѣтающаго дня
Долина съ рощею прибрежной
Сквозь утренній сіяла дымъ.

Русланъ на дугъ жену слагаетъ,
Садится близъ нея, вздыхаетъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ,
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиранный парусъ челнока
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненный,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видитъ добрый князь Русланъ:
Челнокъ ко берегу приплываетъ;
Изъ темной хаты выбѣгаетъ
Младая дѣва; стройный станъ,
Власы небрежно распущенны,
Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Все мило, все плѣняетъ въ ней.
И вотъ они, обнявъ другъ друга,
Сядутъ у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью настаетъ.
Но въ изумленьѣ молчаливомъ
Кого же въ рыбака счастливомъ
Нашъ юный витязъ узнаетъ?
Хазарскій ханъ, избранный славой,
Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,
Ратмиръ въ пустынѣ безмятежной
Людмилу, славу позабылъ,
И имъ навѣки измѣнилъ
Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приблизился, и вмигъ
Отшельникъ узнаетъ Руслана,
Встаетъ, летитъ. Раздался крикъ...

И обнялъ князь младаго хана.
„Что вижу я?—спросилъ герой,—
Зачѣмъ ты здѣсь? Зачѣмъ оставилъ
Тревоги жизни боевой
И мечъ, который ты прославилъ?“
—Мой другъ,—отвѣтствовалъ рыбакъ,—
Душѣ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельный призракъ.
Повѣрь, невинныя забавы,
Любовь и мирныя дубравы
Милѣ сердцу во сто кратъ.
Теперь, утративъ жажду брани,
Престалъ платить безумству дани,
И, вѣрнымъ счастиемъ богатъ,
Я все забылъ, товарищъ милый,
Все, даже прелести Людмилы.—
„Любезный ханъ, я очень радъ—
Сказалъ Русланъ:—она со мною“.
—Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна...
Она съ тобою, гдѣ жъ она?
Позволь... но нѣтъ, боюсь измѣны;
Моя подруга мнѣ мила;
Моей счастливой перемѣны
Она виновницей была;
Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
Она мнѣ возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И миръ, и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Уста волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
Я для нея покинулъ ихъ;
Оставилъ теремъ ихъ веселый,
Въ тѣни хранительныхъ дубровъ,
Сложилъ и мечъ, и шлемъ тяжелый,
Забылъ и славу, и враговъ.

Отшельникъ мирный и безвѣстный,
Остался въ счастливой глуши
Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ тобою, свѣтъ моей души!—

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговоръ,
И устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась, и вздыхала.

Рыбакъ и витязь на берегахъ
До темной ночи просидѣли
Съ душой и сердцемъ на устахъ,
Часы невидимо летѣли.
Чернѣетъ лѣсъ, темна гора;
Встаетъ луна, все тихо стало;
Герою въ путь давно пора.
Накинувъ тихо покрывало
На дѣву спящую, Русланъ
Идетъ и на коня садится;
Задумчиво безмолвный ханъ
Душой вослѣдъ ему стремится,
Руслану счастья, побѣдъ,
И славы, и любви желаетъ,
И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
Невольной грустью оживляетъ.

Зачѣмъ судьбой не суждено
Моей непостоянной лирѣ
Геройство воспѣвать одно,
И съ нимъ (незнаемая въ мѣрѣ)
Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
Печальной истины поэтъ,
Зачѣмъ я долженъ для потомства
Порокъ и злобу обнажать,
И тайны козни вѣроломства
Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искатель недостойный,
Охоту къ славъ потерявъ,
Никѣмъ незнаемый, Фарлафъ
Въ пустынь дальной и спокойной
Скрывался и Наины ждалъ.
И часъ торжественный насталъ.
Къ нему волшебница явилась,
Вѣщая: „Знаешь ли меня?
Ступай за мной; сѣдлай коня!“
И вѣдьма кошкой обратилась.
Осѣдланъ конь; она пустилась
Тропами мрачными дубравъ;
За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ;
Луна во мглѣ перебѣгала
Изъ тучи въ тучу, и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
Сидѣлъ съ обычною тоскою
Предъ усыпленною княжною;
Глубоку думу думалъ онъ,
Мечты летѣли за мечтами,
И непримѣтно вѣялъ сонъ
Надъ нимъ холодными крылами.
На дѣву смутными очами
Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ
И, утомленною главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снится вѣщій сонъ герою:
Онъ видитъ, будто бы княжна
Надъ страшной бездны глубиною
Стоитъ недвижна и блѣдна...
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Стоитъ одинъ надъ бездной онъ...
Знакомый гласъ, призывный стонъ

Изъ тихой бездны вылетаетъ...
Русланъ стремится за женой,
Стремглавъ летить во тѣмѣ глубокой...
И видитъ вдругъ передъ собой:
Владиміръ въ GRIDNICѢ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей,
Между двѣнадцатю сынами,
Съ толпою названныхъ гостей,
Сидитъ за браными столами.
И такъ же гнѣвенъ старый князь,
Какъ въ день ужасный разставанья;
И всѣ сидятъ, не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ вѣстей,
Не ходитъ чаша круговая...
И видитъ онъ среди гостей
Въ бою сраженнаго Рогдая;
Убитый, какъ живой, сидитъ;
Изъ опѣннаго стакана
Онъ, весель, пьетъ и не глядитъ
На изумленнаго Руслана.
Князь видитъ и младаго хана,
Друзей и недруговъ... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ GRIDNICУ Фарлафъ,
Ведетъ онъ за руку Людмилу;
Но старецъ, съ мѣста не привставъ,
Молчитъ, склонивъ главу унылу;
Князья, бояре—всѣ молчатъ,
Душевные движенья кроя.
И все исчезло—смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремоту тяжко погруженъ,
Онъ льетъ мучительныя слезы,
Въ волненьѣ мыслить: „это сонъ!“

Томится, но зловѣщей грезы,
Увы, прервать не въ силахъ онъ.

Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
Объяты рощи темнотою;
Долина въ мертвой тишинѣ...
Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна;
Онъ видитъ сумрачный курганъ;
У ногъ Людмилы спить Русланъ,
И ходитъ конь гругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнію глядитъ;
Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ;
Въ немъ сердце замерло, дрожитъ;
Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
Тихонько обнажаетъ мечъ,
Готовясь витязя безъ боя
Съ размаха на двое разсѣчь...
Къ нему подѣхалъ. Конь героя,
Врага почуя, закипѣлъ,
Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
Русланъ не внемлетъ: сонъ ужасный,
Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ!..
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной
Вонзаетъ трижды хладну сталь...
И мчится боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.
Часы летѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поутру взоръ открывъ туманный,
Пуская тяжкій, слабый стонъ,
Съ усильемъ приподнялся онъ,
Взглянулъ, поникъ главою бранной—
И палъ недвижный, бездыханный.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжный,
На лирѣ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать,
И музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтреной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Отъ гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, отвыкъ...
Дышу тобой—и гордой славы
Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ тайный геній
И вымысловъ, и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслажденій
Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.
Но ты велишь, но ты любила
Разказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ,
И Финна вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкій вздоръ,
Съ улыбкой иногда дремала,
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжниѣ на пѣвца бросала...
Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
Бренчу про витязя младаго.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
Лежить онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
Ужъ кровь его не льется болѣ,
Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ;
Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
Не шевелится шлемъ косматый.

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
Поникнувъ гордой головою,
Въ его глазахъ исчезъ огонь;
Не машетъ гривой золотою,
Не тѣшится, не скачетъ онъ
И ждетъ, когда Русланъ воспрянетъ...
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щитъ его не грянетъ.

А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ,
Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чемъ.
Усталый, сонный и сердитый,
Княжну, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо.
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ—о диво!
Онъ видитъ: богатырь убитъ,
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожитъ
И мнитъ: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла былъ неправъ.

Межъ тѣмъ, Наиной осѣненный,
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится къ Кіеву Фарлафъ;
Летитъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужъ видитъ златоверхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчится,

И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
Въ волненьѣ радостномъ народъ
Валить за всадникомъ, тѣснится;
Бѣгутъ обрадовать отца—
И вотъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владимиръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ
Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась; передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;
Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ
И вдругъ смутились, зашумѣли:
„Людмила здѣсь! Фарлафъ... ужели?“
Въ лицѣ печальномъ измѣняясь,
Встаетъ со стула старый князь,
Спѣшитъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей,
Подходить, отчими руками
Онъ хочетъ прикоснуться къ ней,
Но дѣва милая не внемлетъ
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы. Всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьѣ;
И старецъ безпокойный взглядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньѣ.
Но хитро перстъ къ устамъ прижавъ,
„Людмила спить!—сказалъ Фарлафъ;—
Я такъ нашелъ ее недавно
Въ пустынныхъ муромскихъ лѣсахъ
У злаго лѣшаго въ рукахъ;
Тамъ совершилось дѣло славно:

Три дня мы билися; луна
Надъ боемъ трижды подымалась;
Онъ палъ, а юная княжна
Мнѣ въ руки сонною досталась;
И кто прерветъ сей дивный сонъ?
Когда настанетъ пробужденье?
Не знаю—скрыть судьбы законъ!
А намъ надежда и терпѣнье
Одни остались въ утѣшенье“.

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ всѣмъ открытъ;
Толпа волнуется, валить
Туда, гдѣ на одрѣ високомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князья и витязи кругомъ
Стоять унылы; гласы трубы,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею. Старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами,
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаянѣ, въ досадѣ,
Трепещетъ, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ;
Шумя, тѣснились всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякій толковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей,

Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпятся на стѣнѣ градской
И видятъ: въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой,
Щиты какъ зарево блистаютъ,
Въ поляхъ наѣздники мелькаютъ,
Вдали подъемля черный прахъ;
Идутъ походныя телѣги,
Костры пылаютъ на холмахъ.
Бѣда: возстали печенѣги!

Но въ это время вѣщій Финнѣ,
Духовъ могучій властелинѣ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремучихъ,
Куда и вѣдьмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится,
И въ той долинѣ два ключа:
Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча;
Тотъ льется мертвою водою.
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,
Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтні сосны не шумятъ,
Не вьются птицы, лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,
Дремучій берегъ стережетъ...

Съ двумя кувшинами пустыми
Предсталъ отшельникъ передъ ними;
Прервали духи дивный сонъ
И удалились, страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣвственныя волны,
Наполнилъ, въ воздухъ пропаль
И очутился въ два мгновенья
Въ долину, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья;
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою—
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красотою
Процвѣлъ; тогда водой живою
Героя старецъ окропилъ,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою,
Встаетъ Русланъ, на ясный день
Очами жадными взираетъ;
Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
Въ немъ сердце, вспыхнувъ, замираетъ.
Вдругъ витязь вспрынулъ. Вѣщій Финнъ
Его зоветъ и обнимаетъ:
„Судьба свершилась, о мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаетъ;
Тебя зоветъ кровавый пиръ,
Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ;
На Кіевъ снидетъ кроткій миръ,
И тамъ она тебѣ предстанетъ.
Возьми завѣтное кольцо,
Коснися имъ чела Людмилы,
И тайныхъ чаръ исчезнутъ силы;
Враговъ смутитъ твое лицо;
Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.

Достойны счастья будьте оба.
Прости надолго, витязь мой!
Дай руку... тамъ, за дверью гроба—
Не прежде—свидимся съ тобой!“
Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный
Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
Русланъ, для жизни пробужденный,
Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ...
Но ничего не слышно болѣ!
Русланъ одинъ въ пустынномъ цолѣ;
Запрыгавъ съ карлой за сѣдломъ,
Руслановъ конь нетерпѣливый
Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой;
Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ,
Ужъ онъ летитъ, живой и здравый,
Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между тѣмъ какой позоръ
Являетъ Кіевъ осажденный!
Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
Народъ, унынемъ пораженный,
Стоитъ на башняхъ и стѣнахъ
И въ страхъ ждетъ небесной казни;
Стенанья робкія въ домахъ,
На стогнахъ тишина боязни.
Одинъ, близъ дочери своей,
Владиміръ въ горестной молитвѣ;
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Готовится къ кровавой битвѣ.

И день насталъ. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ;
Неукротимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины
И потекли къ стѣнѣ градской:
Во градѣ трубы загремѣли,
Бойцы сомкнулись, полетѣли

Навстрѣчу рати удалой,
Сошлись—и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони,
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась;
Равнина кровью залилась;
Стремглавъ наѣздники помчались;
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнутой, дружною стѣной
Тамъ рубится со строемъ строй;
Со всадникомъ тамъ пѣшей бьется;
Тамъ конь испуганный несется;
Тамъ русскій палъ, тамъ печенѣгъ,
Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;
Тотъ опрокинуть булавою,
Тотъ легкой пораженъ стрѣлою;
Другой, придавленный щитомъ,
Растоптанъ бѣшеннымъ конемъ...
И длился бой до темной ночи,
Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ.
За грудями кровавыхъ тѣлъ
Бойцы сомкнули томны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
Лишь изрѣдка на полѣ битвы
Былъ слышенъ падшихъ скорбный стонъ
И русскихъ витязей молитвы.

Блѣднѣла утренняя тѣнь,
Волна сребрилася въ потокъ,
Сомнительный рождался день
На отуманенномъ востокъ.
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое;
Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ,

Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
Смутилось сердце кievлянъ;
Бѣгутъ нестройными толпами
И видятъ: въ полѣ, межъ врагами,
Блิสстая въ латахъ какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубить,
Въ ревушій рогъ, летая, трубить...
То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
Нашъ витязь палъ на басурмана;
Онъ рыщетъ съ карлой за сѣдломъ
Среди испуганнаго стана.
Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ,
И съ воплемъ строй на строй валится;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрытъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ.
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибни, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ печенѣговъ;
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней,
Противиться не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ кievскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы русскій мечъ казнить;
Ликуетъ Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь летитъ;
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдный;
Копье сіяетъ какъ звѣзда;
Струится кровь съ кольчуги мѣдной;

На шлемъ вьется борода;
 Летить, надеждой окрыленный,
 По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
 Народъ, восторгомъ упоенный,
 Толпится съ кликами кругомъ,
 И князя радость оживила.
 Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
 Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
 Владиміръ, въ думу погруженъ,
 У ногъ ея стоялъ унылый.
 Онъ былъ одинъ. Его друзей
 Война влекла въ поля кровавы;
 Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
 Вдали отъ вражескихъ мечей,
 Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
 Стоялъ на стражѣ у дверей.
 Едва злодѣй узналъ Руслана,
 Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
 Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ,
 И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна...
 Достойной казни ждетъ измѣна!
 Но, помня тайный даръ кольца,
 Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей;
 Ея спокойнаго лица
 Касается рукой дрожащей...
 И чудо—юная княжна,
 Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи!
 Казалось, будто бы она
 Дивилася столь долгой ночи;
 Казалось, что какой-то сонъ
 Ее томилъ мечтой неясной,
 И вдругъ узнала—это онъ!
 И князь въ объятіяхъ прекрасной.
 Воскреснувъ пламенной душой,
 Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
 И старецъ въ радости нѣмой,
 Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой рассказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милый!
Неправый старца гнѣвъ погасъ;
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливый князь ему простилъ;
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принять карла во дворецъ;
И, бѣдствій празднуетъ конецъ,
Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Примѣчаніе. Содержаніе поэмы сказочное. Въ ней описываются богатыри Владиміра—солнца, и основаніе поэмы почерпнуто изъ старинныхъ Русскихъ сказокъ. Въ поэмѣ мѣстами вѣрно схваченъ характеръ Владиміра.

2. Кавказскій Плѣнникъ.

Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ.

Князь Вяземскій.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ РАЕВСКОМУ.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ изгнанной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопоть клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладный,

Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили—
Я близъ тебя еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили—
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешту, *) пустынный величавый,
Ауловъ **) и полей властитель пятиглавый,
Быль новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья,
Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,
И дикій геній вдохновенья
Тайтся въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть-можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчія страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья
И тайный гласъ души моей.
Мы въ жизни разно шли: въ объятіяхъ покоя
Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя,
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьихъ стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву милую, надежды вѣрныя цвѣтъ.
Я равно скорбь узналъ, постигнуть былъ гоненьемъ,
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ,
Но, сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ,

*) Бешту, или, правильнѣе, Бештау, кавказская гора, въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣстна въ нашей исторіи

**) Ауль. Такъ называются деревни кавказскихъ народовъ.

И ждалъ безопасно лучшихъ дней,
И счастье моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги,
Вспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей, *)
Удары шашекъ **) ихъ жестокихъ,
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепель разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ,—
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесь. Онъ быстро на арканѣ
Младаго плѣнника влачилъ.
„Вотъ русскій!“ хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой,
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышетъ.

*) Уздень—начальникъ или князь.

**) Шашка—черкесская сабля.

И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ,
И жизни духъ проснулся въ немъ:
Невнятный стонъ въ устахъ раздался,
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся,
Кругомъ обводитъ слабый взоръ
И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племень,
Черкесской вольности ограда.
Вспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ: загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги...
Все, все сказалъ ужасный звукъ!
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.

За саклями *) лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынные равнины
Лежатъ зеленой пеленой;
Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины,
Межъ нихъ уединенный путь
Въ дали теряется угрюмой...
И плѣнника младаго грудь
Тяжелой взволновалась думой...

Въ Россію дальній путь ведетъ,

*) Сакля—лижива.

Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ людей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы

Свобода! Онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленные тобою,
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Свершилось... Цѣлью упованья
Не зреть онъ въ мірѣ ничего,
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него!
Онъ рабъ. Склонясь главою на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей

Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гулъ;
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройный
Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины...
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся русскій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ черкешенка младая.
На дѣву молча смотритъ онъ
И мыслить: это лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая...
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной,
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ *) прохладный
Подноситъ тихую рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный,
Онъ ловитъ жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.

*) Кумысъ дѣлается изъ кобыляго молока; напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ и почитается весьма здоровымъ.

Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ,
Но взоръ умильный, жаръ ланить,
Но голосъ нѣжный говорить:
Живи! и плѣнникъ оживаетъ.
И онъ, собравъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорный,
Привсталъ и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ,
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но все къ черкешенкѣ молодой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго-долго передъ нимъ
Она, задумчива, сидѣла,
Какъ бы участіемъ нѣмымъ
Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались,
Она вздыхала, и не разъ
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ тѣнь.
Въ горахъ, окованный, у стада
Проводитъ плѣнникъ каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрываетъ въ лѣтній зной.
Когда же рогъ луны серебристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тѣнистой,
Приноситъ плѣннику вино,
Кумысъ и ульевъ сотъ душистый,
И бѣлоснѣжное пшено,
Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ,
На немъ покоить нѣжный взоръ,
Съ неясной рѣчью сливается
Очей и знаковъ разговоръ,
Поетъ ему и пѣсни горь,

И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нетерпѣливой
Передаеть языкъ чужой.
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье,
Но русскій жизни молодой
Давно утратилъ сладострастье:
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой—
Быть-можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ вспоминать.

Не вдругъ увянетъ наша младость,
Не вдругъ восторги бросать насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ,
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О, первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь!

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкаль.
Тоску неволи, жаръ мятежный,
Въ душѣ глубоко онъ скрываль.
Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады,
Вперяль онъ любопытный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣль на небѣ голубомъ.

Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ.
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался паръ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Олень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стады
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы—дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые.
А плѣнникъ съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

Но европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесь проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукъ склонясь, на стремена

Ногою стройной опираясь,
 Леталь по волѣ скакуна,
 Къ войнѣ заранѣ приучаясь.
 Онъ любовался красотой
 Одежды бранной и простой.
 Черкесь оружіемъ обвѣшенъ,
 Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
 На немъ броня, пищаль, колчанъ,
 Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
 И шашка, вѣчная подруга
 Его трудовъ, его досуга.
 Ничто его не тяготитъ,
 Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный—
 Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
 Непобѣдимый, непреклонный.
 Гроза безпечныхъ казаковъ,
 Его богатство—конь ретивый,
 Питомецъ горскихъ табуновъ,
 Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
 Въ пещерѣ иль въ травѣ глухой
 Коварный хищникъ съ нимъ таится,
 И вдругъ, внезапною стрѣлой,
 Завидя путника, стремится;
 Въ одно мгновенье вѣрный бой
 Рѣшитъ ударъ его могучій,
 И странника въ ущелья горъ
 Уже влечетъ арканъ летучій.
 Стремится конь во весь опоръ,
 Исполненъ огненной отваги,
 Все путь ему—болото, боръ,
 Кусты, утесы и овраги;
 Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
 Въ пустынѣ топотъ раздается;
 Съдой потокъ предъ нимъ шумитъ—
 Онъ въ глубь кипящую несется,
 И путникъ, брошенный ко дну,
 Глокаетъ мутную волну,

Изнемогая смерти просить
И зрить ее передь собой...
Но мощный конь его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выносить.

Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесь на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые,
Шить, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ— и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ,
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки—
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Пылветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Вспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?.. Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась— и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семьей

Черкесь въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣють угли въ пепелищѣ,
И, спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня,—
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь *) отраднѣй подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный.

Бывало въ свѣтлый Байранъ **)
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То, полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетерпѣливыми рядами
При данномъ знакѣ вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразный
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,

*) Чихирь—красное грузинское вино.

**) Байранъ или Байрамъ—праздникъ розговѣнья. Рамазанъ—мусульманскій постъ.

И въ прахъ летять главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещуть.

Но русскій равнодушно зрѣлъ
Сіи кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣлъ.
Невольникъ чести безпощадной,
Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
На поединкахъ твердый, хладный,
Встрѣчая гибельный свинецъ.
Быть-можетъ, въ думу погруженный,
Онъ время то воспоминалъ,
Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пировалъ...
Жалѣлъ ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ, надежду обманувшихъ,
Иль, любопытный, созерцалъ
Суровой простоты забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семъ вѣрномъ зеркалѣ читалъ—
Таилъ въ молчаньѣ онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его молодой
И шопотомъ между собой
Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты ихъ узнала, дѣва горь,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный, невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость.
Когда твой другъ во тьмѣ ночной

Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
Сгорая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала мѣръ земной,
Ты говорила: „Плѣнникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главою ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я въ пустынѣ
Съ тобою, царь души моей!
Люби меня; никто донинѣ
Не цѣловалъ моихъ очей;
Къ моей постелѣ одинокой
Черкесь молодой и черноокій
Не крался въ тишинѣ ночной;
Слыву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребій мнѣ готовый:
Меня отецъ и братъ суровый
Немилому продать хотятъ
Въ чужой аулъ цѣною злата,
Но умолю отца и брата,
Не то—найду кинжалъ иль ядъ!..
Непостижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милый,
Душа тобой упоена...“

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву страстную взиралъ,
И полный тяжкимъ размышленьемъ
Словамъ любви ея внималъ.
Онъ забывался: въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покатились.
Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
Тоска любви безъ упованья.

Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои страданья.

„Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою;
Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
Другаго юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнить
Моей души печальный хладъ;
Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній,
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
Безъ упованья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасный;
Оставь меня, но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ!
Но поздно! умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...

„Какъ тяжело мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной,
Какъ тяжело мыслить о другой!...

„Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,

И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно,
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый,
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньѣ предаюсь
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ,
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

„Оставь же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы—
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;
Прости!.. дай руку на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалить хладная разлука:
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь“.

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая.
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ.
Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука,
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася.

„Ахъ, русскій, русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,

Тебѣ навѣкъ я предалася!
Недолго на груди твоей
Въ забвеньѣ дѣва отдыхала,
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придутъ ли вновь когда-нибудь?
Ужель навѣкъ погибла радость?...
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя бъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной;
Я услаждала бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла бъ минуты сна,
Покой тоскующаго друга;
Ты не хотѣлъ... Но кто жъ она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русскій? Ты любимъ?...
Понятны мнѣ твои страданья ..
Прости жъ и ты мои рыданья,
Не смѣйся горестямъ моимъ“.

Умолкла. Слезы и стенанья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь,
Уста безъ словъ роптали пени;
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
Она едва могладохнуть.
И плѣнникъ, тихою рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
„Не плачь! и я гонимъ судьбою
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной,
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымный,
Забытый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали береговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;

Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ,
Заржавить тягостная цѣпь...“

Свѣтила ночи затмевались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.

Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
Одинъ окрестъ аула бродить.
Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ,
За ночью ночь вослѣдъ уходитъ,
Вотще свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ,
Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпями,
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель,
Зоветь... но все кругомъ молчить;
Лишь волны плещутся, бушуя,
И человѣка звѣрь почуя
Въ пустыню темную бѣжить.

Однажды слышитъ русскій плѣнный,
Въ горахъ раздался кликъ военный:
„Въ табунъ, въ табунъ!“ Бѣгутъ, шумять;
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
Кипятъ осѣдланные кони;
Къ набѣгу весь аулъ готовъ,
И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственные дани.

Утихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
У саклей псы сторожевые.

Младенцы смуглые, нагіе,
Въ свободной рѣзвости шумятъ;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ;
Изъ трубокъ дымъ, вѣясь, синѣеть.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ припѣвъ,
И старцевъ сердце молодѣеть.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти;
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонуть маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ *)
Цвѣтутъ богатяя станицы;
Веселый пляшетъ хороводъ;
Бѣгите, русскія пѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
 Мечтаетъ русскій о побѣгѣ,
 Но цѣпь невольника тяжка,
 Быстра глубокая рѣка...
 Межъ тѣмъ померкнувъ, степь уснула;
 Вершины скаль омрачены;
 По бѣлымъ хижинамъ аула
 Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
 Елени дремлютъ надъ водами,
 Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
 И глухо вторится горами
 Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало...
 Мелькнуло дѣвы покрывало.
 И вотъ, печальна и блѣдна,
 Къ нему приблизилась она.
 Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
 Глаза исполнены тоской,
 И черной падаютъ волной
 Ея власы на грудь и плечи.
 Въ одной рукѣ блеститъ пила,
 Въ другой кинжалъ ея булатный:
 Казалось, будто дѣва шла
 На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,
 „Бѣги!—сказала дѣва горь:—
 Нигдѣ черкесь тебя не встрѣтитъ.
 Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
 Возьми кинжалъ—твоихъ слѣдовъ
 Никто во мракѣ не замѣтитъ“ .

Пилу дрожащей взявъ рукой,
 Къ его ногамъ она склонилась:
 Визжитъ желѣзо подъ пилой,
 Слеза невольная скатилась,
 И цѣпь распалась и гремитъ.

„Ты воленъ!—дѣва говоритъ,—
Бѣги!“ Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубилъ.
„О другъ мой!—русскій возопилъ:—
Я твой навѣкъ, я твой до гроба!
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной“...—„Нѣтъ, русскій, нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость,
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
Возможно ль?—ты любилъ другую!..
Найди ее, люби ее!
О чемъ же я еще тоскую,
О чемъ уныніе мое?..
Прости! Любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ.
Прости, забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ“.

Къ черкешенкѣ простеръ онъ руки,
Воскресшимъ сердцемъ къ ней летѣлъ;
И долгій поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко берегу въ тишинѣ,
И русскій въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ...
Вдругъ волны глухо зашумѣли,
И слышенъ отдаленный стонъ...
На дикій берегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ... берега ясиѣли
И опѣненные бѣлѣли,
Но нѣтъ черкешенки молодой

Ни у бреговъ, ни подъ горой...
Все мертво... На берегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ...

Все понялъ онъ... Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ, плѣнный, стадо пасъ,
Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
Когда въ горахъ черкесъ суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокій,
Ложился день на темный долъ,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный плѣнный шелъ,
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали русскіе штыки,
И окликались на курганахъ
Сторожевые казаки.

Э П И Л О Г Ъ .

Такъ муза, легкій другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи летала
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнялъ нарядъ суровый
Племень, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ,
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ;

Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаговъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ и ржанье табуновъ.
Богиня пѣсенъ и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть-можетъ, повторить она
Преданья грознаго Кавказа,
Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
Мстислава древній поединокъ *),
Измѣны, гибель россіянъ
На лонѣ мстительныхъ грузинокъ.
И воспую тотъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Поднялся нашъ орелъ двуглавый;
Когда на Терекъ съдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
Явился пылкій Циціановъ.
Тебя я воспую, герой,
О Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой,
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губиль, ничтожилъ племена...
Ты днесъ покинулъ саблю мести,
Тебя не радуеть война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ...
Но се—Востокъ подъемлетъ вой!...

*) Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, прозванный Удалымъ, удѣльный князь Тмутаракани (островъ Тамань). Онъ воевалъ съ косогами (по всей вѣроятности, нынѣшними черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю. Ист. Гос. Росс., томъ II.

Поникни снѣжною главою,
Смирись, Кавказъ,—идеть Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Измѣнить прадѣдамъ Кавказъ,
Забудеть алчной брани гласъ,
Оставить стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гиѣздились вы,
Подѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

3. Бахчисарайскій фонтанъ.

Многіе, такъ же, какъ и я, посѣщали сей фонтанъ, но иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече.

Сади.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивый
Махнулъ рукой нетерпѣливой—
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ;
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занять онъ?
На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ ли местию кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится ли народовъ горь,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой,
Устала грозная рука,
Война отъ мыслей далека.

Ужель въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?

Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной,
На лонѣ скуки безотрадной
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ;
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ аравійскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ,
И непримѣтно за собой

И младость, и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью править лѣнь,
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младья жены, какъ-нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями,
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
Гуляютъ легкими роями.
Межъ ними ходитъ злой евнухъ,
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведенъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана
Ему единственный законъ —
Святую заповѣдь Корана
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не проситъ;
Какъ истуканъ онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ, и ропотъ томный.
Ему извѣстенъ женскій нравъ;
Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
И на свободѣ, и въ неволѣ;
Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
Не властны надъ его душой:
Онъ имъ уже не вѣритъ болѣ.

Раскинувъ легкіе власы,
Какъ идутъ плѣнницы младья

Купаться въ жаркіе часы,
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы,
Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
Онъ тутъ; онъ видитъ, равнодушный,
Прелествицъ обнаженный рой;
Онъ по гарему въ тьмѣ ночной
Неслышными шагами бродить,
Ступая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадется дверямъ,
Отъ ложа къ ложу переходить;
Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ женъ
Роскошный наблюдаетъ сонъ,
Ночной подслушиваетъ лепетъ;
Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепеть
Все жадно примѣчаетъ онъ.
И горе той, чей шопоть сонный
Чужое имя призываль,
Или подругѣ благосклонной
Порочны мысли довѣрять!

Что жъ полонъ грусти умъ Гирея?
Чубукъ въ рукахъ его потухъ;
Недвижимъ идохнуть не смѣя,
У двери знака ждетъ евнухъ.
Встаетъ задумчивый властитель;
Предъ нимъ дверь настезь. Молча онъ
Идетъ въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ женъ.

Безпечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана
На шелковыхъ коврахъ онъ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно инья

Роняли серги золотыя.
Кругомъ невольницы, межъ тѣмъ,
Шербеть носили ароматный,
И пѣсню звонкой и пріятной
Вдругъ огласился весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

„Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

„Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смертью освятить:
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетить.

3.

„Но тотъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣеть, милая, тебя“.

Онѣ поють. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похваль не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онѣ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою?

Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣ дня, чернѣ ночи.
Чей голосъ выразить сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ пронзительныхъ лобзаній?
Какъ сердце, полное тобой,
Забьется для красы чужой?
Но, равнодушный и жестокий,
Гирей презрѣлъ твои красы
И ночи хладныя часы
Проводить мрачный, одинокий,
Съ тѣхъ поръ, какъ польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной;
Съдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля.
Одну заботу вѣдалъ онъ,
Чтобъ дочери любимой доля
Была какъ вешній день ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали,
Чтобъ даже замужемъ она
Воспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,
Движенья стройныя, живыя,
И очи томно-голубыя.

Природы милые дары
Она искусствомъ украшала:
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла.
Толпы вельможъ и богачей
Руки Мариной искали,
И много юношей по ней
Въ страданьѣ тайномъ изнывали.
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала
И независимый досугъ
Въ отцовскомъ замкѣ межъ подругъ
Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тьмы татаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною,
Цвѣтущій край осиротѣлъ;
Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Мари́на свѣтлица...
Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почіють мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница...
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ править
И тягостнымъ ярмомъ безславить
Опустошенную страну.

Увы! дворець Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну:
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей несчастную щадить:

Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей:
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой;
Гарема въ дальнемъ отдѣленѣ
Позволено ей жить одной,
И, мнится, въ томъ уединенѣ
Сокрылся нѣкто неземной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
И сердцу все напоминаетъ
О близкой, лучшей сторонѣ...
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ;
И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святую строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранить одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство...

.

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали, подъ тихой лавровъ сѣнью,
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На доли, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрываютъ бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія, мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Простыхъ татаръ спѣшатъ супруги
Дѣлить вечерніе досуги.
Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
Объятый нѣгой безмятежной;
Не прерывается ничѣмъ
Спокойство ночи. Стражъ надежный,
Дозоромъ обошелъ евнухъ.
Теперь онъ спитъ, но страхъ прилежный
Тревожитъ въ немъ и спящій духъ.
Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
Покоя не даетъ уму:
То чей-то шорохъ, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
Онъ пробуждается, дрожитъ,
Напуганнымъ приникнувъ ухомъ...
Но все кругомъ его молчитъ;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И, съ милой розой неразлучны,
Во мракъ соловьи поютъ;
Евнухъ еще имъ долго внемлетъ,
И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы

Ночей роскошнаго Востока!
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей пророка!
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины
И вдохновеній сладострастныхъ!

.

Всѣ жены спять. Не спить одна.
Едва дыша, встаетъ она;
Идетъ; рукою торопливой
Открыла дверь; во тьмѣ ночной
Ступаетъ легкою ногой...
Въ дремотѣ чуткой и пугливой
Предъ ней лежитъ евнухъ сѣдой.
Ахъ, сердце въ немъ неумолимо;
Обманчивъ сна его покой!..
Какъ духъ, она проходитъ мимо.

.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
Ея дрожащая рука
Коснулась вѣрнаго замка...
Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
И тайный страхъ въ нее проникъ.
Лампады свѣтъ уединенный,
Кивоть, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И крестъ, любви символъ священный...
Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.
Предъ ней покоилась княжна,
И жаромъ дѣвственнаго сна

Ея ланиты оживлялись
И, слезъ являя свѣжій слѣдъ,
Улыбкой томной озарялись:
Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
Спорхнувшій съ неба, сынъ эдема,
Казалось, ангелъ почивалъ
И, сонный, слезы проливалъ
О бѣдной плѣнницѣ гарема...
Увы, Зарема, что съ тобой?
Стѣснилась грудь ея тоской,
Невольнo клонятся колѣни,
И молить: „Сжался надо мной,
Не отвергай моихъ моленій...“
Ея слова, движенье, стонъ
Прервали дѣвы тихій сонъ.
Княжна со страхомъ предъ собою
Младую незнакомку зрить,
Въ смятенѣ, трепетной рукою
Ее подъемля, говорить:
— Кто ты!.. Одна, порой ночью,
Зачѣмъ ты здѣсь?— „Я шла къ тебѣ:
Спаси меня, въ моей судьбѣ
Одна надежда мнѣ осталась...
Я долго счастьемъ наслаждалась,
Была безпечнѣй день отъ дня...
И тѣнь блаженства миновалась!
Я гибну. Выслушай меня.

„Родилась я не здѣсь, далеко,
Далеко... но минувшихъ дней
Предметы въ памяти моей
Донинѣ врѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,
Потоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы;

Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море
И человѣка въ вышинѣ
Надъ парусами...

Страхъ и горе

Донынѣ чужды были мнѣ;
Я въ безмятежной тишинѣ,
Въ тѣни гарема расцвѣтала
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,
Пресѣкъ ужасные набѣги
И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана въ смутномъ ожиданѣ
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчанѣ,
Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
Мы въ непрерывномъ упоенѣ
Дышали счастьемъ, и ни разъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась...
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докучень сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоръ
Со мною не находитъ онъ.
Ты преступленью непричастна,
Я знаю, не твоя вина...
Итакъ послушай: я прекрасна;
Во всемъ гаремѣ ты одна

Могла бѣ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь,
Зачѣмъ же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ: онъ мой;
На мнѣ горять его лобзанья;
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;
Давно всѣ думы, всѣ желанья
Гирей съ моими сочеталъ;
Меня убьетъ его измѣна...
Я плачу! видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой,
Молю, винить тебя не смѣя:
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея...
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отвори его;
Клянись... (хоть я для Алькорана,
Между невольницами хана,
Забыла вѣру прежнихъ дней,
Но вѣра матери моей
Была твоя) клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею...
Но слушай: если я должна
Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена!“

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣетъ слѣдовать княжна.
Невинной дѣвѣ непонятенъ
Языкъ мучительныхъ страстей,
Но голосъ ихъ ей смутно внятень,
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.
Какія слезы и моленья

Ее спасуть отъ посрамленья?
Что ждетъ ее? Ужели ей
Остатокъ горькихъ, юныхъ дней
Провестъ наложницей презрѣнной?
О Боже! если бы Гирей
Въ ея темницѣ отдаленной
Забылъ несчастную навѣкъ,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ея пресѣкъ,
Съ какою бѣ радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
Ужъ ей пора, Марію ждуть
И въ небеса, на лоно мира
Родной улыбкою зовуть.

.

Промчались дни; Маріи нѣтъ.
Мгновенно сирота почила:
Она давно желанный свѣтъ
Какъ новый ангелъ озарила.
Но что же въ гробъ ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болѣзнь, или другое зло,
Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!..
Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный,
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха

Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
Не зрять лица его гаремъ;
Тамъ, обреченныя мученью
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены. Между ними
Давно грузинки нѣтъ; она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая бъ ни была вина,
Ужасно было наказаніе!..

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символь, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.

Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ Сѣверъ наконецъ,
Пиры надолго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни утопалъ.
Еще понынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.
Сии надгробныя столбы,
Вѣнчаны мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.
Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось!... Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,

И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!..

.....
Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ, чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбѣжный?
Маріи ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарема?

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную;
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань—
Опомнись! долго ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,

И струй и тополей прохлада—
Все чувство путника манить,
Когда, въ часъ утра безмятежный,
Въ горахъ, дорогою прибрежной
Привычный конь его бѣжить,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумить
Вокругъ утесовъ Аю-дага....

4. Братья Разбойники.

Не стая вороновъ слеталась
На груди тлѣющихъ костей,
За Волгой, ночью, вокругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець—
Живуть безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглець
Съ бреговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, башкирецъ безобразный,
И рыжій финнъ, и съ лѣною праздною
Вездѣ кочующій цыганъ.
Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства,
Кто рѣжетъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ,

Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все; теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
И чарка пѣннаго вина
Изъ рукъ въ другія переходитъ.
Простерты на землѣ сырой
Иные чутко засыпаютъ,
И сны зловѣщіе летаютъ
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ рассказы сокращаютъ
Угрюмой ночи праздный часъ;
Умолкли всѣ—ихъ занимаетъ
Пришельца новаго рассказъ,
И все вокругъ его внимаетъ.

„Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость:
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносилось горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ,
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь,
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

„Ахъ, юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда, погибель презирая,

Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяць ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ ли позднею дорогой
Богатый жидъ иль попъ убогій—
Все наше, все себѣ беремъ!
Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—
Туда! къ воротамъ! и стучимъ,
Хозяйку громко вызываемъ,
Вошли—все даромъ: пьемъ, ѣдимъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

„И что жъ? попались молодцы;
Недолго братья пировали:
Поймали насъ—и кузнецы
Насъ другъ ко другу приговали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами
И вынести больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами
Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньѣ, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно:
Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
Воды, воды!.. Но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ:
Онъ снова жаждою томился,

И градомъ потъ по немъ катился.
Въ немъ кровь и мысли волноваль
Жаръ ядовитаго недуга:
Ужь онъ меня не узнаваль,
И поминутно призываль
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направиль?
Зачѣмъ мой братъ меня оставиль
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашень
Меня въ дремучій лѣсъ сманиль
И ночью тамъ, могущъ и страшень,
Убийству первый научиль?
Теперь онъ безъ меня на волѣ
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машеть кистенемъ,
И позабыль въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!..
То снова разгорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека.
Всѣхъ чаще образъ старика,
Давно зарѣзаннаго нами,
Ему на мысли приходиль;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молиль:
Братъ! сжался надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ...
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасень...
Пусти его—онъ не опасень;
Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчить за насъ онъ Божій гнѣвъ!..
Я слушалъ, ужасъ одолѣвъ,

Хотѣлъ унять больнаго слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ,
То слышалъ ихъ ужасный шопоть,
То вдругъ погони близкій топоть,
И дико взглядъ его сверкалъ,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листъ онъ трепеталъ;
То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнутъ, и грозныхъ палачей...
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упадалъ ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

„Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились:
Болѣзнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы.
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкій шумъ залетной птицы.

„По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,

Мы къ ней—и съ береговъ высокихъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ;
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ
И, разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: „Лови! лови! уйдутъ!“
Два стража издали плывутъ,
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою,
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ,
И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо,
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ—мы въ воду вновь.
За нами гнаться не посмѣли,
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ...
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ,
И злыя грезы посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ:
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,

Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ—
И на груди моей уснулъ.

„Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется ли мертвецъ,
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ; грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ
И тѣло въ землю схоронилъ...
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь—ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пирь, веселые ночлеги
И наши буйные набѣги—
Могила брата все взяла.
Влачусь угрюмый, одинокій;
Окаменѣлъ мой духъ жестокій
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мнѣ страшно рѣзать старика,
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ“.

Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести юникъ,
И слезъ горючею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
„Ты плачешь! полно, брось печали;
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать;

Ну, потчевай сосѣдъ сосѣда!“
И кружка вновь пошла кругомъ;
На мигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго своя есть повѣсть,
Всякъ хвалить мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцахъ дремлетъ совѣсть —
Она проснется въ черный день.

5. Цыганы.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность весель ихъ ночеlegtъ,
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недалній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;

Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
Она придетъ; но вотъ ужъ ночь,
И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
Небесъ далекихъ облака;
Земфиры нѣтъ какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика.

Но вотъ она.—За нею слѣдомъ
По степи юноша спѣшитъ;
Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
„Отецъ мой,—дѣва говоритъ:—
Веду я гостя: за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала.
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ,
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ итти за мною всюду“.

СТАРИКЪ.

Я радъ. Останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь. Я готовъ
Съ тобой дѣлить и хлѣбъ и кровь.
Будь нашъ, привыкни къ нашей долѣ,
Бродящей бѣдности и волѣ;
А завтра съ утренней зарей
Въ одной телегѣ мы поѣдемъ;
Примись за промыселъ любой:

Желѣзо куй, иль пѣсни пой
И села обходи съ медвѣдемь.

А Л Е Г О .

Я остаюсь.

З Е М Ф И Р А .

Онъ будетъ мой:

Кто жь отъ меня его отгонить?
Но поздно... мѣсяцъ молодой
Зашель, поля покрыты мглой,
И сонъ меня невольно клонить...

Свѣтло. Старикъ тихонько бродить
Вокругъ безмолвнаго шатра.
Вставай, Земфира, солнце всходитъ;
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дѣти, ложе нѣги.
И съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось—и вотъ
Толпа валить въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старь, и младъ во слѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волинги говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, непокойно,

Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ
Такъ чуждо этой жизни праздною,
Какъ пѣснь рабовъ разнообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира,
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Что жъ сердце юноши трепещетъ,
Какой заботой онъ томимъ?

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ—
Птичка гласу Бога внимлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ —
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людамъ скучно, людамъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетный,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,

Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись по утру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его, порой, волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ,
Но онъ безпечно подъ грозою
И въ ведро ясное дремалъ,
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно ль, на долго ль усмирѣли?
Онъ проснется: погоди.

З Е М Ф И Р А .

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

А Л Е К О .

Что жъ бросилъ я?

З Е М Ф И Р А .

Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.

А Л Е К О .

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала

Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
Любви стыдятся, мысли гонять,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонять
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье,
Или блистательный позоръ.

З Е М Ф И Р А .

Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтные ковры,
Тамъ игры, шумные пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

А Л Е К О .

Что шумъ веселій городскихъ?
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
А дѣвы. . Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
А я... одно мое желаніе
Съ тобой дѣлать любовь, досугъ
И добровольное изгнанье.

С Т А Р И К Ъ .

Ты любишь насъ, хоть и рождень
Среди богатаго народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ приучень.
Межъ нами есть одно преданье:

Царемъ когда-то сосланъ былъ
 Полудня житель къ намъ въ изгнанье
 [Я прежде зналъ, но позабылъ
 Его мудреное прозванье].
 Онъ былъ уже лѣтами старъ,
 Но младъ и живъ душой незлобной;
 Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
 И голосъ, шуму водъ подобный.
 И полюбили всѣ его,
 И жилъ онъ на берегахъ Дуная,
 Не обижая никого,
 Людей рассказами плѣняя.
 Не разумѣлъ онъ ничего,
 И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
 Чужіе люди за него
 Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
 Какъ мерзла быстрая рѣка
 И зимни вихри бушевали,
 Пушистой кожей покрывали
 Они святаго старика;
 Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
 Привыкнуть никогда не могъ;
 Скитался онъ изсохшій, блѣдный,
 Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
 Его каралъ за преступленье,
 Онъ ждалъ, придетъ ли избавленье,
 И все несчастный тосковалъ,
 Бродя по берегамъ Дуная,
 Да горьки слезы проливалъ,
 Свой дальній градъ вспоминая,
 И завѣщалъ онъ, умирая,
 Чтобы на югъ перенесли
 Его тоскующія кости
 И смертью—чуждой сей земли
 Неуспокоенные гости.

А Л Е К О .

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

Прошло два лѣта. Также бродятъ
Цыганы мирною толпой,
Вездѣ, по-прежнему, находятъ
Гостепріимство и покой.
Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ, какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни.
Все тотъ же онъ, семья все та же;
Онъ, прежнихъ лѣтъ не помня даже,
Къ бытью цыганскому привыкъ;
Онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣни,
И упоенье вѣчной лѣни,
И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
Медвѣдь, бѣглець родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги,
Близъ молдаванскаго двора
Передъ толпою осторожной
И тяжело пляшетъ, и реветъ,
И цѣпь докучную грызетъ.
На посохъ опершись дорожный,
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
Алеко съ пѣльемъ звѣря водить,
Земфира поселянъ обходить

И дань ихъ вольную беретъ;
Настанетъ ночь; они всѣ трое
Варятъ нежатое пшено;
Старикъ уснулъ — и все въ покоѣ...
Въ шатрѣ и тихо, и темно.

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣетъ
Ужъ остывающую кровь;
У люльки дочь поетъ любовь.
Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

ЗЕМФИРА.

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другаго люблю;
Умираю любя.

АЛЕКО.

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикихъ пѣсенъ не люблю.

ЗЕМФИРА.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсни для себя пою.

Рѣжь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣе весны,
Жарче лѣтняго дня;

Какъ онъ молодъ и смѣль!
Какъ онъ любить меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

А Л Е К О .

Молчи, Земфира, я доволенъ...

З Е М Ф И Р А .

Такъ понялъ пѣсню ты мою?

А Л Е К О .

Земфира!..

З Е М Ф И Р А .

Ты сердиться воленъ:
Я пѣсню про тебя пою.
[Уходить и поеть: Старый мужъ и проч.]

С Т А Р И К Ъ .

Такъ, помню, помню: пѣсня эта
Во время наше сложена;
Уже давно въ забаву свѣта
Поется межъ людей она.
Кочуя на степяхъ Кагула,
Ее, бывало, въ зимню ночь
Моя пѣвала Мариула,
Передъ огнемъ качая дочь.
Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Часъ отъ часу темнѣй, темнѣй,
Но заронилась пѣсня эта
Глубоко въ памяти моей.

Все тихо; ночь; луной украшеньъ
Лазурный юга небосклонъ.

Старикъ Земфирой пробуждены:
„О, мой отецъ! Алеко страшень,
Послушай: сквозь тяжелый сонъ
И стонеть, и рыдаетъ онъ“.

СТАРИКЪ.

Не тронь его, храни молчанье.
Слыхалъ я русское преданье:
Теперь, полуночной порой,
У спящаго тѣснить дыханье
Домашній духъ; передъ зарей
Уходитъ онъ. Сиди со мной.

ЗЕМФИРА.

Отецъ мой, шепчетъ онъ: Земфира!

СТАРИКЪ.

Тебя онъ ищетъ и во снѣ—
Ты для него дороже міра.

ЗЕМФИРА.

Его любовь постыла мнѣ;
Мнѣ скучно, сердце воли просить,
Ужъ я... Но тише! слышишь? онъ
Другое имя произноситъ.

СТАРИКЪ.

Чье имя?

ЗЕМФИРА.

Слышишь? хриплый стонъ
И скрежетъ ярый!.. Какъ ужасно!
Я разбужу его.

СТАРИКЪ.

Напрасно:
Ночнаго духа не гони;
Уйдетъ и самъ.

ЗЕМФИРА.

Онъ повернулся;
Привсталъ; зоветъ меня; проснулся.
Иду къ нему.—Прощай, усни.

АЛЕКО.

Гдѣ ты была?

ЗЕМФИРА.

Съ отцомъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами
И звалъ меня.

АЛЕКО.

Мнѣ снилась ты.
Я видѣлъ, будто между нами...
Я видѣлъ страшныя мечты.

ЗЕМФИРА.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

АЛЕКО.

Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему.

СТАРИКЪ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубить.

А Л Е К О .

Отецъ! она меня не любитъ.

С Т А Р И К Ъ .

Утѣшься, другъ: она—дитя;
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское—шутя.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она;
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озарить,
И вотъ ужъ перешла въ другое,
И то недолго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись!
Утѣшься!..

А Л Е К О .

Какъ она любила!
Какъ нѣжно преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ,
Иль упоительнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И что жъ? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла.

СТАРИКЪ.

Послушай, расскажу тебѣ
 Я повѣсть о самомъ себѣ.
 Давно, давно, когда Дунаю
 Не угрожалъ еще москаль
 [Вотъ, видишь, я припоминаю,
 Алеко, старую печаль],
 Тогда боялись мы султана,
 А правилъ Буджакомъ паша
 Съ высокихъ башенъ Аккермана. —
 Я молодъ былъ, моя душа
 Въ то время радостно кипѣла,
 И ни одна въ кудряхъ моихъ
 Еще сѣдинка не бѣлѣла.
 Между красавицъ молодыхъ
 Одна была... и долго ею,
 Какъ солнцемъ, любовался я,
 И наконецъ назвалъ моею.

Ахъ, быстро молодость моя
 Звѣздой падучею мелькнула!
 Но ты, пора любви, минула
 Еще быстрѣе: только годъ
 Меня любила Мариула.

Однажды, близъ кагульскихъ водъ
 Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
 Цыганы тѣ, свои шатры
 Разбивъ близъ нашихъ, у горы.
 Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
 Они ушли на третью ночь,
 И, брося маленькую дочь,
 Ушла за ними Мариула.
 Я мирно спалъ; заря блеснула;
 Проснулся я—подруги нѣтъ!
 Ищу, зову—пропалъ и слѣдъ.

Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!... Съ этихъ поръ
Постылы мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

А Л Е К О .

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ вослѣдъ неблагодарной,
И хищнику и ей, коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

С Т А Р И К Ъ .

Къ чему? Вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

А Л Е К О .

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь,
Или хотъ мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ,
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гуль.

М О Л О Д О Й Ц Ы Г А Н Ъ .

Еще одно, одно лобзанье!

ЗЕМФИРА.

Пора! мой мужъ ревнивъ и золъ.

ЦЫГАНЪ.

Одно... но долъ—на прощанье!

ЗЕМФИРА.

Прощай, покамѣсть не пришелъ.

ЦЫГАНЪ.

Скажи—когда жъ опять свиданье?

ЗЕМФИРА.

Сегодня, какъ зайдетъ луна,
Тамъ, за курганомъ надъ могилой...

ЦЫГАНЪ.

Обманеть! не придетъ она.

ЗЕМФИРА.

Бѣги—вотъ онъ! Приду, мой милый.

Алеко спить. Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ;
Онъ, съ крикомъ пробудясь во тьмѣ,
Ревниво руку протираетъ,
Но оробѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ—
Его подруга далека....
Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ...
Все тихо! страхъ его объемлетъ,
По немъ текутъ и жаръ, и хладъ;
Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ,
Вокругъ телѣгъ ужасенъ бродить;

Спокойно все; поля молчатъ;
Темно; луна зашла въ туманы;
Чуть брезжетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ;
Чуть по росѣ примѣтный слѣдъ
Ведетъ за дальные курганы:
Нетерпѣливо онъ идетъ,
Куда зловѣщій слѣдъ ведетъ.

Могила на краю дороги
Вдали бѣлѣетъ передъ нимъ,
Туда слабѣющія ноги
Влачить, предчувствіемъ томимъ;
Дрожать уста, дрожать колѣни....
Идетъ.... и вдругъ.... иль это сонъ?
Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни,
И близкій шопоть слышитъ онъ
Надъ обезславленной могилой.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пора!...

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Постой!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Пора, мой милый.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! постой, дождемся дня.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Ужъ поздно.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Какъ ты робко любишь.

Минуту!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Ты меня погубишь.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Минуту!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ

Если безъ меня

Проснется мужъ....

А Л Е К О .

Проснулся я.

Куда вы? Не спѣшите оба—
Вамъ хорошо и здѣсь, у гроба.

З Е М Ф И Р А .

Мой другъ, бѣги, бѣги!

А Л Е К О .

Постой!

Куда, красавецъ молодой?
Лежи!

[Вонзаетъ въ него ножъ].

З Е М Ф И Р А .

Алеко!

Цыганъ.

Умираю!

З Е М Ф И Р А .

Алеко, ты убьешь его!
Взгляни, ты весь обрызганъ кровью!
О, что ты сдѣлалъ?

А Л Е К О.

Ничего.

Теперь дыши его любовью...

З Е М Ф И Р А.

Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убійство проклинаю.

А Л Е К О.

Умри жъ и ты! [Поражаетъ ее].

З Е М Ф И Р А.

Умру любя!

Востокъ, денницей озаренный,
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножемъ въ рукахъ, окрававленный,
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали;
Убійца страшень былъ лицомъ;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу въ сторонѣ копали,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;
Подняли трупы, понесли
И въ лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда же ихъ зарыли
Послѣдней горстію земной,

Онъ молча, медленно склонился
И съ камня на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рекъ:
„Оставь насъ, гордый человекъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ,
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты золь и смѣль—оставь же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою“.

Сказаль—и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подъемлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,—
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснуть раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ телѣгѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

ЭПИЛОГЪ.

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами древнихъ становъ,
Телѣги мирныя цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями;
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны;
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

6. Полтава (1828 г.).

The power and glory of the war,
Faithless, as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar *).

Byron.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага, утвердила русское владычество на югѣ, обезпечила новыя завоеванія на сѣверѣ и доказала государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго царемъ.

Ошибка шведскаго короля вошла въ пословицу. Его упрекають въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украину безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ однакожь симъ походомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что, наконецъ, 25,000 шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ королемъ, побѣгутъ передъ нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, *яко злыо опаснаго дѣла*. Въ семъ походѣ Карлъ XII менѣе, нежели когда-нибудь, ввѣрялся своему счастью: оно уступило генію Петра.

Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣ-

*) Могущество и слава войны, измѣнявья, какъ ея тщетные поклонники—люди, сдѣлались достояніемъ торжествующаго царя.

дать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмѣльницкаго. Исторія представляетъ его честолюбцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣянiяхъ, клеветникомъ Самойловича—своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженiя: память его, преданная церковiю анаѣмѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятiя человѣчества.

Нѣкто въ романтической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные во французской мелодрамѣ и проч. Лучше было бы развить и объяснить настоящiй характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица.

ПОСВЯЩЕНIЕ.

I love this sweet name *).

В у г о н .

Тебѣ—но голосъ музы темной
Коснется ль слуха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященiе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ привѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,

*) Люблю это нѣжное имя.

Твоя далекая пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей *).
Его луга необозримы;
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора **)
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями ***)
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами —
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь кievскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ
Напоминаютъ плавный ходъ,

*) Василий Леонтьевичъ Кочубей—генеральный судья, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ графовъ.

**) Хуторъ—загородный домъ.

***) У Кочубея было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазелы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матреной.

То лани быстрыя стремленья.
Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернѣютъ;
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
Но не единая краса --
Мгновенный цвѣтъ! — молвою шумной
Въ молодой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.
За то завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украина и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжить пугливая Марія.
Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
За ней самъ гетманъ сватовъ шлетъ... *)

Онъ старъ. Онъ удрученъ годами,
Войной, заботами, трудами,
Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное.
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено,
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

*) Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но ему отказали.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла послыша тяжкій летъ, —
Одна въ сѣняхъ невѣсга бродить,
Трепещеть и рѣшенья ждетъ.

И вся полна негодованьемъ
Къ ней мать идетъ и, съ содроганьемъ
Схвативъ ей руку, говоритъ:
„Безстыдный! старецъ нечестивый!
Возможно ль?.. Нѣтъ, пока мы живы,
Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.
Онъ, должный быть отцомъ и другомъ
Невинной крестницы своей...
Безумецъ! на закатѣ дней
Онъ вздумалъ быть ея супругомъ“.
Марія вздрогнула. Лицо
Покрыла блѣдность гробовая,
И, охладѣвъ, какъ неживая,
Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи—и ни слова
Не говорить. Отецъ и мать
Ей сердце ищутъ успокоить,
Боязнь и горе разогнать,
Тревогу смутныхъ думъ устроить. .
Напрасно. Цѣлые два дня,
То молча плача, то стена,
Марія не пила, не ѣла,
Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтлица опустѣла.

Никто не зналъ, когда и какъ
Она сокрылась. Лишь рыбагъ
Той ночью слышалъ конскій топотъ,
Казачью рѣчь и женскій шопотъ,

И утромъ слѣдъ осьми подковъ
Быль виденъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланить,
Да русы кудри молодья,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенъе красоты
Влагають страстные мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
Коснулась роковая вѣсть:
Она забыла стыдъ и честь,
Она въ объятіяхъ злодѣя!
Какой позоръ! Отецъ и мать
Молву не смѣютъ понимать.
Тогда лишь истина явилась
Съ своей ужасной наготой;
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы молодой;
Тогда лишь только стало явно,
Зачѣмъ бѣжала своенравно
Она семейственныхъ оковъ,
Томила тайно, воздыхала
И на привѣты жениховъ
Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
Она лишь гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала
И чаша пѣнилась виномъ;
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ *),
Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,

*) Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсней, доннынъ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патріотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

Когда молва его не знала;
Зачѣмъ съ неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный звонъ литавръ и клики
Предъ бунчукомъ и булавою
Малороссійскаго владыки... *)

Богатъ и знатенъ Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омытъ онъ можетъ славу.
Онъ можетъ возмутить Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Онъ можетъ мщеніемъ отца
Постигнуть гордаго злодѣя;
Онъ можетъ вѣрною рукой
Вонзить... но замыселъ иной
Волнуеть сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ неожиданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куеть булатъ.

Вѣнчаннй славой бесполезной,
Отважный Карлъ скользитъ надъ бездной.
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая русскія дружины,
Какъ вихоръ гонитъ прахъ долины

*) Бунчукъ и булава—знаки гетманскаго достоинства.

И клонить пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ *).

Украина глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: „пора, пора!“
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украину,
Молвъ, казалось, не внималъ
И равнодушно пировалъ.

„Что жъ, гетманъ?—юноши твердили:—
Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носить булаву?
Теперь бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко **),
Иль Самойловичъ молодой ***)“

*) Смотр. Мазепу Байрона.

***) Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ русскаго владычества.

***) Григорій Самойловичъ, сынъ гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ началѣ царствованія Петра I.

Иль нашъ Палѣй *), иль Гордѣнко **)
Владѣли силой войсковою, —
Тогда бѣ въ снѣгахъ чужбины дальней
Не погибали казаки,
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки“ ***).

Такъ, своеволиемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ,
Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливые споры,
Святыя брани, договоры
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ:
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшитъ.
Кто сидеть въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ;
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣеть одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,

*) Симеонъ Палѣй, хвостовскій полковникъ, славный наѣздникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ, по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи.

**) Костя Гордѣнко, кошевой атаманъ запорожскихъ казаковъ. Впослѣдствіи передался Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.

***) 20,000 казаковъ было послано въ Лифляндію.

Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливый
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славить съ своевольнымъ,
Поносить власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы леть,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Не многимъ, можетъ-быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ,
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ,
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Издавна умыселъ ужасный
Взлелѣвалъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ — его проникъ.

„Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!
Скрежеща, мыслить Кочубей: —
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;

Ты не истлѣешь средь пожара,
Ты не издохнешь отъ удара
Казачьей сабли. Нѣтъ, злодѣй,
Въ рукахъ московскихъ палачей,
Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
Ты проклянешь и день и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ,
И пиръ, на коемъ чести чашу
Тебѣ я полну наливалъ,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршунъ, заклевалъ!..“

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Быль другъ Мазепа; въ оны дни,
Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
Дѣлились чувствами они.
Ихъ кони по полямъ побѣды
Скакали рядомъ сквозь огни;
Нерѣдко долгія бесѣды
Наединѣ вели они.
Предъ Кочубеемъ гетманъ скрытный
Души мятежной, ненасытной,
Отчасти бездну открывалъ
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ, было сердце Кочубея
Въ то время предано ему,
Но, въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
Теперь позыву одному
Оно послушно; онъ голубить
Едину мысль и день и ночь:
Иль самъ погибнетъ, иль погубить —
Отмститъ поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу

Онъ крѣпко въ сердцѣ затаилъ,
Въ безсиьной горести, ко гробу
Теперь онъ мысли устремилъ.
Онъ зла Мазепѣ не желаетъ:
Всеу виновна дочь одна,
Но онъ и дочери прощаетъ:
„Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
Покрывъ семью свою позоромъ,
Забывъ и небо, и законъ...“

А между тѣмъ, орлинымъ взоромъ
Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
Себѣ товарищей отважныхъ,
Неколебимыхъ, непродажныхъ.
Во всемъ открылся онъ женѣ: *)
Давно въ глубокой тишинѣ
Уже доносъ онъ грозный копить,
И, гнѣва женскаго полна,
Нетерпѣливая жена
Супруга злобнаго торопить.
Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
Какъ нѣкій духъ, ему она
О мщеньи шепчетъ, укоряетъ,
И слезы льетъ, и ободряетъ,
И клятвы требуетъ—и ей
Клянется мрачный Кучубей.
Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
Безстрашный Искра заодно, **)
И оба мыслятъ: „Одолѣмъ;
Врага паденье рѣшено.
Но кто жъ, усердемъ пламенѣя,
Ревнуя къ общему добру,
Доносъ на мощнаго злодѣя

*) Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что
имъ управляетъ жена его, *гордая и высокоумная*.

**) Искра, полтавскій полковникъ, товарищъ Кочубей, раздѣлив-
шій съ нимъ его умысль и участь.

Предубѣжденному Петру
Къ ногамъ положить не робѣя?“

Между полтавскихъ казаковъ,
Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
Одинъ съ младенческихъ годовъ
Ее любилъ любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни украинскихъ черешень,
Бывало онъ Марію ждалъ,
И ожиданіемъ страдалъ,
И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою:
Отказа бъ онъ не пережилъ.
Когда наѣхали толпою
Къ ней женихи, изъ ихъ рядовъ
Унылъ и сирѣ онъ удалился.
Когда же вдругъ межъ казаковъ
Позоръ Маріинъ огласился,
И беспощадная молва
Ее со смѣхомъ поразила—
И тутъ Марія сохранила
Надъ нимъ привычныя права.
Но если кто, хотя случайно,
Предъ нимъ Мазепу называлъ,
То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимый
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блестить,
Мѣшокъ за пазухой звенить,
Не спотыкаясь конь ретивый
Бѣжить, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ—потѣха молодца,
Ретивый конь—потѣха тоже,
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ,
Но выдасть шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожить?
Зачѣмъ, что въ ней доносъ зашить,
Доносъ на гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кучубея.

Грозы не чуя, между тѣмъ
Не ужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ;
Съ нимъ полномощный езуитъ *)
Мятежъ народный учреждаетъ;
И шаткій тронъ ему сулитъ.
Во тѣмъ ночной они какъ воры
Ведутъ свои переговоры,
Измѣну цѣнятъ межъ собой,
Слагаютъ цыфрѣ универсаловъ, **)
Торгуютъ царской головой,
Торгуютъ клятвами вассаловъ.
Какой-то нищій во дворецъ

*) Езуитъ Заленскій, княгиня Дульская и какой-то болгарскій архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества, были главными агентами Мазепиной измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украину и обратно.

**) Такъ назывались манифесты гетмановъ.

Невѣдомо отколѣ ходитъ,
И Орликъ, гетмановъ дѣлецъ, *)
Его приводитъ и выводитъ.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ, на Дону, казачьи круги
Они съ Булавинымъ мутятъ, **)
Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу,
Тамъ, за порогами Днѣпра,
Стращаютъ буйную ватагу
Самодержавіемъ Петра.
Мазепа всюду взоръ кидаетъ
И письма шлетъ изъ края въ край,
Угрозой хитрой подымаетъ
Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ стѣнахъ Очакова паша,
Во станѣ Карлъ и царь. Не дремлетъ
Его коварная душа;
Онъ думой думу развивая,
Вѣрнѣй готовитъ свой ударъ;
Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
Неутомимъ преступный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспринулъ,
Когда предъ нимъ внезапно грянулъ
Упадшій громъ! Когда ему,
Врагу Россіи, самому
Вельможи русскіе послали ***)
Въ Полтавѣ писанный доносъ

*) Филиппъ Орликъ, генеральный писарь, наперсникъ Мазены, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго, получилъ отъ Карла XII пустой титулъ малороссійскаго гетмана. Впослѣдствіи принялъ магометанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года.

**) Булавинъ, донской казакъ, бунтовавшій около того времени.

***) Тайный секретарь Шафировъ и гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости должны лежать ужасъ суда и казни доносителей.

И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласки расточали:
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Донось оставя безъ вниманья,
Самъ царь Гуду утѣшалъ
И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго обѣцалъ!

Мазепа, въ горести притворной,
Къ царю возносить гласъ покорный.
„И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
Онъ, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
Царю служилъ душою вѣрной;
Его щедротою безмѣрной
Осыпанъ, дивно вознесенъ...
О, какъ слѣпа, безумна злоба!..
Ему ль теперь у двери гроба
Начать ученіе измѣнъ
И потемнять благу ю славу?
Не онъ ли помощь Станиславу *)
Съ негодованьемъ отказалъ,
Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны
И договоръ и письма тайны
Къ царю, по долгу, отослалъ?
Не онъ ли наущеньямъ хана **)
И цареградскаго султана
Былъ глухъ? Усердіемъ горя,
Съ врагами бѣлаго царя
Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
Трудовъ и жизни не жалѣлъ?
И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
Его сѣдины опозорить!

*) Въ 1705 году.

**) Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на русское войско.

И кто же? Искра, Кочубей!
Такъ долго бывъ его друзьями!..
И съ кровожадными слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй... *)
Чьей казни?.. Старецъ непреклонный!
Чья дочь въ объятіяхъ его?
Но хладно сердца своего
Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
Онъ говоритъ: „Въ неравный споръ
Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
Самъ точить на себя топоръ.
Куда бѣжить, зажавши вѣжды?
На чемъ онъ основалъ надежды?
Или.... но дочери любовь
Главы отцовской не искупить.
Любовникъ гетману уступить,
Не то—моя прольется кровь“.

Марія, бѣдная Марія,
Краса черкасскихъ дочерей!
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Тагъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:

*) Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пыта-ли слишкомъ легко, неотступно требовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными стар-цами, а графа Головкина съ пророкомъ Данииломъ.

Ты мать забыть для нихъ могла,
Соблазномъ посланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла!
Своими чудными очами
Тебя стариѣ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ;
Тебѣ приятень твой позоръ,
Ты имъ въ безумномъ упоеньѣ
Какъ цѣломудріемъ горда;
Ты прелесть нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьѣ...

Что стыдъ Маріи? Что молва?
Что для нея мірскія пени,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,
Когда съ ней гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ, и шумъ,
Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?
И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмѣваетъ:
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости однихъ,
И мнится, пенямъ ихъ внимаетъ...
О, если бъ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украина!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мраченъ. Умъ его
Смущенъ жестокими мечтами.
Марія нѣжными очами
Глядитъ на старца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему твердитъ.
Напрасно: черныхъ помышлений
Ея любовь не удалить.
Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ.
Онъ хладно потупляетъ взоръ
И ей на ласковый укоръ
Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встаетъ она
И говорить съ негодованьемъ:

„Послушай, гетманъ, для тебя
Я позабыла все на свѣтѣ.
Навѣкъ однажды полюбя,
Одно имѣла я въ предметъ—
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастье мое.
Но ни о чемъ я не жалѣю—
Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
Меня любить ты клялся мнѣ.
Зачѣмъ же ты меня не любишь?“

М А З Е П А .

Мой другъ, несправедлива ты!
Оставь безумныя мечты,
Ты подозрѣньемъ сердце губишь.
Нѣтъ, душу пылкую твою
Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.

Марія, вѣрь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

МАРІЯ.

Неправда; ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь,
Теперь онѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
Въ пирахъ, разъѣздахъ—я забыта;
Ты долгой ночью иль одинъ,
Иль съ нищимъ, иль у езуита.
Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость:
Кто эта Дульская?

МАЗЕПА.

И ты

Ревнива? мнѣ ль, въ мои ли лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя оковы
И женъ притворствомъ искушать?

МАРІЯ.

Нѣтъ, объяснись безъ отговорокъ.
И просто, прямо отвѣчай.

МАЗЕПА.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія; такъ и быть, узнай!

Давно замыслили мы дѣло;
Теперь оно кипитъ у насъ.
Благое время намъ приспѣло;
Борьбы великой близокъ часъ.
Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украинѣ быть уже пора —
И знамя вольности кровавой
Я поднимаю на Петра.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
Быть-можетъ, тронъ воздвигну я.
Друзей надежныхъ я имѣю:
Княгиня Дульская и съ нею
Мой езуитъ, да нищій сей
Къ концу мой замыселъ приводятъ:
Черезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
Наказы, письма королей.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна ль ты? Твой мечтанья
Разсѣяны ль?

МАРІА

О, милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанеть
Корона царская?

МАЗЕПА.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

МАРІЯ.

Я близъ тебя не знаю страха—
Ты такъ могущъ! О, знаю я:
Тронъ ждетъ тебя.

МАЗЕПА.

А если плаха?..

МАРІЯ.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ, ты носишь власти знакъ.

МАЗЕПА.

Меня ты любишь?

МАРІЯ.

Я люблю ли?

МАЗЕПА.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? Тревожить
Меня напрасно онъ. Семью
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть-можетъ
(Какая страшная мечта!),
Моимъ отцомъ я проклята,
А за кого?

МАЗЕПА.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь....

МАРІЯ.

О, Боже!

МАЗЕПА.

Что жъ? Отвѣчай.

МАРІЯ.

Рѣши ты самъ.

МАЗЕПА.

Послушай: если было бѣ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была,
Кого бѣ ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! сердце не смущай!
Ты искуситель.

МАЗЕПА.

Отвѣчай!

МАРІЯ.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
О, не сердись! всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такія.
Довольно.

МАЗЕПА

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо-тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопоть и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размысленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Заутра казнь. Но безъ боязни.
Онъ мыслить объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долить. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху вестъ,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтитъ взоръ
И смерти кинутся въ объятя,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!..

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,

И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаетъ инаго—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И, отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокой человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

О Р Л И К Ъ .

Допросъ не конченъ; отвѣчай!

КОЧУБЕЙ.

Я отвѣчалъ уже; ступай,
Оставь меня.

ОРЛИКЪ.

Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.

КОЧУБЕЙ.

Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

ОРЛИКЪ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ;
Мы знаемъ: не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ. *)
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣнiе сполна
Въ казну поступить войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣднiй долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

КОЧУБЕЙ.

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой—честь была:

*) Деревня Кочубей.

Гладь этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый—
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую мечь:
Ее готовлюсь Богу снести.

О Р Л И К Ъ .

Старикъ, оставь пустыя бредни;
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслию суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?

К О Ч У Б Е Й .

Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпый?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепою
Мое наслѣдіе считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возьмите дочь мою;
Она сама вамъ все расскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ,
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

О Р Л И К Ъ .

Гдѣ спряталъ деньги? укажи!
Не хочешь?—Деньги гдѣ? скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.

Подумай: мѣсто намъ назначь.
Молчишь?— Ну, въ пытку. Гей, палачъ! *)

Палачъ вошелъ...

О, ночь мученій!
Но гдѣ же гетманъ? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнаніемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы молодой
Сидитъ съ поникшею главой
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
„Умретъ безумный Кочубей;
Спасити нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клеветъ
Умрутъ“. Но, брося взоръ на ложе,
Мазепа думаетъ: „О, Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ—
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Сѣкира,
Упавъ поутру, загромитъ
По всей Украйнѣ. Голосъ міра
Вокругъ нея заговоритъ!..
Ахъ, вижу я: кому судьбою

*) Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войска гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ.

Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены:
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно—
Теперь плачу безумства дань...
Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
Мнѣ, старцу мрачному—и что же?
Какой готовлю ей ударъ!..“
И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
Какъ сладогъ юности покой!
Какъ сонъ ее лелѣетъ нѣжно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра... Содрогаясь,
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и, тихо пробираясь,
Въ уединенный сходить садъ.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ,
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи шепчутъ межъ собою,
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ

Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачь совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной—
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ
И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ—тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельѣ дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И—съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.
Блеснули доли, холмы, нивы,
Вершины роцъ и волны рѣкъ.
Раздался утра шумъ игривый
И пробудился человѣкъ.

Еще Марія сладко дышетъ,
Дремой объята, и слышитъ
Сквозь легкій сонъ, что кто-то къ ней
Вошелъ и ногъ ея коснулся.
Она проснулась—но скорѣй
Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
Отъ блеска утреннихъ лучей.
Марія руки протянула
И съ нѣгой томною шепнула:
„Мазепа ты?..“ Но голосъ ей
Иной отвѣтствуетъ... О, Боже!
Вздрогнувъ, она глядитъ... и что же?
Предъ нею мать...

МАТЬ.

Молчи, молчи,
Не погуби насъ: я въ ночи

Сюда прокралась осторожно
Съ единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебѣ одной
Свирѣпство ихъ смягчить возможно.
Спаси отца!

д о ч ь [въ ужасѣ].

Какой отецъ?

Какая казнь?

м а т ь.

Иль ты донинѣ
Не знаешь?.. Нѣтъ! ты не въ пустынь,
Ты во дворцѣ; ты знать должна,
Какъ сила гетмана грозна,
Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
Какъ государь ему внимаетъ.
Но вижу, скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
Когда читаютъ приговоръ,
Когда готовъ отцу топоръ...
Другъ другу, вижу, мы чужія...
Опомнись, дочь моя! Марія,
Бѣги, пади къ его ногамъ,
Спаси отца, будь ангелъ намъ:
Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
Ты можешь ихъ топоръ отвести.
Рвись, требуй—гетманъ не откажетъ:
Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога...

д о ч ь.

Что со мною?

Отецъ... Мазепа... казнь... съ мольбою

Здѣсь, въ этомъ замкѣ мать моя —
Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы...

МАТЬ.

Богъ съ тобою!

Нѣтъ, нѣтъ—не грезы, не мечты.
Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана донесъ;
Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы;
Что, жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выданъ головою;
Что предъ громадой войсковою,
Когда его не осѣнить
Десница вышняя Господня,
Онъ долженъ быть казненъ сегодня;
Что здѣсь покамѣсть онъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ...

ДОЧЬ.

Боже, Боже!

Сегодня!.. Бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ бубны. Скачутъ сердюки *).
Въ строяхъ ровняются полки.
Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.

*) Войско, состоявшее на собственномъ иждивеніи гетмановъ.

Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помость;
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелый,
То шутить съ чернью веселой.
Въ гремячій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропоть.
Вдругъ восклицанье раздалось —
И смолкло все. Лишь конскій топоть
Быль слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный гетманъ съ старшинами
Скакаль на ворономъ конѣ,
А тамъ, по кievской дорогѣ,
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ,
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ миромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣль безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;
Съ кадилъ куренье поднялось;
За упогой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы—за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробъ—тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.

Зардѣлась кровію трава—
И сердцемъ радуясь во злобѣ,
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ,
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, рассыпавшись, домой
И про свои работы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустѣетъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили, полныя боязни.
Ужъ *поздно*, кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой намость ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телѣгу подымали
Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
Мазепа, грозень, удалялся
Отъ мѣста казни. Онъ терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто къ нему не приближался;
Не говорилъ онъ ничего;
Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
Домой пріѣхавъ, „что, Марія?“
Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
Отвѣты робкіе, глухіе...
Невольно страхомъ пораженъ,
Идетъ онъ къ ней; въ свѣтлицу входитъ —
Свѣтлица тихая пуста.
Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродить,
Но вокругъ широкаго пруда,

Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ—
Ушла!—Зоветь онъ слугъ надежныхъ,
Своихъ проворныхъ сердюковъ.
Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони —
Раздался дикій кликъ погони,
Верхомъ—и скачутъ молодцы
Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія,—
Не возвращается Марія.
Никто не вѣдалъ, не слыхалъ,
Зачѣмъ и какъ она бѣжала.
Мазепа молча скрежеталъ,
Затихнувъ, челядь трепетала.
Въ груди кипучій ядъ нося,
Въ свѣтлицѣ гетманъ заперся.
Близъ ложа тамъ во мракѣ ночи
Сидѣлъ онъ, не смыкая очи,
Нездѣшной мукою томимъ.
Поутру посланные слуги
Одинъ явились за другимъ.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пѣною покрыто,
Въ крови, растеряно, избито—
Но ни одинъ ему принести
Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
И слѣдъ ея существованья
Пропалъ, какъ будто звукъ пустой,
И мать одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ нищетою.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно въ даль

Вождю Украйны не мѣшаетъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложъ мнимаго мученья
Стоная, молитъ исцѣленья.
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бранный мѣръ оставить;
Святой обрядъ онъ хочетъ править,
Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины,
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течеть.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ
Готова шведамъ тризну тайну.
Незапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украйну.

И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра,
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами
И саблей машетъ—и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ.
Согбенный тяжко жизнью старой,
Такъ оный хитрый кардиналь,

Вънчавшись римскою тиарой,
И прямъ, и здоровъ, и молодъ сталъ.

И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
Украина смутно зашумѣла.
„Онъ перешель, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный!“ Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.

Кто опишетъ

Негодованье, гнѣвъ царя? *)
Гремитъ анаѳема въ соборахъ;
Мазепы лигъ терзаетъ катъ **);
На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ
Другаго гетмана творять.
Съ береговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки

*) Сильными мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной его быстротой и энергіей, удержали Украину въ повиновеніи. „1708 г. ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки, по обычаю своему, вольными голосами выбрали въ гетманы полковника стародубскаго Ив. Скоропадскаго.—8-го числа пріѣхали въ Глуховъ кievскій, черниговскій и переяславскій архіепископы.—А 9-го дня предали клятвѣ Мазепу оные архіереи публично; того же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли и, снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ), оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачъ, взявъ и прицѣпя за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, а потомъ повѣсиди.—Въ Глуховѣ же, 10-го дня, казнили Чечелю и прочихъ измѣнниковъ“... (Журналъ Петра Великаго).

**) Малороссійское слово. По-русски палачъ.

Въ Украину ѣдетъ въ царскій станъ.
Трепещеть бунтъ осиротѣлый.
На плахѣ гибнетъ Чечель *) смѣлый
И запорожскій атаманъ.
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день,—ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.

И царь туда жъ помчалъ дружины.
Онѣ какъ буря притекли,
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлый,
Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
Такъ грозный сходится боецъ.
И, злобясь, видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ, блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.

Но онъ рѣшилъ: — завтра бой!
Глубокій сонъ во станѣ шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шопотомъ бесѣда.

„Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстатѣ:
Разсчетъ и дерзкій, и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать, далъ я промахъ важный:

*) Чечель отчаянно защищалъ Батурино противъ войскъ кн. Меншикова.

Ошибся въ этомъ Карлъ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважный;
Два, три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать, *)
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ, **)
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану,
Свалить, какъ нынче, казака
И обмѣнять на рану рану, ***)
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Какъ полкъ вертѣтся онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть, какому счастью вѣрять;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣрять,—
Сломить ему свои рога!
Стыжусь: воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастьемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.“

О Р Л И К Ъ .

Сраженья

Дождемся. Время не ушло

*) Въ Дрезденъ къ королю Августу.

**) „Ахъ, В. В.! бомба!“ — „Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? пиши“. Это случилось гораздо послѣ.

***) Ночью Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у сгня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣдилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

МАЗЕПА.

Нѣтъ, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовомъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ.
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые.
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее, какъ мать во чревѣ
Младенца носить. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды...
Кому бѣжать, рѣшить заря.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ русскаго царя.

Горить востокъ зарею новой;
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ рассыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпить.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ,
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ,

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.

Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожить, глазами косо водить
И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаеть.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь, строятся полки
Молчить музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ;
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сии птенцы гнѣзда Петрова,
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Репнинъ,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ

Необычайное волненье:
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маниемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубить, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочить онъ:

Одряхъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонѣ!
Но что жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился.
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Быль мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близко, близко мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О славный часъ! О славный видъ!

Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ; *)
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ жъ Мазепа? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхъ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?

Верхомъ въ глуши степей нагихъ
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.

*) Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствию кп. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. „Ибо (сказано въ Жур. Петра Вел.) непобѣдимые господа шведы скоро хребтъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута“. Петръ впоследствии времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день генераломъ кп. Меншиковымъ.

Онъ рану тяжкую свою
 Забылъ. Поникнувъ головою,
 Онъ скачетъ, русскими гонимъ,
 И слуги вѣрные толпою
 Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
 Степей широкій полукругъ,
 Съ нимъ старый гетманъ скачетъ рядомъ.
 Предъ ними хуторъ... Что же вдругъ
 Мазепа будто испугался?
 Что мимо хутора помчался
 Онъ стороной во весь опоръ?
 Иль этотъ заустѣлый дворъ,
 И домъ, и садъ уединенный,
 И въ поле отпертая дверь
 Какой-нибудь рассказъ забвенный
 Ему напомнили теперь?
 Святой невинности губитель!
 Узналъ ли ты сію обитель,
 Сей домъ, веселый прежде домъ,
 Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
 Семей счастливой окруженный,
 Шутить, бывало, за столомъ?
 Узналъ ли ты пріютъ укромный,
 Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
 И садъ, откуда ночью темной
 Ты вывелъ въ степь... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
 На брегъ синяго Днѣпра
 Между скалами чутко дремлютъ
 Враги Россіи и Петра.
 Щадятъ мечты покой героя,
 Уронъ Полтавы онъ забылъ,
 Но сонъ Мазепы смутенъ былъ.
 Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя...
 И вдругъ въ безмолвіи ночномъ

Его зовутъ. Онъ пробудился.
Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,
Тихонько кто-то наклонился.
Онъ вздрогнулъ, какъ подъ топоромъ...
Предъ нимъ съ развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
Стоитъ, луной освѣщена...
„Иль это сонъ?.. Марія... ты ли?“

МАРІЯ.

Ахъ, тише, тише, другъ!.. Сейчасъ
Отецъ и мать глаза закрыли...
Постой... слышать могутъ насъ.

МАЗЕПА.

Марія, блѣдная Марія!
Опомнись! Боже!.. Что съ тобой?

МАРІЯ.

Послушай, хитрости какія!
Что за рассказъ у нихъ смѣшной?
Она за тайну мнѣ сказала,
Что умеръ блѣдный мой отецъ,
И мнѣ тихонько показала
Сѣдую голову—Творецъ!
Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
Подумай: эта голова
Была совсѣмъ не человѣчья,
А волчья—видишь, какова!
Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
Не стыдно ль ей меня терзать?
И для чего? Чтобъ я не смѣла
Съ тобой сегодня убѣжать
Возможно ль?

Съ горестью глубокой

Любовникъ ей внималъ жестокій.
Но вихрю мыслей предана,
„Однакожь—говорить она:—
Я помню поле... праздникъ шумный...
И чернь... и мертвыя тѣла...
На праздникъ мать меня вела...
Но гдѣ жъ ты былъ?.. Съ тобою розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно...
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустаго:
Я принимала за другаго
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь“.

И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
Огонь казачій пламенѣлъ;
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у берега Днѣпра
Коней разсѣданныхъ поили.
Проснулся Карлъ. „Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ“.
Но гетманъ ужъ не спитъ давно.
Тоска, тоска его снѣдаетъ;
Въ груди дыханье стѣснено.
И молча онъ коня сѣдлаетъ,
И скачетъ съ бѣглымъ королемъ,
И страшно взоръ его сверкаетъ,
Съ роднымъ прощаясь рubeжемъ.

Прошло сто лѣтъ—и что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось,
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый
Оградой мирной обступилъ
Бендеръ пустынные раскаты,
Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
Вокругъ воинственныхъ могилъ, —
Останки разоренной сѣни,
Три углубленные въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о шведскомъ королѣ.
Съ нихъ отражалъ герой безумный,
Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой рати приступъ шумный
И бросилъ шпагу подъ бунчукъ.
И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы гетманской могилы:
Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ
Разъ въ годъ анаѰемой донинѣ,
Грозя, гремитъ о немъ соборъ.
Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно церковь пріютила *).

*) Обезглавленные тѣла Искры и Кочубелъ были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

Цвѣтеть въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
Они о праотцахъ казненныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.
Но дочь-преступница... преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ.

„Кто еси мимо глядый о насъ невѣдущи,
Еяны здѣ естесмо положены суци.
Понеже намъ страсть и смерть повели молчати,
Сей камень возопіеть о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу,
Страданія и смерти испиймо чашу,
Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
Посѣченны zostавше топоромъ во главы;
Почиваемъ въ семь мѣстѣ Матери Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войскового, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Искра, полковникъ полтавскій. Привезены же тѣла ихъ іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семь мѣстѣ погребены“.

6. МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

(ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхомъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ *онъ*, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Приютъ убогаго чухонца,
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ *онъ*:

„Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ“.

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣсняются
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиросная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампы,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,

Одна заря смѣнить другую —
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красоту;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнь старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:

Объ ней свѣжо воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печалень будетъ мой разсказъ...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
Въ своей постелѣ безпокойной.
Ужъ было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно,
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгенийъ молодой...
Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ. Оно
Звучить пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно;
Прозванья намъ его не нужно,—
Хотя въ минувши времена
Оно, быть-можетъ, и блистало
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало,
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служить,
Дичится знатныхъ и не тужить
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.

Итакъ, домой пришедъ, Евгенийъ
Страхнулъ шинель, раздѣлся, легъ—
Но долго онъ заснуть не могъ

Въ волненъ разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость, и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ; что вѣдь есть
Такіе праздные счастливыцы,
Ума недальняго, лѣнивцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служить онъ всего два года...
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала; что едва ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли,
И что съ Парашей будетъ онъ
Дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло,
И чтобы дождь въ окно стучалъ
Не такъ сердито...

Сонны очи

Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ
Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаеть...
Ужасный день!

Нева всю ночь

Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури,
И спорить стало ей не вмочь...
Поутру надъ ея берегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива

Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погружень.

Осада! Приступъ! Злая волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!

Народъ

Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждеть.
Увы! все гибнетъ: кровь и пища.
Гдѣ будетъ взять?

Въ тотъ грозный годъ

Покойный царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печалень, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: „Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть“. Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами

На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый,
И дома тонущій народъ.

Тогда на площади Петровой,
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ поднятой лапой, какъ живые,
Стоять два льва сторожевые—
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился, бѣдный,
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая,
Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ,
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились.
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки... Боже, Боже! тамъ—
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива—
Заборъ некрашенный, да ива
И ветхій домикъ: тамъ онъ,

Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во снѣ
Онъ это видитъ? Иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?
И онъ, какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода—и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ, насытись разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
Крушить и грабить; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!...
И грабежемъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшать разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась. И Евгений мой
Спѣшитъ, душою замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но, торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,

Какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотритъ, видитъ лодку;
Онъ къ ней бѣжитъ, какъ на находку;
Онъ перевозчика зоветъ,
И перевозчикъ беззаботный
Его за гривенникъ охотно
Черезъ волны страшныя везетъ.

И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими пловцами
Готовъ былъ челнъ—и наконецъ
Достигъ онъ берега.

Несчастный

Знакомой улицей бѣжитъ
Въ мѣста знакомя. Глядитъ...
Узнать не можетъ: видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики; другіе
Совсѣмъ обрушились; иные
Волнами сдвинуты; кругомъ,
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгеній
Сремглавъ, не помня ничего,
Изнемогая отъ мученій,
Бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстьемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ...
Что жъ это?

Онъ остановился;
Пошелъ назадъ—и воротился.

Глядить... идетъ... еще глядить:
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота,
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И полонъ сумрачной заботы,
Все ходить, ходить онъ кругомъ.
Толкуеть громко самъ съ собой—
И вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
Захохоталъ.

Ночная мгла

На городъ трепетный сошла,
Но долго жители не спали
И межъ собою толковали
О днѣ минувшемъ.

Утра лучъ

Изъ-за усталыхъ блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей
И не нашель уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багряницей
Уже прикрыто было зло.
Въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
Покинувъ свой ночной пріютъ,
На службу шель. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ вымѣстить. Съ дворовъ
Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ,

Поэтъ, любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгений...
Увы! его смятенный умъ

Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался;
Его терзаль какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяць—онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда ветхая на немъ
Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему;
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось, онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ—ни звѣрь, ни человѣкъ,
Ни то, ни се—ни житель свѣта,
Ни призракъ мертвый...

Разъ онъ спалъ
У невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, ропща пени
И бясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему не внемлющихъ судей.

Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло—
И съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,
Перекликался часовой...
Вскочилъ Евгений, вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ, пошелъ бродить и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ поднятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.
Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вокругъ него,
И львовъ, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того, чьей волей роговой
Надъ моремъ городъ основался...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной

Россію вздернулъ на дыбы?

Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ,
И взоры дикіе навелъ
На ликъ державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь; онъ мрачно сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ—
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
„Добро, строитель чудотворный!“
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
„Ужо тебѣ!“ И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгорая,
Лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скакущемъ конѣ...
И во всю ночь безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

И съ той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятенье: къ сердцу своему

Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиряя муку,
Картузъ изношенный снималъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ
И шелъ сторонкой.

Островъ малый

На взморьѣ виденъ. Иногда
Причалить съ неводомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варить,
Или чиновникъ посѣтитъ,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхій. Надъ водою
Остался онъ, какъ черный кустъ.
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего....
И тутъ же хладный трупъ его
Похоронили, ради Бога.

7. Женихъ.

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожить и еле дышетъ.
Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,

И отступились наконецъ,
А тайны не узнали.

Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

Разъ у тесовыхъ у воротъ,
Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица—и вотъ
Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ.
Конями, крытыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ стоя править
И гонить всѣхъ, и давить.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
Наташа поглядѣла;
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
Наташа помертвѣла.

Стремглавъ домой она бѣжитъ:
„Онъ! Онъ! узнала!—говорить,—
Онъ, точно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!“

Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Отецъ ей: „Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя, скажи,
Хоть только слѣдъ намъ укажи“.
Наташа плачетъ снова,
И болѣе ни слова.

Наутро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданая приходитъ,
Наташу хвалить, разговоръ
Съ отцемъ ея заводитъ:
„У васъ товаръ, у насъ купецъ;
Собою паренъ молодецъ,

И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.

„Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется въ поясъ,
А какъ бояринъ между тѣмъ
Живеть, не беспокоясь;
А подаритъ невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.

„Катаясь, видѣлъ онъ вчера
Ее за воротами;
Не по рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами!“
Она сидитъ за пирогомъ,
Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.

„Согласенъ,—говоритъ отецъ;—
Ступай благополучно,
Моя Наташа, подь вѣнецъ:
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все касаткѣ распѣвать,
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить“.

Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить хочеть—
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ, и хохочеть.
Въ смятенѣ сваха къ ней бѣжитъ,
Водой студеною поить
И льетъ остатокъ чаши
На голову Наташи.

Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Наташа,

И говоритъ: „Послушна я,
Святая воля ваша.

Зовите жениха на пиръ,
Пеките хлѣбы на весь мѣръ,
На славу медь варите,
Да судъ на пиръ зовите“.

„Изволь, Наташа, ангелъ мой!
Готовъ тебѣ въ забаву
И жизнь отдать!“—И пиръ горой;
Пекутъ, варятъ на славу.
Вотъ гости честные нашли;
За столъ невѣсту повели;
Поютъ подружки, плачутъ;
А вотъ и сани скачутъ.

Вотъ и женихъ—и всѣ за столъ.
Звенятъ, гремятъ стаканы;
Заздравный ковшъ кругомъ пошелъ;
Все шумно, гости пьяны.

Женихъ. „А что же, милые друзья,
Невѣста красная моя
Не пьетъ, не ѣстъ, не служитъ:
О чемъ невѣста тужить?“

Невѣста жениху въ отвѣтъ:

„Откроюсь на удачу...

Душѣ моей покоя нѣтъ,
И день и ночь я плачу:

Недобрый сонъ меня крушитъ“.

Отецъ ей: „Что жъ твой сонъ гласить?

Скажи намъ, что такое,
Дитя мое родное?“

„Мнѣ снилось,—говорить она:—

Зашла я въ лѣсъ дремучій,

И было поздно; чуть луна

Свѣтила изъ-за тучи;

Съ тропинки сбилась я: въ глуши

Не слышно было ни души,

И сосны лишь да ели
Вершинами шумѣли.

„И вдругъ, какъ будто наяву,
Изба передо мною.
Я къ ней; стучу—молчатъ; зову—
Отвѣта нѣтъ; съ мольбою
Дверь отворила я. Вхожу—
Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу—
Вездѣ серебро, да золото,
Все свѣтло и богато“.

ЖЕНИХЪ. А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Знать, жить тебѣ богато.

НЕВѢСТА. Постой, сударь, не конченъ онъ.
На серебро, на золото,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась,
И диву дивовалась.
Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ...
Подѣхали къ крылечку,—
Я поскорѣе дверью хлопъ
И спряталась за печку.
Вотъ слышу много голосовъ...
Взошли двѣнадцать молодцовъ,
И съ ними голубица
Красавица-дѣвица.
Взошли толпой, не поклонясь,
Иконъ не замѣчая;
За столъ садятся, не молясь
И шапокъ не снимая:
На первомъ мѣстѣ братъ большой,
По праву руку братъ меньшей,
По лѣву голубица
Красавица-дѣвица.
Крикъ, хохотъ, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмѣлье...

Женихъ. А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?

Вѣщаетъ онъ веселье.

Невѣста. Постой, сударь, не конченъ онъ.

Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ,

Пиръ весело бушуетъ,

Лишь дѣвица горюетъ.

Сидить, молчить, не ѣсть, не пить

И токомъ слезы точить,

А старшій братъ свой ножъ беретъ,

Присвистывая точить;

Глядитъ на дѣвицу-красу,

И вдругъ хватаетъ за косу;

Злодѣй дѣвицу губить,

Ей праву руку рубить.

„Ну, это,—говоритъ женихъ,—

Прямая небылица

Но не тужи, твой сонъ не лихъ,

Повѣрь, душа-дѣвица“.

Она глядитъ ему въ лицо.

„А это съ чьей руки кольцо?“

Вдругъ молвила невѣста,

И всѣ привстали съ мѣста.

Кольцо катится и звенить,

Женихъ дрожить, блѣднѣя;

Смутились гости—судь гласить:

Держи, вязать злодѣя!

Злодѣй окованъ, обличенъ

И скоро смертію казненъ.

Прославилась Наташа!

И вся тутъ пѣсня наша.

КОНЕЦЪ I ТОМА.

С Л О В А Р Ъ

КЪ ЛИРИЧЕСКИМЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ.

Аврора—утренняя заря.

Анакреонъ (553—469 до Р. Хр.)—знаменитый греческій лирический поэтъ. Содержаніемъ его пѣсенъ служили радости жизни: красота, любовь, розы, вино, пляски и сладкозвучныя пѣсни. Такого содержанія пѣсни называются „анакреонтическими“.

Аониды—прозваніе музъ. Н. М. Карамзинъ (1765—1826 г.) именемъ „Аонидъ“ назвалъ собраніе разныхъ стихотвореній, изданныхъ имъ въ 1796 г.

Араксъ—большая рѣка въ Арменіи.

Аристиппъ—ученикъ Сократа (за 470 л. до Р. Хр.), училъ, что человекъ назначенъ для наслажденій.

Аріонъ (за 620 лѣтъ до Р. Хр.)—пѣвецъ и музыкантъ, съ острова Лесбоса. На спинѣ дельфина доплылъ по морю до мыса Тенара.

Арпачайская струя—рѣка Арпачай, близъ границы войска Донскаго, въ Нахичеванскомъ уѣздѣ.

Асей—безбожникъ.

Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни—атеисты.

Бомарше (1732—1799)—французскій писатель, авторъ драматическихъ піесъ: „Севильскій Цирульникъ“ и „Женитьба Фигаро“.

Весперъ—вечерняя звѣзда.

Виландъ (1733—1843)—германскій поэтъ, извѣстенъ и учеными изслѣдованіями по древности.

Вольтеръ (1694—1778)—французскій писатель, имѣвшій въ XVIII в. обширное вліяніе на европейское общество.

Вордсвортъ (1770—1850)—англійскій поэтъ, глава такъ называемой „Озерной школы“, изображавшей озера Вестморлэнда и Комберлэнда; писалъ сонеты о свободѣ.

Гальяни—атеистъ XVIII в.

Горацій—римскій поэтъ вѣка Августа, воспѣвавшій и сельскую жизнь.

Дантъ (1261—1321)—итальянскій поэтъ, авторъ поэмы „Божественная комедія“, одного изъ высокихъ произведеній эпической поэзіи.

Деистъ—чтитель Промысла.

Дельвигъ—извѣстный нашъ лирический поэтъ, товарищъ Пушкина по Царскосельскому лицію.

Депрео, т. е. Буало (1636—1711)—французскій писатель, установившій особую школу поэтическаго творчества, названную „ложно-классическою“. Она состояла въ рабскомъ подражаніи формамъ древней классической поэзіи, преимущественно римской.

Дидеротъ или Дидро, французскій философъ (1713—1784). Онъ былъ главнымъ вождемъ философіи того времени. Дидеротъ основалъ знаменитую „Энциклопедію“, цѣль которой была примѣнить господствовавшія идеи вѣка ко всеѣмъ областямъ человѣческаго духа. Сотрудники „Энциклопедіи“ были лучшіе умы того вѣка, преимущественно д'Аламберъ (1717—1783 г.)—знаменитый математикъ.

Д'Ольбахъ, баронъ,—атеистъ XVIII в.

Доу—англійскій художникъ, написавшій картины, гдѣ изображены разные генералы, участвовавшіе въ войнѣ 1812 года. Въ 20-хъ годахъ объ этомъ художникѣ такъ отзывались: „Онъ, кажется, однимъ взглядомъ ловить черты лица; особенный даръ портретныхъ живописцевъ, вѣрность глаза у него удивительна. Сходство въ портретахъ его чрезвычайное, дѣйствіе поражающее; лица выходятъ изъ рамокъ: это волшебство“.

Захарово—селеніе близъ Москвы.

Камозенсъ (1525—1579)—португальскій поэтъ, авторъ поэмы „Лузіада“, содержаниемъ которой служитъ рассказъ о подвигахъ португальцевъ (иначе „лузитанцевъ“).

Баяова (1757—1822)—знаменитый венеціанскій скульпторъ. Онъ особенно отличался изваяніемъ женскихъ статуй.

Басті (1721—1803)—итальянскій поэтъ, отличавшійся сатирическимъ направленіемъ своихъ произведеній.

Каталани—знаменитая пѣвица того времени (1755—1849 г.) въ Россіи пѣла въ 1823 г. Она сорокъ лѣтъ восхищала своимъ пѣніемъ разные европейскіе города. „Словно Каталани поетъ“—эти слова были тогда пословицей.

Биееронъ—большая лѣсистая гора въ Віотіи; служила въ древности мѣстомъ вакхическихъ (веселыхъ) собраній.

Коринна—знаменитая греческая женщина (за 500 лѣтъ до Р. Хр.). Отрывки ея стихотвореній собраны.

Борреджіо (1491—1534)—одинъ изъ величайшихъ итальянскихъ живописцевъ.

Лафонтенъ (1621—1685)—знаменитый французскій баснописецъ.

Лета—рѣка забвенія, по баснословію древнихъ грековъ.

Мевій—завистливый критикъ.

Минерва—богиня войны.

Мицкевичъ Адамъ (1798—1855)—польскій поэтъ, рассказавшій въ поэмѣ „Панъ Тадеушъ“ о природѣ и бытѣ Литвы. Извѣстны его „Крымскіе Сонеты“, неоднократно переводимые на русскій языкъ разными нашими поэтами.

Морле—атеистъ XVIII в.

Наяды—нимфы источниковъ и рѣкъ.

Парки, по греческому баснословію, располагаютъ жизнью человѣка. Одна начинаетъ прясть нить жизни человѣка, другая продолжаетъ нить, а третья прерываетъ ее.

Пенаты—у римлянъ такъ назывались домашніе боги, сохраняющіе хозяйство и вообще жилище. Изображенія ихъ ставились на очагѣ, гдѣ приносилась имъ жертва.

Петрарка (1314—1374)—знаменитый итальянскій поэтъ, написавшій болѣе ста сонетовъ къ Лаурѣ и доведшій этотъ видъ лирической поэзіи до совершенства.

Помона—богиня плодовъ.

Расинъ (1639—1699)—знаменитый французскій драматургъ.

Стансы—то же что куплеты. Они должны имѣть во всемъ

сочиненіи одинаковое расположеніе и сочетаніе риѣмъ. Стансъ, слово италіанское, означаетъ комнату, покой, мѣсто успокоенія; оно вошло въ стихосложеніе потому, что послѣ нѣкотораго числа стиховъ читатель останавливается, отдыхаетъ.

Творецъ „Макбета“—Шекспиръ (1564—1616), величайшій изъ поэтовъ міра, англійскій драматургъ. „Макбетъ“—одна изъ совершеннѣйшихъ его трагедій.

Тріанонъ—дворецъ въ Парижѣ, въ которомъ происходили пиры и увеселенія при дворѣ Людовика XVI-го и королевы Маріи Антуанеты.

Фавнъ—древній царь Лаціума, выучилъ своихъ подданныхъ земледѣлію и скотоводству, почему ему поклонялись какъ бо-жеству лѣсовъ и стадъ.

Ферней—мѣстопробываніе Вольтера въ Швейцаріи.

Флора—богиня цвѣтовъ и весны.

Цивикъ посѣдѣлый—Вольтеръ (1694—1778 г.).

Элизіумъ—или Елисейскія поля. Такъ древніе называли то мѣсто, куда достигали души добрыхъ людей послѣ смерти.

Янусъ—древнѣйшее божество римлянъ, считался высшимъ божествомъ, правителемъ временъ судьбы человѣческой, мира и войны.

Феспісъ (за 540 лѣтъ до Р. Хр.)—греческій поэтъ, изобрѣтатель трагедіи.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
Біографія А. С. Пушкина.	3
Роды и виды словесныхъ произведеній, находящихся въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина.	35

Лирическія произведенія.

На возвращеніе Государя Императора (Александра I изъ Парижа въ 1815 году (1815 г.).	40
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ (1815 г.).	44
Посланіе къ Юдину.	51
Къ Жуковскому (1817 г.).	57
Дельвигу (1817 г.).	62
Въ альбомъ И. И. Пущину (1817 г.).	63
Къ портрету Жуковского (1818 г.).	64
Жуковскому (1818 г.).	—
Уединеніе (Деревня. 1819 г.).	65
Домовому (1819 г.).	67
Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь е. и. в. госу- дарыни императрицы Елизаветы Алексѣевны (1819 г.).	68
„Погасло дневное свѣтило“ (1820 г.).	69
Земля и море (1821 г.).	71
Муза (1821 г.).	72
Къ Овидію (1821 г.).	74
Наполеонъ (1821 г.).	77
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (1822 г.).	81
Посланіе къ Ѳ. Н. Глинкѣ (1822 г.).	85
Демонъ (1823 г.).	86
Птичка (1822 г.).	87
Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну (1823 г.).	88
Къ морю (1824 г.).	—
Къ Языкову (1824 г.).	91

Узникъ (1824 г.).	92
Козлову (1825 г.).	93
Если жизнь тебя обманеть (1825 г.).	94
19-е октября (1825 г.).	95
Зимній вечеръ (1825 г.).	102
Ex ungue leonem (1825 г.).	104
Зимняя дорога (1826 г.).	105
Пророкъ (1826 г.).	109
Стансы (1826 г.).	107
Друзьямъ (1828 г.).	108
И. И. Пушкину (1826 г.).	110
Ангель (1827 г.).	111
Княгинѣ З. А. Волконской (1827 г.).	112
Три ключа (1827 г.).	113
Поэтъ (1827 г.).	114
„Близъ мѣсть, гдѣ царствуетъ Венеція златая“ (1827 г.).	—
Золото и булатъ (1827 г.).	115
Цвѣтокъ (1828 г.).	—
Послѣдніе цвѣты (1828 г.).	116
26 мая (1828 г.).	—
Воспоминаніе (1828 г.).	117
Утопленникъ (1828 г.).	118
Анчаръ (1828 г.).	121
Чернь (1828 г.).	122
Донъ (1829 г.).	124
Отрывокъ (1829 г.).	126
Кавказъ (1829 г.).	—
Монастырь на Казбекѣ (1829 г.).	127
Обваль (1829 г.).	—
Делибашъ (1829 г.).	130
„Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?..“ (1829 г.).	—
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ (1829 г.).	132
Зимнее утро (1829 г.).	135
Стансы (1829 г.).	136
Стансы (1830 г.).	137
Къ Вельможѣ (1830 г.).	138
Отвѣтъ анониму (1830 г.).	143

	<i>Стр.</i>
Поэту (1830 г.).	144
Мадонна (1830 г.)	145
Къ *** (1830 г.).	146
Герой (1830 г.).	147
Элегія (1830 г.).	150
Бѣсы (1830 г.).	—
Осеннее чувство (1830 г.).	152
Осень (1830 г.).	153
Безсонница (1830 г.).	157
Аріонъ (1830 г.).	158
Царскосельская статуя (1830 г.).	159
Отрокъ (1830 г.).	—
Трудъ (1830 г.).	160
На переводъ Иліады (1830 г.).	—
Красавицѣ (1831 г.).	161
Клеветникамъ Россіи (1831 г.).	162
Бородинская годовщина (1831 г.).	164
19 октября 1831 (1831 г.).	167
Эхо (1831 г.).	169
Въ альбомъ А. О. Россети (1832 г.).	—
Гусаръ (1833 г.).	170
Мицкевичъ (1834 г.).	174
Къ Н**. (1834 г.).	175
Д. В. Давыдову (1836 г.).	176
Полководецъ (1835 г.).	177
Объясненіе.	180
Къ тѣни полководца (1835 г.).	182
Туча (1835 г.).	183
Пиръ Петра Перваго (1835 г.).	184
Вновь я посѣтилъ (1835 г.)	186
Юноша! (1835 г.).	188
„Когда за городомъ задумчивъ я брожу“ (1836 г.).	189
Художнику (1836 г.).	—
Молитва (1836 г.).	190
19 октября 1836 г. (1836 г.).	191
Памятникъ (1836 г.).	194

Эпическія произведенія.

I. ПОЭМЫ.

Русланъ и Людмила (1817—1820 г.).	195
Кавказскій Плѣнникъ.	272
Бахчисарайскій фонтанъ.	295
Братья Разбойники.	312
Цыганы.	319
Полтава (1828 г.).	340
Мѣдный всадникъ.	390
Женихъ.	403
Словарь къ лирическимъ произведеніямъ.	409

WYŻSZA SZKOŁA PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

151177

Biblioteka WSP Kielce

0126376